

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2006

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: mspskniga@co.ru

http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертес (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

Издание осуществлено при поддержке

Агентства Международного Развития США (USAID),

Комиссии Европейских Сообществ

Содержание

№ 1 (36) 2006

К читателю 5

Семинар

О политических идеях начала XXI века 7

Кристофер Коукер

Дискуссия 14

Тема номера

Этнос, нация и национализм 18

Евгений Барабанов

Апология российской идеи, или Как нам сохранить Россию 27

Сергей Маркедонов

Принципы и преимущества децентрализации 33

Хосе-Крус Перес Лапасаран

Культурное наследие - душа человечества 39

Дени де Кергорле

XXI век: вызовы и угрозы

Европа и Россия: общие ценности, которые нам вместе защищать 43

Альваро Хиль-Роблес

Уроки французского 48

Сергей Мошкин

Дискуссия

Нужны аниматоры! 52

О гражданском обществе и демократии в России

Вячеслав Бахмин

Легко ли журналисту говорить правду?

К вопросу о журналистской этике 55

Джон Ллойд

Деньги и люди 59

Александр Волков

Новый сезон политического театра 63

Юрий Гиренко

Свобода и культура

Свобода и справедливость: из эпохи Просвещения в XXI век 66

Александр Согомонов

Личный опыт

Юрий Страхов: "Высокопарных слов не надо опасаться" 73
Ольга Петрова

Идеи и понятия

Политософия как жизнетворчество 78
Геннадий Бурбулис

Горизонты понимания

Введение во власть 84
Максим Сергеев

Изнутри наружу 94
Александр Мордовин

Россия и Запад 98
Владислав Иноземцев

Книги

Россия: от империи к империи 110
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 112
Евгений Сулов
Лида Рыгина
Борис Подольный

Контрапункт 117
Александр Архангельский

Nota Bene

"Как устроено время в медиа?" 121
Кирилл Кобрин

В оформлении номера использованы работы художников из Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, России, США и Швейцарии.

К читателю

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Как показывает исторический опыт, национальное единство зависит от приверженности граждан общим ценностям.

Есть ли у нас эти ценности? Безусловно, есть (ценность жизни, свобода, демократия), но поскольку сами по себе они абстрактны, мы не придаем им должного значения.

Возможно, это покажется неожиданным, но понятие «ценность» вошло в европейскую культуру сравнительно недавно, в середине XIX века. Был такой немецкий физиолог и философ Рудольф Лотце, который и ввел его в культурный оборот: по-немецки *Wertsachen* — ценности, этимологически происходит от слова *der Wert*, «цена» (стоимость). Кстати, в отечественной культуре понятие «ценность» тоже появилось в XIX веке после выхода на русском языке произведений Ницше с его призывом к «переоценке всех ценностей». Почему так поздно? И почему это понятие заменило собой (но не отменило) смысл религиозных заповедей?

Дело в том, что слово «цена», если мы откроем «Этимологический словарь русского языка» Фасмера и посмотрим, откуда оно появилось, то обнаружим, что когда-то оно было близко по смыслу к таким словам, как «покаяние», «возмещение», «наказание». То есть носило сакральный смысл. Например, персонажи древнегреческих трагедий не обсуждали проблему цены товара или ценности жизни, в них говорится о возмездии и наказании за неправильно прожитую жизнь. И о том же самом фактически говорится в Библии. Но после эпохи Возрождения в результате научных открытий и бурного роста научных знаний прежние некогда синкретические понятия стали размываться и приобретать новые значения, а человеческая жизнь восприниматься постепенно в рамках рационального знания.

Чтобы сказанное было понятнее, приведу конкретный пример. Возьмем два известных слова: «терпимость» и «толерантность».

Что такое терпимость? Согласно известной русской поговорке, «Бог терпел и нам велел». А толерантность? Это слово, будучи заимствованным, появилось, как известно, в нашем языке совсем недавно. Какая между ними разница? На протяжении столетий

русский народ считал, что надо **терпеть**, не осознавая, что вовсе не в этом заключен урок жертвы Христа, а в том, что Его подвигом нам был завещан идеал любви — в виде добровольного однажды и навсегда искупления всех человеческих грехов. И поэтому мы не должны повторять Его путь крестной муки, а **призваны понять** это историческое событие в терминах этики и соответственно строить свою гражданскую жизнь. То есть жить **толерантно, уважая свободу другого** как свою собственную.

Означала ли эта свобода отказ от религиозных заповедей? Конечно, нет. Но встала проблема — и, надо сказать, весьма трудная — формирования земного представления, без утраты провозглашенных заповедей, о понимании «ценности» человеческой жизни в горизонте свободы. На это в Европе ушло не одно столетие. Сошлюсь в этой связи на одну из формул такого понимания, она принадлежит Канту: «Наше упование на Бога должно быть настолько полным, чтобы не оставалось никакой надежды на Его участие в наших делах». Почему? Потому что свобода, согласно Канту, «растет вместе со степенью моральности». А русский мыслитель Ю.Ф. Самарин выразил это несколько иначе: «Я признаю, подчиняюсь, покоряюсь — стало быть, я не верю. Церковь... принимает в свое лоно только свободных. Кто приносит ей рабское признание, не веря в нее, тот не в Церкви».

Социальная система любого масштаба предполагает не только существование, но и укоренение неких общих нравственных ценностей. В наших сегодняшних условиях — ценностей жизни и демократии, поскольку именно они приводят в действие весь процесс функционирования социальных институтов и экономических отношений. И такой же ценностью является, несомненно, гражданская нация, которая и может, на мой взгляд, стать сегодня объединяющим началом возрождения патриотизма и сплочения общества.

И в этой же связи подчеркну следующее: говоря о гражданской нации, я отнюдь не призываю к созданию некой новой общности людей, подобной советскому народу. Я лишь утверждаю, что мы можем стать **гражданами России** независимо от своего этнического происхождения, не отказываясь при этом от защиты особенностей культуры и духовного облика малого народа в правовой форме, как это было характерно в свое время для стран Западной Европы, проходивших стадию строительства национального государства.

Понятия национального государства и империи, однажды появившись, как культурные феномены сосуществуют. Идея «империи» реализуется в наши дни через бизнес (без границ, глобально). Это естественный процесс. Проблема: как вписаться в этот глобальный процесс, главными субъектами которого являются гражданские нации с их сохраняющимися традициями, то есть с пребыванием людей в разных исторических временах.

Гражданские нации не исчезнут, поскольку именно в них будет и в дальнейшем происходить отбор тех ценностей и идей, которые наиболее адекватны и гармоничны устремлениям человечества к более осмысленной общественной жизни.

Следовательно, наши элиты должны конкурировать в процессе создания привлекательного образа государства как гражданской нации, что в свою очередь зависит от понимания нами роли ценностных механизмов в регуляции человеческой деятельности.

О политических идеях начала XXI века*

В XX веке не было ни одной самостоятельной великой идеи. Но в XX веке были созданы технологии, с помощью которых воплощались идеи XIX века. В Петербурге есть памятник Ленину на броневике — яркий символ того, что принес с собой XX век. Марксизм — идея XIX века, а XX век позволил ему реализоваться.

Главные идеи XX столетия — либерализм, социализм, фашизм — произошли из девиза Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство». Часто забывают окончание этого девиза — «или смерть», а смерть очень важна. Миллионы людей отдавали свою жизнь в двадцатом веке за идеи девятнадцатого.

Сами по себе идеи не опасны, пока не становятся идеологиями. Но именно идеи выводят людей на улицы, меняют правительства и выражаются в политических платформах и программах, которые и составляют идеологию. То есть идее нужен своего рода посредник, благодаря которому она выражается в форме идеологии.

XIX век породил три таких посредника: империализм, революцию и войну. Последней революцией XX века, сопоставимой по своим масштабам с предшествующими, была, на мой взгляд, революция в Иране, в ходе которой была свергнута династия Пехлеви. Войну же развитие технологий превратило в наши дни скорее в разновидность рыночной конкуренции. А что касается империализма, то хотя он и сохранился, но теперь уже в виде культурного империализма.

Прежде чем говорить об идеях XXI века, надо определиться с пониманием смысла исторических событий, участниками которых мы являемся.

Я лично считаю, и не думаю, что тут могут возникнуть сомнения, что начало XXI века относится к 1989 году, когда пала Берлинская стена и закончилась холодная война.

Когда это произошло, я был в Галвестоне — маленьком тexasском городке — и должен был выступать перед Советом по международным делам. Тема моего выступления звучала так: «Холодная война: следующие двадцать лет». Мы говорили об этом 6 ноября 1989 года, а на следующее утро я включил телевизор и увидел, как люди разбирают Берлинскую стену...

Кристофер Коукер, профессор международных отношений Лондонской школы экономики и политических наук

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голлицыно 24 июля 2005 года.

Американский профессор Френсис Фукуяма предложил тогда свое понимание смысла нового века: концепцию «конца истории»; триумфа одной из идей XIX века — либерализма, и поражения двух других идей — социализма и фашизма.

Но известно, что социализм не умер, он возродился в антиглобалистских движениях, как, впрочем, и фашизм. Вспомним, что вначале он был чисто европейским изобретением, и сегодня вновь возник в европейской политике в форме ответа на вызовы исламофашизма, а точнее, терроризма.

Но вернемся к Фукуяме.

В современном западном мире много ценного, при этом я имею в виду достижения в области материального благополучия людей, их здоровья, свободы. Но, к сожалению, неотъемлемой его чертой продолжает оставаться отчуждение. Мы отчуждены от самих себя и поэтому выглядим нередко в глазах окружающих неадекватно. Приведу пример.

Один канадский журналист во время гражданской войны в Югославии спросил хорватского телохранителя, почему тот убивает своих сербских коллег. И получил ответ: «Потому что они курят другие марки сигарет». Канадец возразил, что это не слишком веская причина убивать людей. «Так они же считают себя выше нас», — ответил тот. Когда же и эту причину журналист назвал не слишком убедительной, хорват сказал: «Конечно, для вас мы все дерьмо!» В этом состоит современное отчуждение: а кто ты на самом деле в глазах других?

Сама же концепция отчуждения была сформулирована еще в начале XIX века Гегелем, который писал, что его суть заключается в специфическом отношении человека к созданной им реальности, и, следовательно, он отчужден от других людей не по биологическим, а абстрактным причинам. Тогда как настоящая причина отчуждения — в недостатке свободы. То есть преодоление отчуждения он видел скорее в теоретическом осознании его неистинности, что и доказала, по его словам, Французская революция: человек может освободиться от тирании.

Маркс предложил иной подход. Он заявил, что главная причина отчуждения состоит в отчуждении условий труда от самого челове-

ка, что рабочему противостоят в отчужденной форме в качестве капитала не только материальные, но и интеллектуальные условия его труда. Мы работаем на других людей и поэтому отчуждены от самих себя, а когда будем работать на себя, тогда все обретут настоящую человечность и станут равными.

Великие идеологии XIX века предлагали, по существу, путь преодоления отчуждения через изменение человеческой природы, так как люди верили, что они могут быть более совершенными и счастливыми. Гегель и Маркс секуляризировали христианство, и их политические идеи превратились со временем в разновидность политических квазирелигий, обещавших человеку достижение счастья уже в этом мире. Но есть большая разница между словами Декларации независимости США — первого в истории политического документа, в котором говорится о *праве человека на счастье*, и, скажем, той же марксистской доктрине, согласно которой оно может быть *завоевано* в результате классовой борьбы, не говоря уже о фашизме.

Самое существенное в произошедших к настоящему времени переменах состоит в том, что ни одна идеология больше на это не претендует. Все они обещают улучшить условия нашего существования, по крайней мере, в трех областях. Во-первых, создать более цивилизованный международный порядок. Во-вторых, улучшить окружающую нас экологическую среду и тем самым сохранить наше здоровье и, в-третьих, обеспечить сосуществование разных культур в обществе. Вот, собственно, три главные современные идеи на Западе, появившиеся после Освенцима и ГУЛАГа, показавших, к чему приводит стремление политиков по расовым или классовым основаниям создать более совершенного человека.

Почему я напоминаю об этом? Потому что проектировщики Освенцима и ГУЛАГа исходили в свое время из идеи так называемого объективного преступления, в соответствии с которой можно было считать, например, еврея или цыгана преступником, только потому что они родились евреем или цыганом или были классовыми врагами и поэтому подлежали уничтожению, даже если не совершили ни одного преступле-

ния в своей жизни. Но все равно «объективно» они были виноваты хотя бы в том, что отличались от массы других.

К счастью для нас, европейцев, сегодня ни одно наше правительство не подписывается под идеей «объективной преступности», не разделяет ее. Однако существуют серьезные негосударственные силы, которые под ней подписываются. Самая знаменитая из них — «Аль-Каида». Она воюет с Америкой, не делая различий между американским государством и американским народом, считая, что уже само рождение человека в Америке делает его объективно виновным. Так что идея не умерла. И до цивилизованного международного порядка нам еще далеко. Вторая современная идея — экологическая, связанная напрямую с нашим здоровьем, когда предпочитают не думать о человеческой душе. Сегодня мало кто говорит о душе. Так же как ни один европейский политик, независимо от партийной принадлежности, не говорит о Боге.

О чем это свидетельствует? Вспомним Евангелие, где говорится о «вечной жизни». В наши дни большинство людей в Западной Европе считает, что со смертью все заканчивается. Поэтому все, чего раньше ждали от вечности, сейчас хотят получить в этой жизни. Отсюда — одержимость западных людей своим здоровьем и долголетием. Политики всех партий добиваются избрания, главным образом играя на проблемах улучшения качества жизни. Все стараются доказать, что будут лучшими менеджерами в решении этих проблем.

За последние годы колоссально изменилась медицина: теперь она занимается не столько ремонтом поврежденных человеческих тел или умов, сколько укреплением тела. Огромными темпами развиваются пластическая хирургия, фармакология — все, что укрепляет здоровье и улучшает физическое состояние человека.

Разумеется, это исключительно важно, когда предпочтение отдается настоящему, а не будущему. Когда утопия отброшена и люди хотят жить здесь и сейчас. В XIX веке меч-

тали о будущем. Тогда полагали, что жизнь может быть жестока с тобой, но у твоих детей она будет лучше. Теперь речь идет о том, что жизнь должна быть лучше для всех и прямо сейчас.

...Законы рынка определяют образ политического мышления, видение будущего, превращение идей в идеологии

Все это и приводит к бунту антиглобалистов против чрезмерного материализма. Антиглобалисты протестуют прежде всего против потребительства. С 1950-х годов потребление стало самым важным в нашей жизни — даже в Советском Союзе. Когда Никита Хрущев в 1959 году во время визита в США произнес знаменитое «Мы вас закопаем», он имел в виду, что СССР завалит Запад не ракетами, а потребительскими товарами. Что он выиграет холодную войну, обогнав Соединенные Штаты по уровню производства и делая такие товары, которые будут востребованы во всем мире. Хрущев основывался на прогнозах своих экономических советников, по расчетам которых к 1970 году советский ВВП должен был сравняться с американским, а к 1980-му превзойти его почти вдвое.

Этого не случилось. США выиграли в потребительской гонке. Многие люди, вышедшие на улицы Лейпцига и Праги в 1989-м, разбивавшие Берлинскую стену и рушившие коммунизм в Восточной Европе, были мотивированы желанием жить как на Западе.

Потребительство сейчас подчиняет себе и религию, а ее адепты охотно используют язык рынка. Мой любимый пример — Универсальная Церковь Царства Божия в Бразилии. У нее есть свой веб-сайт, своя телевизионная сеть, свои мыльные оперы, свои рок-группы и даже собственные чековые книжки. Это не Иисус, который спасает; это Иисус, который платит дивиденды за веру.

В этом состоит «конец истории». Нашу историю теперь творит рынок. Язык и законы рынка определяют образ политического мышления, видение будущего, превраще-

Пауль Цитроен. Метрополис. 1923

ние идей в идеологии. И естественно, что это вызывает протест. Антикапитализм никуда не ушел, социализм не исчез, он возродился на Западе в новой форме — антиглобалистского движения.

Одно из главных обвинений антиглобалистов в адрес капитализма — коммерциализа-

ция политики, коммерциализация жизни, коммерциализация тела. Не говоря уже о клонировании, генетических экспериментах, новых лекарственных препаратах и т.п., что тоже порождает протест, который соединяется с протестом против глобального неравенства.

В антиглобализме возродился центральный тезис социализма о том, что богатые богатеют, а бедные — беднеют. Сравнение социализма и антиглобализма вообще весьма интересно. Антиглобалисты используют для коммуникации и организации своих акций Интернет, подобно тому как в конце XIX века для создания рабочих организаций использовались листовки.

Но есть и существенное различие. Социализм в основе своей — движение бедных. Антиглобализм — движение в защиту бедных. Глобальное сознание есть продукт глобализации, продукт Интернета, а социализм был продуктом капитализма. В этом проявляется парадокс: любая идеология после своей победы порождает критиков. И Фукуяма был прав, когда писал, что либерализм победил, но, победив, он породил не только критиков-антиглобалистов, но и тех, кто готов сокрушить его.

Тем самым я перехожу к третьей современной идее — о сосуществовании культур. Возможно ли такое сосуществование в принципе, учитывая воинственную позицию сторонников исламского фундаментализма?

Последователи ислама верят, что «братство уммы» радикально отличается от остального мира. Эту идею трудно понять с позиций европейского универсализма, отрицающего наличие качественных различий между людьми. В годы Французской революции была принята Декларация прав человека и гражданина, провозгласившая равенство всех людей. На этом принципе основан базовый документ современного универсализма — Всеобщая декларация прав человека ООН, принятая в 1948 году. Ее тогда отказались ратифицировать восемь стран. Только что принявшая систему апартеида ЮАР, которая не согласилась с принципом расового равенства. СССР и другие социалистические страны не приняли идею политических прав и свобод. И была еще одна не присоединившаяся к Декларации страна, на которую в 1948 году никто не обратил внимания — Саудовская Аравия. Ее не устроила статья 18, которая признавала право на изменение религии.

Умма не позволяет менять ислам на любую другую веру. (В этом смысле фетва против

Салмана Рушди была издана не против христианина или буддиста, позволившего себе выпады против Пророка, а против мусульманина-отступника. Рушди — не верующий мусульманин, он атеист, но в глазах исламистов нельзя перестать быть мусульманином.)

Повторяю, никто на это не обратил внимания в 1948 году, поскольку никого тогда не волновала религия. Со времен Просвещения к религии относились как к пережитку, который вот-вот исчезнет. Никого также не волновала и Саудовская Аравия. Религия считалась аномалией, Саудовская Аравия — анахронизмом. Но религия вернулась и стала одной из движущих сил XXI века — в виде исламского фундаментализма.

Исламский фундаментализм — последняя сохранившаяся политическая религия в наши дни. Он во многих отношениях похож на фашизм и коммунизм. Это касается понимания добра и зла, понятия о верных и неверных. Он несет в себе мессианское начало и стремится к завершению истории путем создания всемирного халифата. Фундаменталисты верят в джихад, войну против неверных как в средство достижения своей цели и потому одобряют террор.

В романе одного американского писателя рассказывается о событиях в Бейруте начала 1980-х годов, когда появились первые террористы-самоубийцы. Главная героиня романа — американская кинодокументалистка, снимающая фильм о похищениях западных бизнесменов террористами. Она встречает одного из террористов, который говорит ей: «То, чего вы на Западе достигаете работой, мы на Ближнем Востоке добиваемся террором».

Террор может быть важной силой истории, но он мешает каждому из нас делать свою собственную историю. Террор — это валюта тех, кому не хватает могущества. Известный афоризм гласит: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Тоталитаризм XX века подтвердил это более чем наглядно. Но в наше время точнее будет сказать, что развращает безвластие, а абсолютное безвластие развращает абсолютно. Негосударственные акторы начала XXI века направляют энергию безвластных не на труд и созидание, а на террор.

На последней странице упомянутого романа описывается, как героиня стоит у окна бейрутского отеля и видит в отдалении какие-то вспышки — начало обычной для Бейрута вечерней перестрелки. И думает о том, что это похоже на вспышки фотоаппаратов, что терроризм — это искусство быть замеченным. Он драматичен, символичен и театрален. Сила бессильных выразительна. Терроризм предназначен не для достижения цели, а для привлечения внимания. Истинное значение атаки на Всемирный торговый центр — это театр и одновременно трагедия.

Существует грамматика убийств, и она различна для властвующих и безвластных. Властвующие убивают для достижения каких-либо целей и стремятся при этом свести к минимуму ущерб для себя и сводят к минимуму человеческие потери. Для безвластных главное — нанести как можно больший ущерб, убить как можно больше людей; продемонстрировать свою жестокость: взорвать себя при большом скоплении народа, отрезать голову заложнику перед видеокамерами и т.д. Эти две силы ведут себя по-разному, ставят разные цели и мечтают о разном.

Но не менее опасна сама идея исламизма, которая также порождает конфликты. Исламистов беспокоят правила жизни людей — соблюдение ритуалов, еда, образ жизни. Им трудно жить в мире, где, как они считают, господствует Запад и какая-то «глобализация» разрушает их культурную идентичность. Хотя на самом деле глобализация как раз способствует культурному разнообразию, но исламисты тоже считают ее угрозой.

Конечно, важен тот факт, что 40 процентов мусульман сегодня живут за пределами исламского мира, в основном на Западе. Существуют и другие религии, имеющие строгие социальные запреты, например иудаизм. Но евреи живут внутри других сообществ в течение двух тысяч лет, и они выработали способы согласования универсальных норм со своими запретами. У мусульман такого опыта нет, они только недавно столкнулись с такой проблемой.

Что это, столкновение цивилизаций? Нет, поскольку сталкиваются не ценности, а

нормы. Между ценностью и нормой существует большое различие. Ценности всех цивилизаций, существующих сегодня, сформировались, по меньшей мере, две с половиной тысячи лет назад. Все религии или такие верования, как конфуцианство и даосизм (которые фактически не являются религиями), разделяют в сущности одни и те же ценности, но по-разному их интерпретируют. Отсюда — разные требования к хорошему христианину, хорошему мусульманину, хорошему конфуцианцу и т.д. Различия обусловлены во многом разными социально-экономическими условиями. Требования к «хорошему христианину» в досовременном мире были не такими, как стали в современном, а в постсовременную эпоху меняются снова.

Ценности остаются теми же, а способы их интерпретации меняются. Это относится и к исламскому миру. Если в парламентской Турции обсуждается отмена всякого наказания за супружескую неверность, то в Афганистане при талибах неверных жен публично расстреливали на стадионе. И когда корреспондент Си-эн-эн спросил у талибского лидера, не стыдно им использовать таким образом свой единственный стадион, тот ответил: «Стыдно. Международное сообщество должно помочь нам построить второй стадион. Тогда на одном мы будем играть в футбол, а на другом — устраивать казни». Что это — свидетельство о ценностях ислама? Нет, скорее мнение человека из досовременного государства с соответствующим пониманием ценностей.

Кстати, при обсуждении вопроса о вступлении Турции в ЕС многие считают более политически корректным говорить о проблемах с исламом, чем о нищете анатолийских деревень. Конечно, крестьяне в этих деревнях думают так, как их научили родители. Но это вопрос, относящийся не к ценностям, а к социально-экономической реальности. Нормы и ценности легко перепутать между собой, но это разные вещи.

Можем ли мы изменить человеческое поведение (не природу человека, а только его поведение) к лучшему? Можем ли мы сделать демократию более безопасной? Можем ли осуществить проект демократиза-

Жозе Манюэль Баллестер

ции «Большого Ближнего Востока»? Можно ли использовать войну как средство для экспорта наших норм поведения другим народам? В XXI веке, возможно, уже нельзя, и события в Ираке служат явным доказательством этого, хотя в XX веке так делали.

В романе Марка Твена «Янки при дворе короля Артура» рассказывается об американце XIX века, оказавшемся в Британии VI века. Как хороший американец, воспитанный в духе либеральных идей, этот герой пытался превратить Британию в хорошее по меркам XIX века общество. Но из всех его попыток ничего не вышло, и все закончилось большой кровопролитной битвой, в которой рыцари Круглого Стола были перебиты из огнестрельного оружия. Интересно, что ни в одной голливудской экранизации романа (а их было четыре) эту битву не показали, хотя в этой главе заключена главная идея романа: попытка силой навязать людям хорошее ведет к разочаровывающим результатам. Почему? Потому что если об-

ществу навязывают правила, которые оно не может принять по социально-экономическим причинам, оно не выживает.

Впрочем, несмотря на мое критическое отношение к политике США, должен сказать, что, на мой взгляд, новые политические идеи могут родиться именно в Америке, а не в Европе. Причина в том, что американцы соединяют современность и религиозность. Америка — не агрессивно секулярное общество, она религиозна. Причина в американской конституции, обещающей гражданам свободу религии и свободу от религии. Очень важное сочетание: свобода от государственной церкви и свобода исповедовать любую веру. В этом причина того, что у американских мусульман гораздо меньше трудностей в приспособлении к местной жизни, чем у многих мусульман в Западной Европе, воспринимающих себя «чужими» и отброшенными на обочину жизни. И именно поэтому среди них так легко вербовать террористов.

Дискуссия

Тимур Алиев, главный редактор газеты «Чеченское общество», Республика Чечня:

— У меня не вопрос, а комментарий. Когда вы говорили о том, что есть разница между ценностями и нормами, вы сказали, что это сложный вопрос и поэтому легко поддаться искушению их перепутать. Но когда сопоставляли западные ценности и ислам, на мой взгляд, вы сопоставляли несопоставимое, а именно, с одной стороны, религию, а с другой — демократические ценности. И то же самое произошло, когда говорили о шариате и христианстве, то есть поставили в один ряд судебную систему и религию. На мой взгляд, это не совсем правильно. И еще, вы сказали, что война с неверными — это джихад, но джихад бывает трех видов: джихад словом, джихад действием и военный джихад. Но у нас предпочтение отдается всегда джихаду словом. То есть он считается более действенным. Так что джихад — это не обязательно какое-то убийство, а тем более не террор.

Татьяна Горкунова, президент Клуба слушателей и выпускников екатеринбургского отделения Школы публичной политики:

— Г-н Коукер, существуют ли, на ваш взгляд, пути обеспечения равенства культур различных народов и сохранения национальных культур в XXI веке при ярко выраженной тенденции к культурному космополитизму?

Наталья Елисеева, ведущий специалист информационно-аналитического отдела администрации г. Пензы:

— Вы очень интересно рассказали про различные идеи и религии, а верите ли вы, что в будущем останется только одна религия. И выбрали ли вы для себя какую-то одну идею, которую бы взяли с собой в XXI век?

Дмитрий Потанов, координатор региональных программ института «Общественная экспертиза» (Астраханская область):

— Скажите, пожалуйста, каковы причины возникновения ислама полторы тысячи лет назад? Ваша точка зрения.

Елена Немировская, директор-основатель Московской школы политических исследований:

— А почему возникло христианство две тысячи лет назад? Вы не задумывались над этим вопросом? (Смех в зале.)

Заурбек Мальсагов, председатель регионального отделения политической партии «Аб-локо», Республика Ингушетия:

— На самом деле, у меня противоречивые мысли в связи с вашим выступлением. Я склонен, конечно, как мусульманин, думать иначе. Дело в том, что на протяжении последних десятилетий, после того как Израиль вытеснил Палестину, те страны не могут не вести свои так называемые боевые действия. Ну что вы хотите от людей, которые выражают таким образом свой протест. И потом, меня вообще удивляет ваша фраза об «исламском фашизме». Елки-палки,

я первый раз это слышу. Вы, пожалуйста, не ставьте весь ислам на одну доску, в результате этого только нагнетается истерия.

Алексей Клешко, депутат Законодательного собрания, Красноярский край:

— У меня тоже небольшой комментарий, но вначале я хотел бы поблагодарить г-на Коукера за замечательную лекцию.

Понятно, что Кристофер говорил об очень острых вещах, для России особенно острых, воспринимаемых нами, естественно, по-другому. Но я бы предпочел в этом случае комментировать его выступление, учитывая, что это человек из другой культуры и с другим опытом. И если вы услышали слово «фашизм» рядом с выражением «исламский фундаментализм», то вспомните, что говорилось про фашизм как проявление исламского радикализма и одновременно европейского на него ответа, тоже приравненного к фашизму. И в этом смысле, ну, давайте все-таки пытаться воспринимать то, что мы слышим, адекватно. И, кстати, не забудем, что человек приехал к нам из Лондона, где две недели назад были совершены террористические акты.

Елена Немировская:

— Леша, спасибо. Это очень важно, поскольку мы говорим об идеях, о жизни идей. Если не получается, то вопросы лучше не задавать. Типа — почему родился ислам? Я прошу открыть книжки и почитать. Есть несколько мировых религий, и если мы причисляем себя к одной из них, это не значит, что другие религии не должны существовать. Они будут существовать. Как научиться жить не в экстремальных ситуациях и как действительно войти в мир современности — вот проблема, над которой мы должны думать. Обиды существуют везде, давайте думать, как из этого выходить, обсуждая генезис идей и их жизнь в современной культуре.

Кристофер Коукер:

— Вначале о ценностях. На британском телевидении появилась программа, которая называется «Война миров» (как роман Герберта Уэллса и фильм Спилберга с участием Тома Круза). Но можно ли на самом деле говорить о войне миров, войне цивилизаций? Исторические свидетельства того, что главные конфликты происходят между цивилизациями, не так просто найти, тогда как внутри цивилизаций острых столкновений было множество. Я знаю единственный исторический пример конфликта цивилизаций — вторжение испанцев в Новый Свет в начале XVI века. Причиной конфликта стало то, что они встретили совершенно чуждый для себя мир, слишком географически удаленный, а потому никак не связанный с привычной для европейцев культурой и религией.

Что же касается привычных для нас ценностей, то они не слишком изменились за последние две с половиной тысячи лет. Гениальному философу Ницше принадлежит очень точное изречение: все религии исходят из того, что Бог интересуется нами в той же мере, в какой мы интересуемся им. Это главное для любой гуманистической религии — вера в то, что Богу мы и в самом деле интересны. А вот для ацтеков такое понимание было чуждым. Другая общая черта религий Старого Света — антропоморфизм. Боги всегда представлялись нам в человеческом или похожем на человеческий облик. Боги ацтеков ничуть не похожи на людей. Вот в этом случае можно говорить о столкновении цивилизаций.

Что же касается цивилизаций Старого Света, то здесь я не вижу существенных ценностных различий. Например, человеческая жизнь. Часто говорят,

что, скажем, китайцы не считают жизнь человека ценностью. И когда китайские руководители требуют возвращения Тайваня, они действительно официально заявляют, что для освобождения этого острова готовы пойти на уничтожение всех, кто там живет. А вот представить себе, чтобы какой-нибудь западногерманский политик до 1989 года требовал освобождения Восточной Германии от коммунизма ценой уничтожения всех, кто живет в ГДР, невозможно. Но тут дело не в ценностях, а в концепции гражданства, утвердившейся в Европе XIX века. И должен сказать, что китайские руководители тоже начинают ею интересоваться. Они озабочены слабостью своего общества и причину слабости видят в моральном вакууме, потому что люди перестают верить в коммунизм. Так что отношение к ценности человеческой жизни, возможно, изменится и в Китае, когда в этой стране начнут обсуждать проблемы гражданского общества, неразрывно связанного с понятиями гражданства и гражданина. Уверен, что если этот проект получит развитие, то лет через 30 мы будем говорить с ними на одном языке.

Ценность человеческой жизни — не только религиозная, политическая или философская идея, это еще и конкретно-историческое понятие, смысл которого определяется конкретной ситуацией. Сегодня его определяет нация-государство (европейское изобретение) и предшествующая ему концепция гражданства.

Космополитизм. Это великая идея и слово, которое широко используется в институтах и университетах всего мира. Но оно может быть опасным! Космополитизм был придуман немецким философом Иммануилом Кантом. Его концепция основывалась на «категорическом императиве» — надо относиться к человеку как к самоценности, а не как к средству. Исключение он делал только для одной группы людей — для евреев, поскольку иудаизм не является универсальной религией. Кант был под большим впечатлением от ислама; он считал, что в мире есть две великие прозелитические религии — христианство и ислам: у мусульман есть джихад; у христиан были крестовые походы. Что же касается иудеев, то Кант, исходя из принципов космополитизма, считал возможным их преследование. Его доводы отличались от нацистских и других распространенных в антисемитских кругах резонансов (сомневаюсь, чтобы нацисты читали Канта): причину он видел в принципиальном неуниверсализме иудаизма.

Что же касается конфронтации Запада с исламом, то ее причина в стремлении ислама к расширению, к установлению своего доминирования в мире. Именно это — проблема сегодняшнего дня. Но важно различать три типа или облика ислама. Первый — ислам как таковой. Второй тип — исламизм, пытающийся сделать религию широким политическим движением. Третий — исламский фундаментализм, стремящийся сделать это движение политической религией, направленной на исправление человеческой природы (не в следующей жизни, а в этой). Это различие не всегда очевидно, его не так просто провести, но оно обязательно должно быть проведено. Если этого не сделать, то «столкновение цивилизаций» станет самосбывающимся пророчеством.

Наталья Лосева, директор Дирекции интернет-проектов Российского агентства международной информации «РИА Новости»:

— Я хочу сказать, что за время моего пребывания в Школе Крис Коукер — это, пожалуй, одна из самых ярких наших звезд и для меня его выступление каждый раз событие. Спасибо большое.

Мне кажется, что проблема еще и в том, что не очень правильно и, наверное, не безопасно подходить к актам терроризма, смотреть на них с наших привычных позиций: межконфессиональных, политических или коммерческих конфликтов. На мой взгляд, во всем том, что сейчас происходит, а идет настоящая информационная война, все это явный признак гуманитарной катастрофы, и мне кажется, что этот вопрос сейчас наиболее актуальный. Как об этом говорить, как все это освещать? Ведь нельзя, скажем, в той же Англии запретить Би-би-си до особого распоряжения называть произошедшее 7 июля в Лондоне терактом. Или запретить выйти в эфир носителю той или иной радикальной точки зрения. Хотя как продюсер я понимаю, что, для того чтобы поднять свой рейтинг, мне было бы достаточно показать, допустим, по телевидению фотографию террориста даже без комментария. Вопрос в том, каким должен быть такой комментарий, когда нельзя что-то показывать и одновременно нельзя молчать. Это и есть наша общая гуманитарная проблема.

Армен Ашотян, председатель молодежной организации Республиканской партии Армении:

— Я хотел бы сказать об исламе как представителе страны, который живет в исламском окружении, и подчеркнуть, что никаких проблем у мусульман с христианами не возникает. Когда мусульмане-турки резали армян, то те же самые мусульмане — арабы и иранцы — их спасали. То есть проблема здесь не религиозная и заострять ее сегодня — значит делать кому-то пиар. И второе, мне кажется, что христианство — это самая аполитичная религия. Вспомните фразу «Богу богово, а кесарю кесарево».

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Свое выступление Крис закончил надеждой, что, возможно, в Америке появятся новые политические идеи, которые помогут избежать «столкновения цивилизаций». Скажу несколько слов по этому поводу.

Я думаю, нам не стоит забывать, что существует несколько мировых личностных религий. Именно личностных, потому что любая религия — это религия личного спасения. Буддизм, христианство, ислам — все эти религии когда-то, с помощью разных ритуалов и опираясь на разные философские традиции, стали практиковать свой идеал веры в бессмертие души, а их последователи создали институты, предназначенные для духовного руководства верующими. Но случилось так, что лишь в Европе поиск «бессмертия души» или «вечной жизни» привел со временем к тому, что здесь была не только провозглашена, как выразился докладчик, свобода от религии, но и стало утверждаться толерантное отношение к другим религиям.

В этом смысле современная западная цивилизация уникальна: если она что-то и «навязывает» остальному миру, то столь же открыта к нему, и именно эта открытость — основа возможного, в том числе и политического, диалога с исламским миром. Глобализация — процесс естественный, но сложный и многомерный. Чтобы вписаться в него и не только пройти с наименьшими потерями для всех участников, но и извлечь максимальное преимущество, нам надо учиться думать в долговременной перспективе с позиций универсальных ценностей мировых религий.

Перевод с английского Юрия Гиренко

Евгений Барабанов,
философ

Этнос, нация и национализм

С самого начала хочу предупредить: я не знаю, что такое «гражданская нация». Но для меня очевидно, что в настоящее время в России формируется новый политический дискурс, о котором я скажу позже. Итак, допустим, что есть некий этнос, есть нация и есть естественные предпосылки для формирования соответствующего «изма». Или, другими словами, для появления теории национализма, основу которой составляют некие краеугольные камни: национальные интересы, национальная идентичность, национальная культура, национальное государство. То есть речь идет об очевидных идеологических феноменах. Поэтому стоит проверить прочность этих краеугольных камней, чтобы лучше понять: а чем мы, собственно, занимаемся, когда строим современное государство? При этом будем держать в уме пронизательное предупреждение русского философа и писателя Василия Васильевича Розанова о том, что филологические ошибки бывают нередко источником ошибок политических.

Начнем с *этноса и нации*. Первое слово — греческое, второе — латинское. И обозначают они, казалось бы, одно и то же — «народ». Этнос — народ и нация — народ. Однако в науке слово «народ» не используется. Прежде всего в силу его многозначности: под «народом» понимается множество самых разных значений. Население государства — это народ; жители страны — народ (притом что можно сказать: «в России живут разные народы»); представители национальности и народности, скажем, «северные народы / народности» — тоже народ; трудовая масса населения — трудовой народ; выходцы из народа — тот же народ. Или простое скопление людей, когда мы говорим, например «в зале много народу», «при всем честном народе», «ну и народ». Простонародье — тоже народ; в русской литературе девятнадцатого века простонародье нередко выступало в значении «настоящий», «подлинный» народ и противопоставлялось другим социальным группам как «псевдонароду». Сюда же относятся и всякого рода поясняющие характеристики. Так, историки в недавнем прошлом любили писать о «народных движениях» и «народных восстаниях». Те же характеристики — в статусных обозначениях, таких как «народный артист», или в словосочетании, например, «народное торжество». Таким образом, слово «народ» принадлежит множеству смысловых регистров: от бытовых, повседневных до художественных и теоретических. К слову «народ» апеллируют

и образы личной или групповой идентичности, и стратегии политической мобилизационной пропаганды.

Конечно, бросающаяся в глаза перегруженность одного слова многозначностью имеет исторические предпосылки. И я хотел бы о них напомнить. А именно — подчеркнуть следующее. В древнегреческом языке, с которого когда-то переводили Священное Писание на старославянский язык, нашему слову «народ», которым переводчики пользовались наряду со словами «люди», «племя» «род», «языки», противостояло пять греческих. И самое любопытное, что четыре из них выступали в качестве эквивалентов древнерусскому «народ». Например, что обозначало слово «охлос»? Для древних греков это была толпа, чернь, массовое собрание, к которому можно прибавить слово «кратия». Отсюда власть черни — охлократия. Или другое слово — «демос». Тоже народ, но уже в смысле граждан, народного собрания. «Лабс» — третье слово, тоже народ; это либо полчище, либо просто множество людей, публика. Когда сегодня о прихожанах в церкви говорят «миряне» — имеют в виду «лаики». Четвертое слово «плётос» — население, народные массы, люди. И, наконец, еще одно, пятое слово: «этнос» — племя, народность, род, порода; или — язычники, так христиане называли всех тех, кто не принадлежал к «народу (лабс) Божьему», к церкви.

В старославянском и древнерусском языках «этносу» соответствуют «племя», «языки», «род». То есть в древнерусском «народ» (народ) это то, что после рода, после племени: то есть «демос», «лабс», «охлос», «плётос» и — самое главное, первое значение — «антропос»: «человеки», *homines*, люди. Но не «этнос». Греческому слову «этнос» соответствовали «племя» «род», «языки». И вот, если мы теперь откроем Толковый словарь Владимира Даля, то обнаружим, что ко второй половине XIX века русское слово «народ» вобрало в себя все, что у греков именовалось по отдельности (цитирую): «люди, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением;

чернь, простолюдье, низшие, податные сословия; множество людей, толпа».

В латинском языке — обратное; здесь дифференциация, сходная с греческим разведением и закреплением смыслов средствами отдельных слов. *Populus* — народ, простой народ, народность, общество. *Vulgus* — уже что-то «вульгарное»: толпа, чернь, простонародье. Или *plebs* (от греч. «плётос») — тоже толпа, народная масса, простой народ. В Древнем Риме была масса свободного населения, и хотя это были не рабы, первоначально они не пользовались политическими правами, в противоположность патрициям. Или слово *gens* (*gentis*) — род, родовая община, племя, народность, то есть то, что имеет отношение к происхождению, к наследованию каких-либо признаков.

И наконец, *natio*. Существительное от латинского глагола *nascor* — рождаться, происходить от кого-либо, возникать, начинаться. Слово многозначное: это и народ в смысле рода, рождения, происхождения, племени, и народность, класс, сословие, и — народ, который содержит в себе племена и народы. Поскольку русский язык принял и использует без перевода и греческое слово «этнос», и латинское «*natio*», следует иметь в виду не только их первичные значения, но также и последующие трансформации.

И здесь мы должны отметить: в Средние века, в эпоху Ренессанса и в первые века Нового времени слово «нация» не обозначало народ той или иной страны; для этого пользовались словом *populus* (англ. *people*, франц. *peuple*, ит. *popolo*). Под «нациями» имелись в виду землячества. В средневековых университетах «нации» выступали в качестве классификационных групп: например, к галльской нации относили выходцев из Италии, Испании, Греции, тогда как бургунды, норманны и валлоны причислялись к пикардийской нации. Либо под «*natio*» — еще одно значение — понималась «высшая часть общества», светская и духовная аристократия. И только во времена Великой французской революции членами нации стали называть себя представители третьего сословия, а все остальные нацией не были.

Таким образом, термин «нация» в тех значениях, в каких мы его употребляем сегодня,

Джордж Сигал. Сидящая женщина. 1973

появился достаточно поздно. Во всяком случае, новые значения были зафиксированы словарями около 1830 года. Поэтому естественно спросить: что же такое произошло, что позволяет нам говорить о чем-то новом: вначале был «народ», а потом появилась некая другая величина и народ стал называться «нацией»? В чем состоит различие? И по какому признаку определилась та более широкая общность, принадлежность к которой характеризовала это различие?

Коротко, совсем схематично, остановлюсь на двух предшествующих новым значениям слова *natio* моделях надплеменной общности, сформулированных еще в античности. Первая модель основана на принципе *культуры*. Достаточно ярко ее сформулировал философ и ритор Исократ (436–338 до н. э.), ученик Сократа. Его основной тезис: эллинами называются не те, кто имеет общее с нами происхождение, а те, кто участвует в создании нашей культуры. То есть определяющим является не этническое происхождение, но общие ценности воспитания, культуры. Эллинами становятся в той мере, в какой эти ценности усваиваются, определяют образ мысли и жизни. Если вы их не разделяете – вы не эллины, а варвары.

И второй принцип, для прояснения которого я процитирую отрывок из Деяний апостолов (это Новый Завет), где рассказывается следующая история.

Апостол Павел приходит в Иерусалим, идет в храм и пытается там проповедовать, что вызывает чудовищный скандал. Потому что для пришедших туда – он отступник от веры отцов, проповедник лжеучения. Слушатели возмущаются, начинают кричать и тут вмешивается власть. Цитата: «Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, тысяченачальник (военный трибун, комендант римского гарнизона. – *Е.Б.*) повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него. Но когда растянули его для бичевания, Павел сказал стоявшему сотнику (центуриону – чин низшего офицерского звания. – *Е.Б.*): разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда, неосужденного? Услышав *это*, сотник подошел и донес тыся-

ченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь сделать? Этот человек – Римский гражданин. Тогда тысяченачальник подошел к нему и сказал: скажи мне, ты – Римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его; а тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его». (Деян. 22, 23-29).

Итак, перед нами явно другой, отличный от идеи монокультуры регулятивный принцип. Мы видим: есть граждане и есть какие-то другие люди, которые живут тут же, среди граждан, но гражданами не являются; в случае провинности к ним применяются иные меры: например, их можно бичевать, поскольку по отношению к ним действуют какие-то другие законы. Все это я заведомо упрощаю, но с одной целью – показать, *что* именно из прошлого находится в фундаменте современных концепций нации.

В первом случае – идея единства культуры, языка, образования, общих традиций, духовных ценностей; во втором случае – принцип гражданства, благодаря которому могут сосуществовать представители разных культур. Тогда не так важно, откуда вы родом или какая у вас религия, а важно то наличие гражданства, как, например, в современной Голландии или Франции, при котором вас не могут, скажем, просто выслать из страны. Почти как во времена апостола Павла.

Но это в Европе, а в России? В русском языке слово «нация», начиная с петровских времен, употреблялось в значении «народ». Даже когда говорили и писали «нация калмыцкая», «нация татар» и т.д., то имелся в виду прежде всего тот или иной народ. Или фраза из «Архива» Б.И. Куракина: «... многие годы жил на Москве... и к нашей нации многуго любовь являет» (1705). Прилагательное же «национальный» (национальный характер, национальный художник и т.д.) появилось лишь в конце XVIII века. Только с XIX века (и до наших дней) слово «нация» приобретает все новые и новые определения, отличные от содержания слова «народ». Значения

и смыслы слова находятся в прямой зависимости от теорий национальной общности и учений о том, чем является или чем должна быть нация в России. По аналогии с античностью я сведу богатый идеями и аргументацией исторический материал к трем условным моделям.

Первая модель — **протестно-славянофильская**. В ее основе этнокультурное понимание нации, согласно которому русский православный народ обладает особым, не имеющим аналогов культурно-бытовым устройством, включающим в себя общину и соборность как определенные формы «органических» отношений свободной братской общности, а также самодержавие как нравственную силу и т. д. Все учение строилось на представлении о некоей изначальной русской самобытности, противостоящей всему наносному, европейскому. Почему «протестная»? Потому что государство, по убеждению славянофилов, навязывало русскому народу чуждые его укладу западные формы жизни, права, правления, бюрократию и т. д.

Вторая модель — **культурно-государственная**. Ее может проиллюстрировать позиция П. Б. Струве первого десятилетия XX века. В этот период Струве активно поддерживал столыпинскую идею «Великой России» и развивал аргументацию поддержки культурной гегемонии. То есть не просто сильной государственности, но именно *русской культурной гегемонии*. Вот ход его рассуждений: поскольку (по переписи 1897 года) русские племена (великорусы, малороссы, белорусы), образующие русскую нацию, составляют более 65 процентов всего населения, то «России как национально-русскому государству и единой русской нации историческим ходом вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемония в России... Для инородческих племен России русская культура обладает гегемонией не только в силу физического превосходства и численного преобладания русских. Такая гегемония принадлежит ей в силу ее внутренней мощи и богатства... Гегемония русской

культуры в России есть плод всего исторического развития нашей страны и факт совершенный, естественный. Я не знаю, возможно ли преодолеть и разрушить этот факт. Во всяком случае, такая работа, в моих глазах, всегда будет представлять колоссальную растрату исторической энергии населения Российской империи. Ибо не может быть никакого сомнения в том, что постановка в один ряд с русской культурой других ей равнозначных, создание в стране множества культур, так сказать, *одного роста*, поглотит массу средств и сил, которые при других условиях пошли бы не на националистическое размножение культур, а на подъем культуры вообще. Я глубоко убежден, что, например, создание средней и высшей школы на малорусском языке было бы искусственной и ничем не оправданной растратой психических сил населения. Ибо историческое соотношение между русской («великорусской») и малорусской культурой сложились так, что русский (= «великорус») может быть культурным участником национальной жизни и образованным человеком, не понимая вовсе малорусского языка, но «малоросс», не понимающий русского языка, просто еще безграмотен в национальном и государственном отношении. Он еще не прочел национально-государственного букваря»*.

Легко заметить, тезис Струве почти совпадает с тезисом Исократы: в основе нации лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния.

Третья модель — **имперская**. Ее представляют в данном случае реставраторы империи, которые пытались понять смысл большевистской революции. Один из них — яркий мыслитель Александр Салтыков, в тридцатые годы сотрудник эмигрантской газеты «Возрождение». Его тезис: революция — результат славянофильского перерождения империи, ибо именно славянофильский национализм и разрушал Россию. Отстаивая

«русскую самобытность», поборники русской исключительности превращали инородцев, иноплеменников из подданных Российской империи в подданных русского народа. Тогда как для Николая I, которого он цитировал, было иначе: «Немец... финляндец... грузин... татарин... Это и есть Россия». И следовательно, Россия — это подданные империи. И дальше Салтыков развивал мысль Пушкина о том, что в России правительство всегда шло впереди народа и осуществляло цивилизаторские функции. То есть империя, по убеждению Салтыкова, продолжала дело Петра и смотрела на Запад, а не на Восток.

А теперь несколько выдержек, чтобы был понятен контекст толкования нации как империи: «Мы не успели еще выработать своего русского слова для означения «нации» — факт далеко не случайный, как не случайно то, что и само слово «нация» у нас далеко еще не обрусело. Поэтому это понятие мы часто выражаем словом «народ». Но «народное» очень часто и многими понимается у нас как «простонародное», и, таким образом, от возвеличивания «народного» к возвеличению «простонародного» — один шаг. В эту-то диалектико-психологическую ловушку и попали и ушли с головою славянофилы. ...Нации не состоят из миллионов; они состоят из отдельных людей, сознающих национальные задачи и именно поэтому способных, встав впереди нулей, обратиться в действительную величину. Но кто же создал, взлелеял и вскормил Российскую Нацию? Кто вдохнул в нее жизнь и кем она была жива? Не ясно ли, что наша нация не только олицетворялась, но и была создана Империей и жила и дышала исключительно ею, что она была у нас ничем иным, как ее синонимом, что Империя и была нашей нацией, что только она и давала нам национальное лицо. Нацию рождает не кровь, а

право гражданства, или, что то же, — *победа*. Об этой-то Победе — духовной, культурной и политической — мы должны думать денно и ночью, если желаем восстановить Россию. При этом мы должны непрестанно по-

Нация не естественно-исторический феномен, но идеологическая конструкция, сформированная в поле или в пространстве политических практик

мнить, что Россия — нация, Россия — великая держава и Россия — цивилизация и культура — неотделимы от Европы. Как нация, как государственность и как культура, мы всегда были частью Европы»*.

Я оставляю в стороне советские толкования нации.

Примеров достаточно, чтобы увидеть как из нейтрального, хотя и размытого по своим смысловым границам слова «нация» (= народ) возникают самые разные проекты, призванные представить некие обобщенные социально, политически и культурно значимые величины. Теперь мы вправе спросить: что же способствовало переходам от прежних значений — довольно простых — к новым? Или иначе: что сделало возможным явление наций?

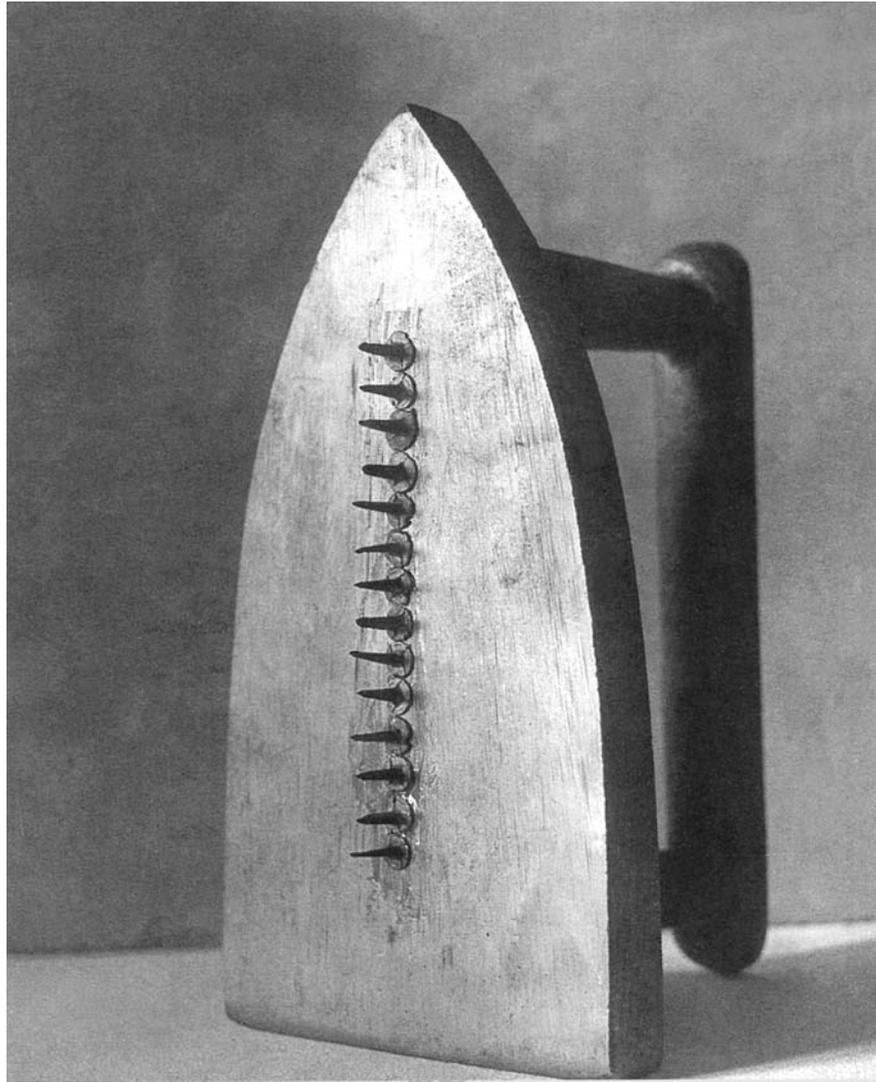
Ответ современной науки таков: нации появились в результате национализмов. Нация — это продукт национализма. «Именно национализм порождает нации, а не наоборот», — утверждал Эрнест Геллнер**, один из экспертов Школы. Принцип национализма — в соединении культуры и политики через совпадение границ культуры с границами государства. Однако «культуры, которые национализм требует защищать и возрождать, часто являются его собственным вымыслом или изменены до неузнаваемости»***. «Основной обман и самообман, свойственный национализму, состоит в следую-

* П. Струве. *Patriotica. Политика, культура, религия. Сборник статей за пять лет. 1905–1910.* — СПб., 1911. — С. 523–525. (Курсив и особенности орфографии — автора).

* Мейер Г. *У истоков революции.* — Франкфурт: Посев, 1971. — С. 210, 211, 212.

** Геллнер Э. *Нации и национализм.* — М.: Прогресс, 1991. — С. 127.

*** Там же. С. 128.

Ман Рей. Яд (Подарок). 1923

щем: национализм, по существу, является навязыванием высокой культуры обществу, где раньше низкие культуры определяли жизнь большинства, а в некоторых случаях всего населения... Это замена прежней сложной структуры локальных групп, опирающихся на народные культуры, анонимным, безличным обществом с взаимозаменяемыми атомоподобными индивидами, связанными прежде всего общей культурой нового типа. Но это противоречит тому, что проповедует национализм и во что горячо верят националисты*.

Что все это означает? Прежде всего то, что нация не есть какая-то особая, изначально присущая народу «сущность», скрытая до поры до времени в толще его жизни. Нация не естественно-исторический феномен, но идеологическая конструкция, сформированная в поле или в пространстве политических практик. Основа же такой конструкции — механизмы различения и обособления. Различения на «своих» и «чужих», на «мы» и «они» и так далее внутри вполне реальных социальных процессов. То есть нация — это некий продукт, полученный в результате оп-

ределенного идеологического производства. Однако это не значит, уточняет Бенедикт Андерсон, что нации фабрикуются. Нация — *воображаемое* политическое сообщество, созданное по образу той или иной общности.

Вот почему, кстати сказать, в категориальном аппарате современной социальной науки термин «нация» отсутствует. В науке он имеет тот же статус, что и другие слова обывденного языка, вроде слова «народ». Притом что в поле социально-политических практик мы имеем крайне широкий спектр использования слова «нация», который, разумеется, не может быть приведен к общему знаменателю. Так, мы слышим: нация — это государство. Действительно, ООН — Организация Объединенных Наций — на деле является Организацией объединенных государств. Подобные ряды замещений можно продолжить: национальные интересы могут стать государственными, агент национальной безопасности — агентом государственной и т.д. Однако у такого рода замен есть граница: существуют ведь и многонациональные государства. Или еще пример — отождествление нации с суверенностью. Но ведь есть нации, которые не имеют суверенности. Или — уравнивание нации с обществом. Скажем, «обращение президента к нации», конечно же, обращение к обществу, а не к государству. Однако всякое ли общество есть нация? Праздный вопрос. Или утверждение: нация — общность на этнической основе, подкрепленная общностью происхождения и/или культурно-исторического прошлого. Но разве многие нации не полиэтничны? Что с этим делать?

Или определение нации через национальную идею. В свое время много говорили и сейчас говорят о «русской идее». Однако существенные разногласия по поводу ее возможного содержания заставляют усомниться в наличии такой идеи. Кроме того, есть множество наций, которым ни о каких национальных идеях не известно, они на них не претендуют и прекрасно без них обходятся. И вообще, с точки зрения логики ли-

бо национальная идея должна быть изначально национальной, и тогда она несет в себе собственное национальное содержание, либо это просто какая-то идея, приспособленная для специального употребления

Когда мы говорим о гражданской нации, мы находимся на пороге формирования нового политического дискурса

в целях возбуждения чего-то национального. И так далее.

Мозаичность ответов, оспаривающих друг друга, не должна нас удивлять. Различные участники политических действий борются не только за слова, но также за контроль над их значениями. Почему? Потому что и «этнос», и «нация» легко поддаются политической идеологизации, превращаясь в действенный инструмент политического воздействия. Содержания этих слов, обращенные в символический капитал, обладают мощными социально-политическими функциями. Прежде всего функцией формирования и актуализации коллективной идентичности. На основе этой заданной идентичности и осуществляется консолидация. Например, консолидация во имя суверенности. И одновременно — вместе с объединением — необходимая для тех или иных политических нужд дезинтеграция: территориальная, культурная, этническая, религиозная, экономическая, правовая и т.д. Тем самым содержания все тех же слов могут оказаться эффективным средством мобилизации как для объединений, так и «размежеваний» прежде нерасчлененных социальных групп. В других случаях актуализируются функции легитимации, узаконений от имени «нации» тех интересов и действий, которые прежде не имели законных оснований. И так далее.

Но чтобы все эти значения, смыслы и функции обрели необходимый вес, содержаниям понятия «нация» обычно придаются сущностные или, как говорят философы, субстанциальные характеристики. Таким же образом трактуется и сама нация. Например, говорится о ее исторической судьбе, истори-

* Там же. С. 130.

ческом призвании, о ее устойчивых чертах, о ее душе, ее психологии, ее характере. Тем самым нация превращается в самостоятельную реальность, в некую самостождественную сущность, наделенную непрерывной исторической биографией. Сущность, которая будто бы дана нам в реальности своих проявлений с той же очевидностью, что и природный мир в своих явлениях. Из этой-то сущности и выводятся все последующие образы коллективной идентичности, составляющие арсенал мобилизационного «мы» и «национальных интересов», которым обычно приносятся в жертву интересы личности.

На деле все наоборот: «национальная сущность» — не основа, не субстанция, а всего лишь проективный образ нации, порожденный натуралистическим способом описания социальных процессов. Из науки подобные способы рассуждений давно уже вытеснены критическими или аналитическими подходами. Думается, и для политических практик было бы продуктивнее исходить из внимания к тому, что создано или воссоздано в процессе социальных и коммуникативных взаимодействий. Я не предполагал специально останавливаться на теме *этнoса*. Прежде всего потому, что этнос является таким же продуктом идеологического производства, что и нация. Подобно «нации», слово «этнос» наделено повышенными символическими и ценностными значениями и так же как слово «нация» не употребляется в международной обществоведческой литературе. Вместо него используются другие выражения, например «этническая группа», «этническое меньшинство», «этнические противоречия» и так далее. Разумеется, в идеологиях и политических мифах этнос и нация могут сближаться в проектах «моноэтнических наций». Но это уже другая тема.

И в заключение — важная корректива: хотя слова «народ», «нация», «этнос» не используются в современной науке в качестве терминов и понятий, не следует понимать, будто мы имеем дело исключительно с фикциями, идеологическими фантомами и пропагандистскими манипуляциями. Отсутствие научного единодушия или общепринятых

определений, подобных тем что положены в основу геометрии, не может служить опровержением реальности. В таком случае от нашей жизни, от межличностных отношений, от мира наших верований и ценностей не осталось бы ничего. Вопрос в том, каков статус той реальности, о которой идет речь. Статус в научном знании, в области познания, в сфере теории, в поле социальных, правовых, политических (взаимо)действий. Сегодня *образы* реальности народа, нации, этноса проблематизированы. И от этого невозможно укрыться ни ученому, ни политику-практику. Напротив, всякая подлинная проблематизация заряжена импульсами нового. Буквальное значение греческого слова «проблема» — «нечто, брошенное вперед» (от глагола «балло» — «бросаю» и приставки «про» — «вперед»). То есть эти образы, следуя буквальному значению слова «проблема», самим ходом вещей выведены сегодня на передний край, «выброшены» перед нами как «спорный вопрос» и «задача». Вопрос — о нашей идентичности, о границах между правами личности и коллективными интересами, о взаимодействиях между обществом и государством. Задача — поиск правовых, социальных и политических решений тех же вопросов.

Смыслы слова «нация» в такой перспективе далеко не исчерпаны. Напомню: латинское *natio* происходит от глагола *nascor* — рождаться. И действительно, всякий раз каждая нация демонстрировала и постоянно, неустанными подтверждениями, демонстрирует рождение народа через самоопределение. Наше самоопределение не завершено. И сейчас, когда мы говорим о **гражданской нации**, мы находимся на пороге возможного, еще не ставшего, но уже здесь и сейчас становящегося формирования нового политического дискурса. Одновременно дискурса национального и дискурса о нации. И в той мере, в какой мы будем активно — и практически и теоретически — участвовать в его формировании, возможно образование некоего поля, внутри которого и рождаются новые образы. Образы, реальность которых придаст нашей жизни чувство национального достоинства и полноценности.

Апология российской идеи, или Как нам сохранить Россию

Вопрос национальной самоидентификации России является сегодня без преувеличения вопросом выживания для государства. Без успешного ответа на «проклятый вопрос современности» о национальной идее невозможны ни политическая стабильность, ни процветание страны, ни благополучие ее граждан. Можно сколько угодно говорить о поиске более удачной экономической модели, об удвоении ВВП и борьбе с бедностью, о реформе образования или Вооруженных сил, но все наши старания в этом направлении окажутся лишены смысла. Сами по себе социально-экономические, политические, управленческие решения, лишены идейного наполнения, становятся всего лишь бегом на месте или по кругу. Кем является человек с ружьем, даже самый хорошо оплачиваемый и хорошо обученный, но не знающий, какую родину он защищает и для чего несет тяжелое бремя службы? Не более чем пушечным мясом, рыцарем удачи и даже обыкновенным бандитом. Кем может быть управленец, не понимающий национальных интересов своего государства? Не более чем поглотителем средств налогоплательщиков. И даже азарт спортсмена, лишённого образа «своей страны», тускнеет и блекнет. Не потому ли многобюджетные национальные турниры европейских клубных команд по футболу вызывают намного меньший интерес, чем чемпионаты мира с участием национальных команд? Принадлежность к своей стране, своему государству не просто объединяет тысячи и миллионы людей в некое «воображаемое сообщество». Воображаемое потому, что эти миллионы и тысячи никогда не видели друг друга в глаза, но в своих представлениях объединены общей историей, общими переживаниями, общими болями и радостями, верой в общую перспективу. Или неверием. Не «беловежское сидение» и американский (или жидомасонский) заговор, а массовое разочарование в коммунистической идее и ее блестящем будущем стало причиной распада СССР и Югославии.

Ощущая себя членом «воображаемого сообщества», человек приобретает смысл, который трудно понять на рациональном уровне. В самом деле, разве можно, основываясь только на рассудочной логике, понять, почему, имея легальную возможность вести успешную коммерческую или научную деятельность за границей и пользоваться всеми благами современной цивилизации, тысячи наших сооте-

Сергей Маркедонов, заведующий отделом Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук

чественников выбирают Россию и готовы пережить с ней и «разгул демократии», и «управляемую демократию», и, даст Бог, ее новый, но уже «всерьез и надолго», разгул? То есть готовность быть «со своим народом там, где он, к несчастью, был» или, может быть, к счастью, будет. Мнения тысяч и миллионов членов «воображаемого сообщества», которое для них зовется «Россия», существуют, прежде всего, на уровне массовых представлений, чувств и эмоций. Но собрать эти разрозненные голоса, обобщить различные мнения и выразить общую волю на рациональном уровне (через язык законов, правовых актов и практической политики) — задача государства. Национальная политика государства, таким образом, не просто помогает своим гражданам дать ответы на вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда идем?», но и дает имя самому государству и объясняет исторический и актуальный смысл его существования. Без грамотно построенной и осмысленной национальной политики не понять, что собрал воедино на территории одной восьмой части суши русских и татар, якутов и калмыков, евреев и армян. Непонятно, во имя чего нужно беречь и сохранять это единство, а если надо — какую цену за него платить, и если потребуется, то на какие жертвы идти? Ответы на эти вопросы — опознавательные знаки государства. Без них оно не сможет существовать и само для себя, и для окружающего мира.

Зададимся вопросом: есть ли у ста сорока пяти миллионов наших сограждан уверенность в том, какие точно опознавательные знаки у российского государства — выразителя его воли? Какой смысл наше государство вкладывает в свое существование и как это существование оправдывает? Возьму на себя смелость сказать, что даже в головах тех, кому это положено по должности, никакой определенной опознавательной системы не существует. Точнее, их существует несколько. Только образу России как молодого демократического государства, возникшего в результате августовской буржуазной революции 1991 года, там места не находится. Зато есть три виртуальных, весьма мифологизированных образа.

Первый — это образ Советского Союза, с которым его создатели связывают существование золотого века, когда люди «жили, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная». Что для них современная Россия? Обрубок СССР, ущербное государство, которое и защищать-то неприлично.

Но разве не советское государство, разбитое на 15 национальных квартир, и не советская «справедливая» национальная политика, которая на словах давала неслыханные права всем народам СССР, а на деле подавляла свободу всех без исключения граждан, привела не к мифическим, а вполне реальным межэтническим конфликтам и войнам в Карабахе, Абхазии и Приднестровье. И главное, разве не отказ советского руководства от последовательной демократизации страны совместил центробежные национальные силы с мощным антикоммунистическим движением?

Второй миф — это Российская империя, с которой его создатели нам предлагают «восстановить историческую преемственность». Что ж, давайте будем последовательны и возродим вслед за империей сословность, самодержавие, черту оседлости. А может, не будем останавливаться и возьмемся за крепостное право? Но разве не архаическое самодержавное устройство Российской империи и, в частности, политика ограничений по национальному признаку весьма поспособствовали «красной смуте 1917 года» и в конечном итоге гибели самой империи?

Третий миф — это миф «возрождения», обретения «корней», «возвращения к истокам». Его певцами выступали и выступают деятели как этнонационалис-

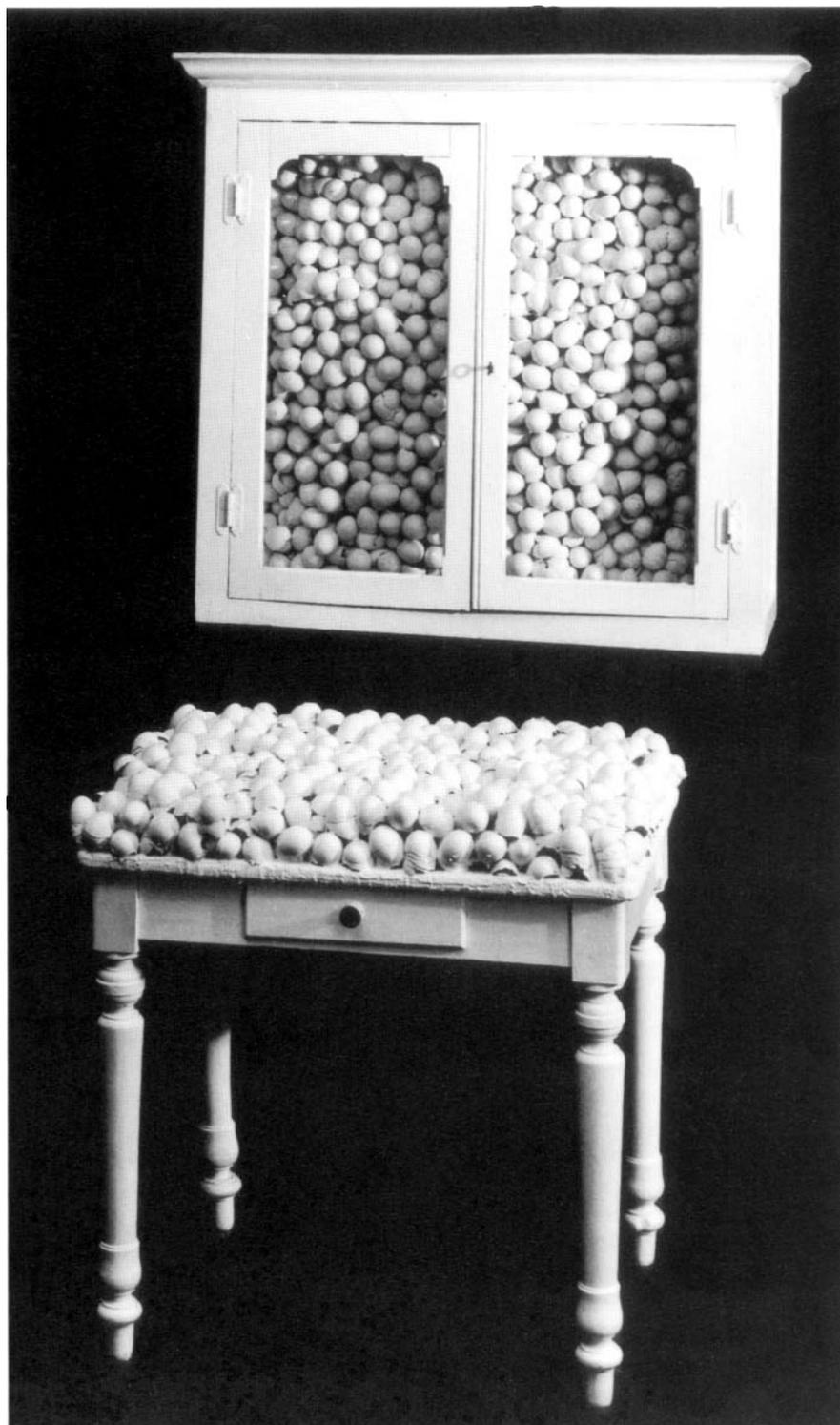
тических движений в республиках в составе России, так и всевозможных региональных течений (казачество, например). Творцы «возрождений» говорят об особой исключительности своих народов, их особой «древности», а также вводят явочным порядком права этнической собственности на «свою территорию». Тот факт, что с «возрождением» прошлого возрождаются и проблемы прошлого, «возрожденцев», похоже, не слишком тревожит. А мы тем временем становимся свидетелями совсем не мифического возрожденного абречества в Чечне и вообще на Северном Кавказе, возведенного в ранг государственной политики родства и кумовства, ограничений и стеснений для «не своего» по крови бизнеса, требований депортировать со «своей земли» чужаков, некоренных, «иногородних».

Интересно, что творцы всех трех мифов нередко гневно и с пристрастием осуждают друг друга, но все их лозунги при внешнем различии глубинно близки. Для них современная Россия, Российская Федерация, как реальность не существует и не представляет интереса. Для них всех категорически неприемлема новая историческая общность, складывающаяся в массовом сознании наших сограждан. Эта общность — российская гражданская политическая нация. Если бы такая общность не начала формироваться на уровне «повседневности», то Россия повторила бы опыт СССР (или Югославии), чего в реальности не произошло. Многочисленные социологические опросы свидетельствуют, что даже наиболее проблемный российский этнос — чеченцы — в большинстве своем связывают свое будущее с Российским государством, а значит, готовы быть российскими гражданами. Представить себе подобное поведение абхазов в Грузии или армян в Азербайджане невозможно. Добавим сюда и реэмиграцию в Россию представителей тех этносов, которые не смогли обустроиться на «исторической Родине» (Германия, Греция, Израиль), выбрав в качестве «своей» не землю предков, а нашу страну. И такой выбор в пользу России, а не исторической «крови и почвы», носит отнюдь не единичный характер.

Другой вопрос, что одного «повседневного», почти подсознательного и не до конца осмысленного «воображения» себя как россиянина для формирования российской политической нации недостаточно, и государство должно немало сделать для того, чтобы в России окончательно сложилась новая политическая гражданская общность, объединяющая «всяк суций в ней язык».

Проблема выработки общих для всех россиян ценностей, общей идеологии не стала пока предметом серьезного внимания российского государства. Решение вопросов о власти и собственности вытеснило на периферию проблемы формирования единой российской национальной идентичности. Россия — полиэтничное и поликонфессиональное государство. С этим утверждением согласны все российские общественно-политические силы. Но одной констатации полиэтничного и поликонфессионального характера нашей страны для успешной реализации национальной политики недостаточно. Прекращение дезинтеграции страны, достижение не провозглашаемого, а реального единства правового, политического и социально-экономического пространства станет необратимым лишь в том случае, если у всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, выработается ощущение принадлежности к России не

На рубеже двух тысячелетий национальная политика России строилась без учета необходимости выработки общих для всех россиян надэтнических принципов

Марсель Бротерс. Стол и шкаф. 1965

на основе крови, а на основе гражданско-политической общности. Такой подход вовсе не отрицает этническую принадлежность в принципе и не зовет к отказу от нее в пользу политической лояльности государству. Как у каждого отдельного человека существуют свои личные интересы, но есть и надличностные, позволяющие человеку выделиться из «царства природы», так и у представителей каждого российского этноса помимо своих узкогрупповых (корпоративных) интересов должны присутствовать и надэтнические, объединяющие ценности, ради которых они готовы считать Москву своей столицей, а триколор своим флагом. И просто жить вместе в одной стране. Такой подход позволяет на практике реализовать формулу нации, обозначенную Эрнестом Геллнером как «слияние доброй воли, культуры и государства».

Между тем на рубеже двух тысячелетий национальная политика России строилась без учета необходимости выработки общих для всех россиян надэтнических принципов. Напротив, акцент в российской национальной политике был сделан на поддержке (политической, финансовой, социальной, гуманитарной) так называемых национально-культурных автономий, а фактически элит, представляющих различные этнические группы, начиная от русских и заканчивая малыми народами Севера. Национальная политика, таким образом, была заменена фольклорно-этнографической. Ее инструментами стали высокобюджетные праздники и фестивали «народных культур», а также многочисленные «диалоги» и круглые столы с представителями этнических общин и диаспор. В республиках же в составе РФ национальная политика понималась еще и как курс на обеспечение преференций во власти и в бизнесе для представителей «титального» (коренного) этноса. В результате вместо формирования институтов гражданского общества произошло укоренение «принципа крови» в социально-экономической, общественно-политической практике, кадровой политике российских субъектов. Как следствие, принадлежность к тому или иному этносу рассматривается в качестве приоритетной в сравнении с принадлежностью к России, российскому государству и обществу. Очевидно, что в новых условиях невозможен возврат ни к монархической, ни к коммунистической идеологии. Новая надэтническая российская идея должна основываться на новых базисных принципах — демократии, гражданственности, российском патриотизме. Те, кто прилагает сегодня отчаянные усилия для дискредитации демократической идеи, должны понимать, что в случае успеха они получают развал ныне существующего российского государства (не тысячелетней России и не Святой Руси). Политико-правовые основы нового российского государства, зафиксированные в его конституции, недвусмысленно определяют его демократический характер. Отказаться от демократии, а тем паче попытаться формально-юридически зафиксировать этот отказ, означает одно — выбивание из-под здания новой государственности «нулевого цикла». Очевидно также, что выработка надэтнических принципов российской национальной политики — не одноактное действие. Новая национальная политика не может быть провозглашена декретом, для нее потребуются новая концепция, новые как научно-теоретические, так и «технические» подходы, начиная от унификации образовательного пространства (прежде всего в гуманитарной сфере) до изменений в информационной политике государственных СМИ. Сколько, в самом деле, можно печатать учебников, из которых следует, что шумеры и этруски — предки татар, башкир, ингушей и других этнических общностей?

Единственный документ, специально посвященный национальным проблемам в России, — Концепция государственной национальной политики, — в си-

лу разных причин пока не смог стать ни догмой, ни руководством к действию. Сразу же после принятия в 1996 году Концепция стала предметом споров и дискуссий в сообществе экспертов-политологов. Споры эти продолжаются и сегодня. Между тем очевидно, что данный документ (хорош он или плох и почему — отдельный вопрос) был принят в ельцинскую эпоху, когда создание нового российского государства лишь начиналось, а государственное единство РФ обеспечивалось путем прямой или косвенной покупки лояльности региональных элит и когда этнизация политики была вынужденной ценой сохранения целостности России.

Сегодня же Концепция национальной политики нуждается в переоценке, но не конъюнктурном переписывании того или иного пункта в соответствии с новыми веяниями в Кремле и на Старой площади. Во-первых, это должен быть документ с принципиально новым понятийным аппаратом. Во-вторых, это должен быть не бюрократический волапук, а ясное послание российским гражданам различного этнического происхождения и конфессиональной принадлежности. В-третьих, это должен быть идеологически целостный проект, ориентированный на интегрзм, а не поддержание «цивилизованного» апартеида.

До сих пор язык российской национальной политики — это архаичный язык, базирующийся на сталинской лексике. Российские политики и сегодня отождествляют нацию и этнос, а под нацией понимают «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры». Таким образом, главными субъектами политики рассматриваются не граждане (а ценными признаются не гражданские и человеческие права), а своеобразные коллективные личности — этнонации. Не права человека, а права этнических групп рассматриваются в таком случае как приоритетные. В свою очередь это ведет к формированию представлений об этнической собственности того или иного этноса на территорию, обозначенную как «национальная республика». В новой Концепции национальной политики нацию необходимо рассматривать как гражданско-политическое сообщество, объединение граждан нашей страны вне зависимости от их этнического и социального происхождения как источника суверенитета.

Фактически речь должна идти не о простом терминологическом изменении, «переименовании» дефиниции *нация*, а о наполнении национальной политики новым смыслом. Фраза Карла Дейча о «нации как обществе, овладевшем государством и поставившем его себе на службу», могла бы быть идейно-политической формулой новой национальной политики. Без преодоления «культы крови» и без формирования гражданско-политического (а не вертикально-бюрократического) единства мы будем обречены на постоянное «предчувствие гражданской войны» и постоянное деление на «своих» и «чужих». Формирование новой российской национальной политики будет проходить в условиях общемирового кризиса национального государства, размываемого с двух сторон — глобализацией и этническим сепаратизмом. Для нашей страны появляется уникальная возможность заново осмыслить и сформулировать те ценности национального государства, которые стали аксиомой в странах Европы и США и успели утратить там остроту и новизну, а зачастую и адекватность. В этом смысле Россия как молодое, ищущее государство могла бы предложить не только себе, но и мировому сообществу новую эффективную модель национальных отношений.

Принципы и преимущества децентрализации

Страны и правительства постоянно ищут лучшие организационные формы для адаптации систем государственного управления к реалиям меняющегося мира. Однако ни волшебных формул, ни моделей здесь не существует. Каждая страна имеет собственную социальную, политическую, экономическую, трудовую ткань, которая отличает ее от остальных, но все они должны изыскивать наилучшие способы повышения эффективности своих институтов на основе этих реалий.

Один известный испанский политик из Каталонии говорил, что, «осуществляя политику и принимая решения, затрагивающие страну, следует исходить из социальной и экономической реальности и политической приемлемости».

К этому можно добавить и такие критерии, как учет различных интересов, уважение к культурному многообразию и др. Но базовый философский подход требует браться за проекты реально осуществимые, а не уповать на желаемое, но не слишком реальное в данной стране. Настоящие размышления касаются практики реализации децентрализации испанской модели именно в такой постановке.

Общий принцип политической организации современного общества содержится в формуле упомянутого каталонского политика.

В отдельных странах, в частности в Испании, происходили и сейчас ведутся поиски и совершенствование различных форм управления территориями, которые учитывают их стремление к автономии и децентрализации и способны повысить эффективность политики в административной сфере.

Не только в Испании, но и в других странах и регионах мира идет процесс децентрализации в сочетании с обеспечением в них стабильности, модернизации, эффективности и социального мира.

По вопросу децентрализации власти и ее эффективности в сфере государственного управления было дано немало различных оценок и толкований. В частности, в докладе Всемирного банка о мировом развитии за 1997 год сказано следующее: «Децентрализация власти и государственных ресурсов представляется логичным продолжением многочисленных усилий, направленных на приближение государства к гражданам, поскольку она дает возможность увязать публичные услуги с местными потребностями и предпочтениями и создать более ответственную систему правления».

*Хосе-Крус Перес Лапасафан,
сенатор от Наварры
(Испания)*

Председатель Межамериканского банка развития доктор Энрике Иглесиас в своей речи, обращенной к управляющим банков латиноамериканских стран, анализировал причины, которые обусловили так называемые

Главной задачей является определение предела децентрализации, чтобы политика страны не утратила общенационального смысла

мое потерянное десятилетие в Латинской Америке в период 1980–1990 годов, когда немало стран континента были отброшены назад по многим макроэкономическим показателям.

Среди прочих причин, обусловивших «потерянное десятилетие», доктор Иглесиас подчеркнул тот факт, что в целом в латиноамериканских государствах не была обеспечена модернизация с помощью децентрализации. В качестве же рецепта «исцеления» он предлагал переход к модернизации государства через децентрализацию власти. По его мнению, это единственный способ совершенствования управления ресурсами. Эффективное функционирование власти путем максимального ее приближения к народу достигается, если реализация этого принципа основана на вере в саму модель и на солидарности и лояльности граждан по отношению к власти.

Недостатки, выявленные в странах, не сумевших добиться продвижения к более эффективным формам управления, коренятся в проблемах, связанных с явной жесткостью центральной власти, с низким уровнем организационной координации, гиперконцентрацией функций в центре, с отсутствием публичности в сфере политики и, что самое важное, в отрыве власти от граждан.

Слишком тяжеловесное, удаленное от непосредственных потребностей граждан государство нуждается в такой системе управления, которая была бы более приближена к гражданину, полнее погружена в местные проблемы и обладала бы необходимыми возможностями для оперативного

решения вопросов, возникающих в процессе непосредственного контакта с управляемыми.

Децентрализованные институты власти располагают немалым количеством преимуществ. Во-первых, они обладают большей гибкостью, чем централизованные, поскольку способны быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства и потребности. Во-вторых, более эффективны в силу знания местных проблем и приоритетов. И в-третьих, они способны принимать решения, нередко основанные на использовании творческого воображения и новых идей, что позволяет снизить их зависимость от наличия денежных средств.

Децентрализация власти в любой стране — задача не из легких, поскольку нежелание центральной власти передавать полномочия в пользу региональных и муниципальных органов всегда бывает значительным.

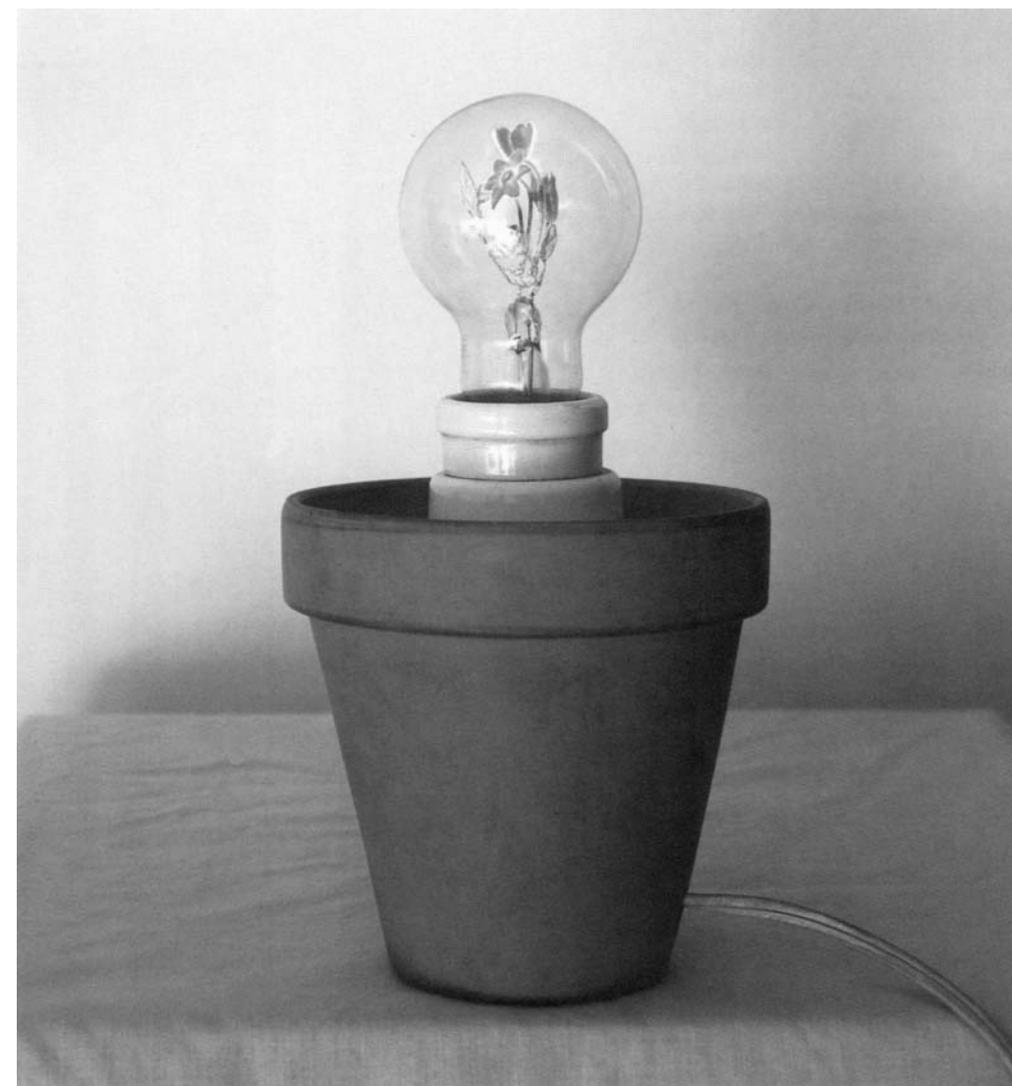
Недоверие центральных государственных органов к неведомому будущему вполне объяснимо, поскольку принятие решений в стране, где работают децентрализованные органы власти, не исключает трений между регионами, отстаивающими свои особые позиции. Отсюда и опасение утратить эффективность общенациональной политики.

Главной задачей, требующей решения в рамках новых процессов, является определение предела децентрализации и выработка таких механизмов консолидации, чтобы политика страны не утратила общенационального смысла.

Испания достигла значительного прогресса в процессе децентрализации. Вне всякого сомнения, мы живем в высоко децентрализованной стране.

Предыстория децентрализации в Испании и в Европе

История региональной автономии в Испании, то есть выдвижения регионами требований большей самостоятельности, восхо-

Дэн Флавин. Барбара Розе. 1962–1964

дит к XIX — XX столетиям. Именно тогда обнаружилось стремление преодолеть модель унитарного и централистского государства, заимствованную не только Испанией, но и другими странами от французской модели после Великой французской революции.

И одновременно от той эпохи было унаследовано жесткое подчинение общим, четким и единообразным правилам центральной власти, всего многообразия ситуаций, состояний и прав различных территорий и граждан. Централизация долгое время за-

трагивала все стороны жизни государства: правосудие, армию, финансы и, разумеется, управление: сильная центральная власть не допускала даже минимальной автономии. Однако такая концепция власти постепенно трансформировалась.

Модели децентрализации в Европе

Наиболее показателен процесс децентрализации в Испании, Португалии и Греции,

то есть в странах, вышедших из-под режимов авторитарной и унитарной власти.

Конституции этих стран (Греции 1975 года, Португалии 1976-го и Испании 1978 года) включали в качестве приоритетных целей: а) децентрализацию государства; б) регионализацию системы управления; в) укрепление органов местной власти.

Иначе говоря, модернизация этих стран напрямую была связана с повышением эффективности управления и приближением власти к гражданину.

Модель региональной автономии в Испании

В Испании за последние 27 лет в результате демонтажа прежних структур централистского толка в административной и политической сфере и перехода к гораздо более децентрализованной территориально-организационной структуре была сформирована модель, которая именуется государством автономий.

Эта современная модель представляет собой не завершенную систему и находится в постоянном процессе модификации и совершенствования, начиная с изменения круга полномочий регионов и заканчивая переменами в системе финансирования. Одновременно стимулируется второй уровень децентрализации, предполагающий передачу полномочий от регионов к муниципалитетам.

Согласно Конституции 1978 года в Испании модель децентрализации дополняется моделью автономии, то есть наделением регионов полномочиями в решении таких вопросов, как образование, здравоохранение, различные вопросы отраслевой политики.

Со временем было доказано, что модель территориальной организации, записанная в конституции и получившая дальнейшее развитие, позволила удовлетворить потребности в самоуправлении. В последние восемь лет перераспределение власти в пользу автономных сообществ, которые уже предоставляют большинство основных социальных услуг, получило значительный импульс.

Сегодня можно утверждать, что совместными усилиями испанцев у нас заложены такие основы организации государственной власти, которые гармонично сочетают многообразную реальность всей Испании с уважением и развитием своеобразия каждого из регионов. В настоящее время на основе этой территориальной модели в стране сформированы семнадцать автономных регионов и два автономных города.

Таким образом, сегодня Испания, вероятно, является наиболее децентрализованной страной Европы, а возможно, и мира, добившись этого в рекордный срок – немногим более двадцати лет.

Конституционные основы модели автономий

Конституция Испании 1978 года закрепила важные нормы, которые легли в основу принципа региональной автономии. Статья 2 Конституции гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов и солидарность между ними». Эта статья достаточно ясно закрепляет основные ценности и принципы продолжающейся децентрализации при сохранении единства страны.

На основе этой статьи разрабатывается конфигурация региональной автономии с учетом роли центральной государственной власти, за которой в качестве исключительной компетенции закрепляется «регулирование основных условий, гарантирующих равенство всех испанцев в осуществлении конституционных прав и исполнении конституционных обязанностей».

В конституции была четко зафиксирована недопустимость проведения политики, наносящей ущерб равенству или равным условиям для испанцев. Государство оставляло за собой разумный контроль в сфере общего регулирования политики и экономики, что позволяло установить механизмы контроля и обеспечить гарантии от возникновения неравенства или регионального дисбаланса в политическом и экономическом плане.

Кейт Эдмир. Ночное цветение. 1998

Модель территориальной организации

В рамках модели территориальной организации государства признается политическая автономия регионов, которая зиждется на следующих принципах:

- Наличие территории в определенных границах.
- Наличие населения, которое выражает свою волю через электорат данной территории.
- Осуществление собственной законотворческой деятельности на условиях и при ограничениях, установленных конституцией и соответствующими уставами автономий.
- Легитимность политического руководства и органов представительной и исполнительной власти региона.
- Способность к политической и административной самоорганизации в рамках конституции и соответствующих уставов автономии.

Эти пять основных элементов определяют политическое и правовое пространство законодательства автономных сообществ, являющееся составной частью общегосударственного уложения, одновременно черпая в нем свои ограничения.

В силу этого автономное сообщество, или регион, выступает как территориальный субъект публичного права, и в качестве юридического лица за ним признается право на самоуправление.

Для разрешения возможных споров между центром и автономиями создавался Конституционный суд как высший трибунал, которому поручено надзирать за исполнением законов и толковать конституцию.

Устав автономии

Рассмотрим основные элементы, образующие автономные сообщества как политические подсистемы.

Важнейшим политическим инструментом является Устав автономии. Устав определяется конституцией как «основной правовой акт каждого автономного сообщества».

Уставы автономии были разработаны региональными законодательными собраниями и утверждены Генеральными кортесами. В силу этого они являются государственными законами, имеющими органический характер и входящими составной частью в общее правовое уложение страны.

Политические институты автономных сообществ

Каждый регион имеет три базовых элемента, которые обычно обеспечивают осуществление текущего политического процесса:

- а) орган политического представительства, принимающий на себя право законодательной инициативы, которым наделено каждое из автономных сообществ, законодательное собрание;
- б) орган исполнительной власти — региональное правительство, состоящее из двух асимметричных институтов в лице аппарата председателя регионального правительства и самого правительства;
- в) система правосудия, функционирующая на уровне автономии.

Финансирование автономных регионов

Последним устоем, на который опирается новая территориальная организация, является система финансирования. Это, пожалуй, главная проблема децентрализации в любой стране: каким образом организовать оптимальное финансирование регионов? Для того чтобы процесс был успешным, следует изыскивать справедливые формулы, удовлетворяющие потребностям регионов и обеспечивающие достаточные средства для наилучшего развития каждого из них.

Существующие модели организации государственных финансов связаны с центра-

лизованной или децентрализованной моделью сбора налогов; существуют также и промежуточные системы. Как правило, финансирование наиболее децентрализованных государств и их регионов строится на основе смешанного финансирования. Наиболее значительные налоговые сборы собирает государство, а другая их часть собирается в самом регионе. Последние направляются в региональные бюджеты и дополняются другой суммой, поступающей из доходов государства.

В Испании применяется именно такая модель финансирования автономных регионов. Центральная государственная администрация, собирающая большую часть доходов, затем перераспределяет их посредством применения базовой квоты, или квоты достаточности, а также второй квоты трансфертов, согласно которой дополнительные средства перечисляются в соответствии с принципом межтерриториальной солидарности и минимально гарантированного обеспечения.

Подытоживая процесс децентрализации и создания автономных субъектов в Испании, зафиксированный в Конституции 1978 года, отметим, что он дал импульс столь значительным преобразованиям в государстве, что Испания превратилась за два десятилетия в одно из самых децентрализованных государств Европы.

Уровень самоуправления в автономных сообществах настолько высок, что они отчитываются только перед собственным электоратом, не подпадая ни под какую иерархическую зависимость от центрального правительства; они наделены законодательной, регламентирующей и административной властью в таких важнейших для гражданина сферах, как строительство, образование, здравоохранение, охрана окружающей среды и другие.

Наши размышления основаны на доверии к модели, предполагающей приближение политики к гражданину, и на эффективном управлении этой моделью.

*Перевод с испанского
Александра Казачкова*

Культурное наследие — душа человечества*

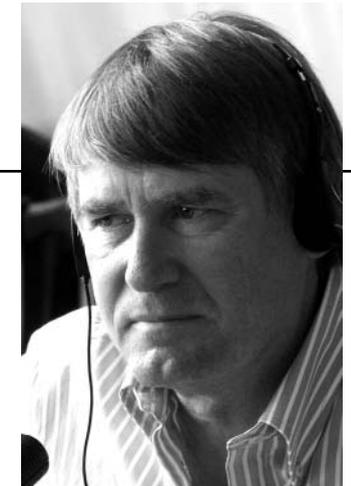
Будущего не может быть без прошлого, поэтому нам нужно проявлять заботу о культурном наследии. В Европе эту миссию взяла на себя неправительственная организация *Europa Nostra*, действующая совместно с институтами гражданского общества. Я оказался вице-президентом этой организации, можно сказать, волею Провидения.

Случилось так, что я стал наследником фамильного замка *Canisy*, расположенного на севере Франции, но поскольку в то время увлекался левыми идеями и работал в Таиланде, я отказался от наследства в пользу младшего брата. Сначала он согласился, но потом решил стать монахом, а замок кому-нибудь передать. Однако отцовская воля требовала сохранения родового имени, это воспринималось моими родителями как долг. И в конце концов я пришел к выводу, что должен считаться с их волей.

Если уж мне достался такой замок, размышлял я, то он не должен быть обычным музеем. Не хотелось просто хвастаться: вот, мол, что создали мои предки больше 800 лет назад, и я решил возродить замок, сделать его современным. Как это ни парадоксально, но те, кто жил в нем в начале прошлого века, почему-то часто его покидали. Похоже, они воспринимали замок как тюрьму. Но когда уезжали, начинали скучать. Поэтому я сделал так, чтобы люди могли приезжать сюда в любое время и жить в замке, сколько им нравится. Сейчас я доволен тем, что все получилось.

Итак, с одной стороны, я и моя жена решили сохранить замок, а с другой — стали привносить в его существование новый смысл. То есть к тому, что я унаследовал (это произошло в 1978 году), мы стали подходить, если угодно, более зрело. После этого меня пригласили войти в ассоциацию, занимающуюся вопросами сохранения исторических замков, принадлежащих частным лицам. Потребовалось какое-то время, чтобы я согласился и стал участвовать в различных международных акциях.

А несколько лет назад я присоединился к *Europa Nostra*. У этой организации большие амбиции и серьезные задачи. Люди, работающие в ней, не зарабатывают деньги, они тратят свое время и энергию на то, чтобы развивать и поддерживать связи с национальными ассоциациями, кото-

*Граф Дени де Кергорле,
вице-президент
Международной ассоциации
собственников исторических
имений (Europa Nostra)*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Зеленогорске (Ленинградская область) 18 февраля 2006 года.

рые тоже озабочены сохранением наследия прошлого, включающего в себя не только замки, но и другие памятники архитектуры: соборы, мечети, древние крепости. Но это могут быть и мосты, и другие исторические сооружения. Мы занимаемся их восстановлением и реставрацией, проводим международные конференции, археологические раскопки и т.д.

Таким образом, речь идет о сохранении культурного и природного ландшафта.

Мы стараемся сохранить старинные здания, защитить их от вторжения новаторских идей городского начальства, используя в этой связи самые разные возможности вплоть до оказания давления на политиков и лоббирования наших интересов

дней. А именно тех поколений, которые жили до нас и будут жить после нас.

Поэтому так важно, чтобы все, что было создано в прошлом, воспринималось как некое единое целое. Вспомним об итальянских, французских, британских, испанских, русских и других архитекторах, ремесленниках, ученых, художниках, которые создавали сохранившуюся и окружающую нас красоту. Европа, если хотите, заключается в этом. Ибо ее история — это не только войны, которые европейцы вели друг с другом, но и те бесценные произведения искусства, шедевры архитектуры, памятники, которые мы просто обязаны беречь, поскольку гордимся ими.

Я верю в гражданское общество и в неправительственные организации, потому что те люди, которые добровольно в них работают, в том числе и в нашей ассоциации, настоящие энтузиасты.

Разумеется, политические и другие институты, которые мы строим в Европе, очень важны. Но мне лично понятна позиция тех французских, которые отказались поддержать Европейскую конституцию на референдуме. Они сказали: достаточно нам этих институтов в Брюсселе. Мы не хотим больше, чтобы нам говорили, что делать. Нужно развивать гражданское общество, и тогда мы сможем повлиять на развитие событий в нужном направлении. Каким образом?

Приведу лишь один пример — европейское побережье. Его береговую линию и береговой ландшафт необходимо защищать, так как поднимается уровень моря. Это общеевропейская проблема. Нужно остановить продолжающееся строительство на побережье, и эту задачу решает гражданское общество.

В офисе *Europa Nostra* хранятся тысячи фотографий и слайдов, на которых запечатлены объекты культуры и исторические памятники, нуждающиеся в нашем постоянном внимании, так как ради них туристы приезжают в страны Европы. Например, только Францию посещает ежегодно более семидесяти миллионов туристов. То есть исторические памятники могут приносить доход. И насколько я знаю, ваша страна тоже обладает огромным потенциалом в туристическом секторе.

В свое время я посещал американскую школу бизнеса. Не многому там научился, но одно запомнил: хороший менеджер тот, кто способен перевести обязательства из расходной части бюджета в доходную часть. Фактически любой

Природа России настолько разнообразна, и страна настолько большая, что наверняка у вас есть места, сохранившиеся в своем первоначальном виде. Нам же приходится прилагать немало усилий, чтобы сохранить не только культуру, но и природу, потому что человек постоянно и все больше в нее вторгается. Но ведь это тоже наследие. Наследие всех насле-

Замок Канизи

памятник культуры требует денег на его поддержание, но в зависимости от того, как это осуществляется, можно компенсировать подобные расходы. Скажем, в той же Франции если правительство не выделит средства на реставрацию памятников, то придется закрыть те небольшие мастерские, которые специализируются на реставрации. А это значит, что лишатся работы профессионалы очень высокой квалификации. Растерять их легко, а восстановить такие коллективы очень трудно.

Нашу организацию поддерживают в настоящее время почти пятьдесят стран — больше, чем их в Европейском союзе. Но парадокс заключается в том, что успех нашей деятельности зависит в первую очередь от экономической рентабельности, то есть от туристической ценности сохранившихся памятников. С точки зрения политики наше дело не стало пока приоритетным направлением.

В последние годы я посетил несколько конференций, посвященных проблемам исторического наследия, и пришел к выводу, что для политиков культура — это театр, кино, балет, художественные выставки. Для меня же культура — понятие гораздо более широкое. Она включает в себя, как я сказал уже, и то, что создавалось в течение веков. Культура прошлого, адаптированная к сегодняшнему дню, и современные произведения искусства — все это должно обя-

зательно рассматриваться вместе, если мы действительно хотим, чтобы существовала единая Европа. Нужно убеждать в этом политиков.

Europa Nostra — это целая сеть гражданских организаций, с которыми мы сотрудничаем и пытаемся оказывать влияние на политику Брюсселя в области культуры, на политику в каждой из стран — участниц проекта. В нашей международной ассоциации больше двухсот пятидесяти организаций-членов, работающих в рамках культурной программы Совета Европы. При этом мы предложили парламентариям ряда стран целый ряд поправок в законодательство, относящихся к сфере культуры. И, конечно же, мы работаем в тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО.

В мае прошлого года я посетил ЮНЕСКО и присутствовал на совещании стран-доноров. Обсуждалась проблема Косово, где во время известных событий были серьезно повреждены более тридцати сербских православных церквей, и речь шла об оказании помощи в их восстановлении.

Хочу также подчеркнуть, что мы работаем и с частными компаниями, например с такими фирмами, как «Филиппс», а также с крупными банками. Но в этом случае неправительственная организация, прежде чем мы обращаемся к ним за помощью, скажем, на проведение реставрационных или восстановительных работ, должна сообщить нам, в какого рода экспертизе и средствах она нуждается. Когда вы работаете с бизнесом, не надо ждать, пока кто-нибудь умрет и оставит в наследство часть средств на поддержание культурных памятников. Частные лица и компании, как правило, всегда готовы идти на сотрудничество, если уверены, что вы надежный партнер.

Еще несколько слов о содержании нашей деятельности. Мы боремся не только за сохранение памятников культуры, но и за признание их в качестве таковых, когда они находятся под угрозой исчезновения. Главное — вовремя забить тревогу. Особенно оперативно это надо делать в военное время. Но и в мирное время складывается порой тревожная ситуация, например в центрах больших городов, где стоят старинные дома. Они являются лицом города, но цена каждого квадратного метра земли в центре постоянно растет, и очень часто старые здания сносятся, а на их месте строятся новые и сдаются в аренду. Мы стараемся сохранить такие здания, защитить их от вторжения новаторских идей городского начальства, используя в этой связи самые разные возможности вплоть до оказания давления на политиков и лоббирования наших интересов. Кроме того, мы занимаемся просветительством, проводим в школах специальные занятия, читаем лекции, чтобы молодые люди понимали, насколько может быть важным в их жизни культурное наследие.

Основные средства для сохранения памятников в различных регионах Европы нам выделяет, естественно, Европейский союз. И я считаю это нашим большим достижением. В Испании, например, вы можете увидеть отреставрированные здания, которые не были снесены и сейчас используются для привлечения туристов. Специально созданный общественный совет в этой стране оценивает качество их реставрации. При этом эксперты составляют акт и могут даже заставить переделать работу, если она была некачественной. И наконец, каждый год мы проводим конкурсы и выделяем гранты для проведения, прежде всего, реставрационных работ.

Возможно, этот мой рассказ поможет кому-то и в вашей стране внести свой вклад в сохранение культурного наследия.

Часто политика нас разъединяет. И только культурное наследие, являющееся душой человечества, я уверен в этом, способно объединять людей.

Европа и Россия: общие ценности, которые нам вместе защищать

Поделись некоторыми размышлениями о современной ситуации в Европе и о тех проблемах, с которыми мы сталкиваемся в сфере защиты прав человека.

За время моего шестилетнего пребывания на посту комиссара по правам человека я посетил почти все 46 стран, государств — членов Совета Европы, составлял подробнейшие доклады и могу сказать, что в них отражено положение с правами человека (далеко не идеальное) более чем в 30 странах, включая Россию. Не будем забывать, что Совет Европы — это образ будущего Европейского союза, строительство которого началось шестьдесят лет назад, когда наш континент пережил трагедию — Вторую мировую войну. Тогда европейцы решили создать структуру, которая позволила бы гарантировать, что больше нам никогда не придется иметь дело с диктаторскими системами, будь они нацистские, коммунистические или такие, как режимы Франко и Салазара.

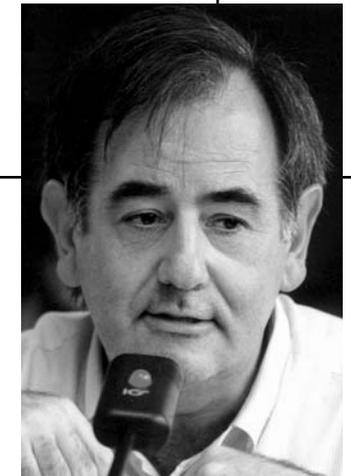
Напомню основные вехи этого процесса.

В ноябре 1950 года в Риме была подписана Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). А за год до этого родился Совет Европы — консультативная политическая организация, созданная для содействия интеграционным процессам в этой области.

Совет Европы создавался как раз для того, чтобы привить всем европейским странам основные ценности, без которых невозможно вообразить модель общества, способного стать альтернативой пережитому варварству. Это приверженность демократии, правовое государство, публичные свободы; речь идет о свободах человека в качестве конституирующего элемента общества, а не только как о факторе общественной жизни.

Именно на этой основе выстраивается демократическая Европа, где при необходимости, помимо обычного правосудия, через суд, можно отстаивать права граждан в случае их нарушения государством. Повторяю, не только через парламентские дебаты или осуществление общего правосудия, но и через конституционные органы правосудия, целью которого является защита именно основных прав граждан в каждой стране.

Следующим шагом было создание в Страсбурге Европейского суда по правам человека. Когда гражданин не находит защиты своих прав в собственной стране, он может се-

Альваро Хиль-Роблес,
комиссар по правам человека
Совета Европы

годня обратиться в Европейский суд в индивидуальном порядке. Это важнейший факт. Он означает, что провозглашенные принципы и ценности имеют действие и за пределами национальных границ. Европейский суд, защищая права человека, может осудить государство, которое их не соблюдает.

Такова структура, я назову ее европейской моделью основных прав и свобод, которую мы создали в Европе. Она включает совокупность ценностей и принципов, по которым согласились жить все государства, входящие в Совет Европы. Последняя страна, вступившая в Совет Европы, — Монако, небольшое княжество, которое жило в своем изолированном мире и которое тоже решило наконец стать членом СЕ.

Сила европейских ценностей и принципов является фундаментальной. Приведу лишь один пример, подтверждающий, что демократические ценности ЕКПЧ стали цементом, скрепляющим европейское здание.

Известно, что в Великобритании укоренены давние традиции правового государства. Поэтому там были серьезные сомнения относительно того, стоит ли им принимать Европейскую конвенцию в качестве юридической нормы. Ведь англосаксонская система хорошо работала и граждане были защищены обычными судами. Тем не менее в 1998 году эта страна принимает конвенцию, и с тех пор в Великобритании в обычных судах также применяются правовые нормы, определенные конвенцией. На мой взгляд, это важный шаг и пример прямого применения таких норм.

Поскольку речь идет о наднациональном уровне, не будем забывать, что наряду с ЕКПЧ Европейский союз одобрил также проект Хартии основных прав человека. Она была подписана в Ницце в 2000 году председателями трех институтов Союза: Европейского парламента, Совета Европы и Европейской комиссии. По сути, это та же конвенция пятидесятого года, но актуализированная: включив в себя права и свободы, провозглашенные ЕКПЧ, хартия попыталась привести их в систему из шести основных групп — достоинство человеческой личности, свобода, равенство, солидар-

ность, гражданство, правосудие, чтобы сделать ее положения более понятными и доступными для европейских граждан. Несколько позже хартия стала одним из разделов Европейской конституции, которая, как известно, пока не принята.

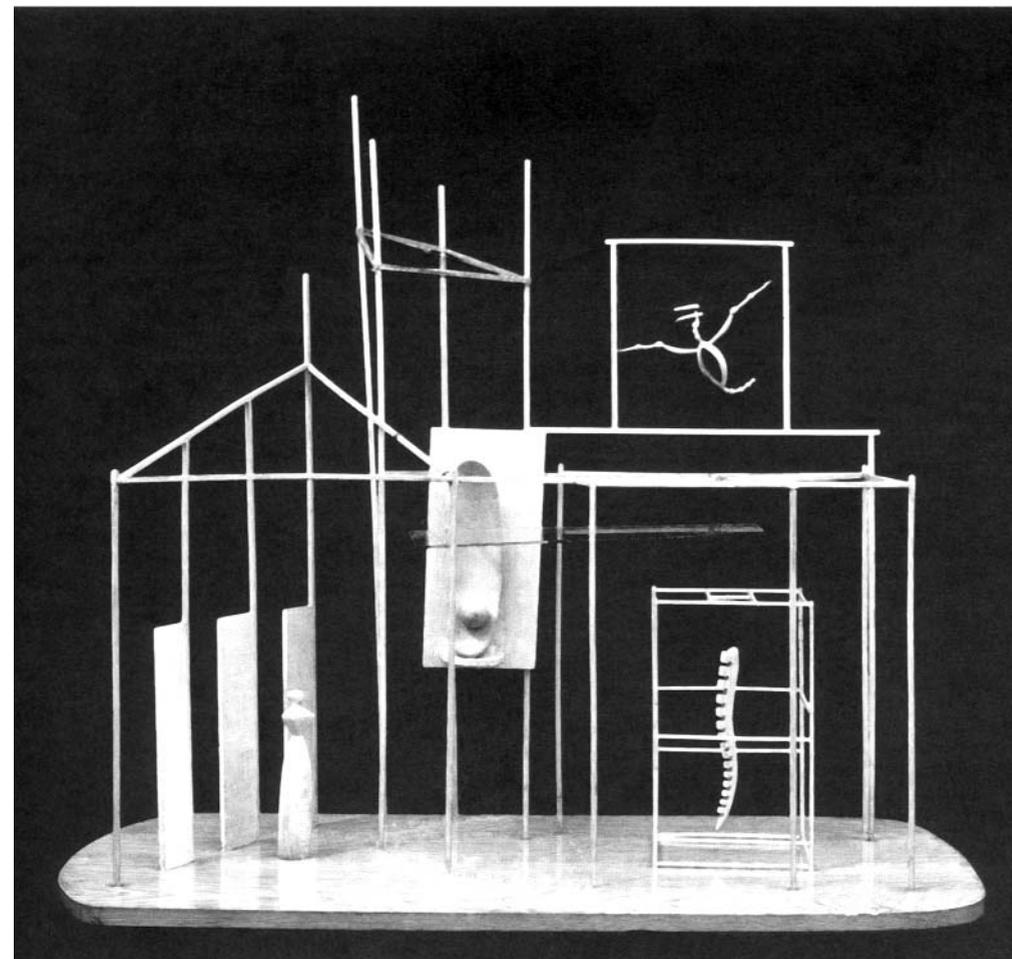
Таким образом, права человека для европейцев не были чистой теорией. Это основа той социальной системы или модели общества, которое мы строим с 1950 года как на национальном, так и на наднациональном уровне. Но учитывая, что применение провозглашенных принципов непростая задача, а права человека нарушаются во всех европейских странах, помимо судебной структуры Советом Европы был создан специальный Комиссариат, целью которого является контроль над соблюдением именно прав человека в государствах — членах СЕ.

Сегодня наши основные ценности вновь подвергнуты серьезному испытанию. Во время своих поездок я обсуждал связанные с этим проблемы с главами правительств, президентами, министрами.

Первое испытание — это мощный вызов, который мы только начинаем осознавать, со стороны террористов.

Известно, что в Европе в послевоенное время терроризм был реальностью в Италии, Германии (группировка Бадер-Майнхофф), в Ирландии, в Испании. То есть он не был феноменом мирового масштаба. Сейчас терроризм вышел за рамки отдельных стран. Масштаб явления таков, что, когда мы вынуждены обсуждать проблему свободы и безопасности, раздаются голоса, призывающие ограничить свободы ради гарантий безопасности. Утверждают, что надо найти некий рациональный баланс между соблюдением прав человека и безопасностью. Я же в таких случаях говорю, что нельзя искать такой баланс, потому что права человека либо соблюдаются, либо не соблюдаются. И следовательно, любой баланс будет сомнительным.

Не говоря уже о предложениях и требованиях тех, кто считает, что для предотвращения террористических акций надо использовать методы, выходящие за рамки

Джакометти. Дворец в четыре часа утра. 1932–1933

правового государства. Я имею в виду, в частности, предложение о введении некой разумной формы применения пыток с целью получения информации, которая якобы будет полезной для предотвращения преступлений.

Тем не менее уравнение «свобода — безопасность» необходимо решать. Так, существует реальная проблема безопасности и столь же реальная проблема эффективной борьбы с терроризмом, когда некоторые страны пытаются снизить планку правовой защиты в обычном законодательстве. В разных странах Европы по-разному подходят к этой проблеме. Поэтому я не скрываю, что это нерешенный вопрос.

Борьба с терроризмом — необходимость, но демократия не слабая система — она спо-

собна защищать себя. Это очень важно, поскольку цель международных террористических группировок — подрыв западной системы ценностей. Они считают, что уже одержали победу, если мы становимся на путь, который предлагают сторонники жестких мер безопасности.

Лагерь для интернированных в Косово, тюрьма Абу-Грейб в Ираке, ситуация вокруг лагеря Гуантанамо — все это свидетельство того, что мы действительно прибегаем к методам, которые одновременно осуждаем. Но из этого еще не следует, что мы отрекаемся от наших ценностей и принципов при первой же атаке. Мы верим в нашу систему и должны исходить из того, что в первую очередь необходимо преодолеть сомнения в отношении необходимости международ-

ного сотрудничества в правовой сфере. Как не должны сомневаться и в нравственном потенциале общества.

Для меня очень важным и волнующим моментом была реакция британского народа на террористические атаки в Лондоне. Я был в тот день в Лондоне на похоронах основателя «Эмнести Интернешнл» и все видел собственными глазами. Я видел, с каким достоинством английский народ вел себя, не поддавшись панике. Лондонцы показали террористам, что демократический дух британцев выше любых угроз.

А за год до этого видел такую же реакцию в Мадриде, когда после террористической атаки тысячи людей вышли на улицы и сказали: «Мы не хотим исключительных мер. Мы хотим соблюдения конституции и готовы защищать свою систему мирным путем».

Второй вызов, который создает проблемы в нашей демократической системе, — неконтролируемые миграционные потоки. В течение долгого времени Европа принимала мигрантов, потому что это было необходимо. В результате гражданами наших стран стали многочисленные социальные группы, насчитывающие миллионы человек, носители других культур. И сейчас мы понимаем, что они не интегрировались полностью. Первое поколение пыталось интегрироваться, а у второго возникли проблемы с идентичностью по экономическим, социальным и иным причинам; оно ищет свои корни и предпочитает жить обособленно. Зависть, ксенофобия, расизм, конфронтация — все это подрывает основы нашей системы.

Не говоря уже о нелегальной иммиграции, породившей ужасные вещи, когда десятки, если не сотни, тысяч людей становятся предметом торговли. Сошлюсь на данные из подготовленного комиссариатом доклада по Испании. Человек нелегально приезжает в страну, скажем, из Пакистана и платит за это 12 тысяч долларов, за ребенка — 8 тысяч долларов. Когда мы спрашиваем, сколько из них погибло в пути или было убито за деньги, нам называют страшные цифры.

Коренные жители Европы и государства испытывают огромное давление иммиграционных потоков, и эту проблему надо решать сообща. Но пока мы далеки от этого, так как часто подвергается сомнению само право беженцев на убежище, и хотя против них применяются жесткие меры депортации, они не приносят успеха.

Бороться с нелегальной иммиграцией, безусловно, необходимо, но каким образом остановить торговлю людьми и сохранить священное право мигранта на убежище?

Еще одна проблема: что делать с национальными меньшинствами? Мы создали Европу наднациональную, а теперь понимаем, что у нас есть меньшинства, требующие защиты своих прав. Такие меньшинства оказываются фактически беззащитными в условиях глобализации, роста ксенофобии и т.д. Скажем, цыганские, насчитывающие в некоторых центральноевропейских странах сотни тысяч человек. Раньше они молчали, а сегодня становятся реальной проблемой в наших странах.

Как обеспечить интеграцию подобных меньшинств без утраты их языка, обычаев, культуры? Эта тоже общеевропейская проблема, которая стоит в повестке дня и ждет своего решения.

И в заключение несколько слов о России. Это, несомненно, европейская страна, и все проблемы, о которых шла речь выше, затрагивают и ее. Их невозможно рассматривать и решать изолированно от глобального контекста. Демократические ценности едины. Мы должны признать Россию в качестве равноправного участника строительства Европы. Я не представляю себе будущее Европы без России. Думаю, что и большинство европейцев разделяют эту точку зрения. Поэтому мы должны вместе преодолевать наследие холодной войны и строить наше общее будущее без взаимных подозрений.

Это очень важный вопрос, который я пытался в последние годы обсуждать в России на уровне руководителей Федерации, в регионах, в диалоге с неправительственными организациями. Нам необходимо вместе за-

Михаэль Клегг и Мартин Гуттманн. Открытая библиотека. 1993

щищать демократию. Без этого мы никуда не придем не только в сфере безопасности, если не будем защищать наши принципы и ценности, связанные с правами человека.

Теперь что касается грантов и пожертвований для неправительственных организаций. В Европе такой проблемы нет, так как есть понимание того, что неправительственные организации — это важнейшая часть гражданского общества и поэтому они должны быть независимыми. А основа их независимости — гранты, спонсорская помощь, пожертвования частных лиц. И главное, прозрачность их использования, откуда бы помощь и пожертвования ни поступали.

Например, в моей стране, в Испании, на такие гранты и пожертвования существует множество самых разных неправительственных организаций, осуществляющих помощь беженцам, больным детям, престаре-

лым и т.д., поскольку государство напрямую этим не занимается. Хотя оно может выделять на их поддержку государственные средства и распределять их на конкурсной основе, так как эти организации выполняют важную социальную функцию. Но и в этом случае назначение этих денег публикуется в официальном бюллетене и становится известно обществу.

Повторяю, очень важно, чтобы все было публично и прозрачно и чтобы неправительственные организации выполняли те цели, для которых они созданы. И, что не менее важно, чтобы они не становились политической партией. А политические партии не должны впадать в соблазн создания собственных ручных неправительственных организаций. Политические партии должны быть партиями, а неправительственные организации должны оставаться независимыми.

Сергей Мошкин,
доктор политических наук
(Екатеринбург)

Уроки французского

Французская осень 2005 года с ее пылающими автомобилями в парижских предместьях и сотнями разбушевавшихся франко-африканцев заставила многих европейских политиков задуматься о правильности иммиграционной политики Евросоюза. То, чем гордились европейцы, публично выдавливая из себя свое колониальное прошлое, рухнуло в один миг и сгорело в иммигрантских кварталах больших и малых европейских городов. Досталось не только Парижу. Словно по иронии судьбы волнения охватили также и Брюссель, столицу Евросоюза, и Страсбург — европейскую столицу прав человека. Поэтому не случайно в прессе начали раздаваться голоса о новой европейской революции, на этот раз — цветной, и даже о закате процесса европейской интеграции.

Впрочем, что нам до европейцев, скажет досужий обыватель. У нас и своих проблем с иммигрантами хватает. И действительно, едут к нам, по большей части нелегально, из Китая и Таджикистана, Молдовы и Украины. Сколько? — точно не знает никто. По оценкам официальных органов в России сегодня на более или менее постоянной основе проживает от 6 до 8 млн иммигрантов. Количество же сезонных гастарбайтеров вообще не поддается учету. При этом в одном только Екатеринбурге, к примеру, в 2005 году находилось приблизительно 80–100 тысяч трудовых иностранных иммигрантов, в основном из Средней Азии, из которых лишь 12 тысяч прошли официальную регистрацию. Вдумаешься в эти цифры и начинаешь понимать, что проблемы «цветной» бунтующей Европы не так уж далеки от нас и что события пылающей осени-2005 в Париже дают нам возможность на горьком европейском опыте извлечь полезные уроки, дабы в будущем самим не наступить на французские грабли.

Урок первый. Начиная с 1960-х годов европейские страны — бывшие метрополии, усвоив доктрину антиколониализма, распахнули двери границ для жителей своих бывших колоний. Причины на то были сугубо экономические. Европа, переживавшая последствия демографического спада после Второй мировой войны, испытывала острую нехватку рабочих рук. Взять их было особенно нелегко: Восточная Европа, традиционный поставщик трудовых ресурсов, отделилась железным коммунистическим занавесом, поэтому рассчитывать можно было только на

«своих», то есть выходцев из Азии и Африки. К тому же впустить в свой «цивилизованный дом» тех, кого еще вчера унижали, это, как считали европейцы, стало бы справедливой платой государств-метрополий за свое несправедливое колониальное прошлое. При этом у бывших колониальных подданных было явное преимущество по сравнению с другими потоками иммигрантов: они владели языком страны-метрополии и были знакомы, благодаря усилиям колониальных властей, с административной системой принимающей их страны. Это, как ожидалось, способствовало бы достаточно быстрой адаптации приезжих к жизни в новых условиях. Однако власти наивно полагали, что выходцы из бывших колоний, прожив в Европе пару-тройку лет и подзаработав изрядную по их меркам сумму денег, вернуться на родину, а потому никаких особых усилий по интеграции иммигрантов в гражданское сообщество европейских государств не предпринимали.

Что же вышло на деле? Люди действительно охотно поехали в европейские страны и достаточно быстро оценили преимущества жизни в цивилизованной Европе, но возвращаться назад, к немалому удивлению официальных властей, не захотели. Их вполне устраивал статус маргиналов, то есть «нефранцузов» во Франции, «небельгийцев» в Бельгии, «неголландцев» в Голландии и т.д., ибо они по-прежнему считали себя выходцами из конкретного африканского или азиатского рода-племени.

Въезжая в Европу, они предпочитали расселяться рядом со своими соплеменниками, образуя достаточно многолюдные, но при этом весьма компактные и замкнутые этнические колонии. На первых порах государственных чиновников это ничуть не смущало, они понимали, что иммигрантам жить «на чужбине» среди своих гораздо проще и удобней, всегда можно рассчитывать на помощь и поддержку соплеменников. Более того, осознав, что иммигранты — это навсегда, власти начали усиленно возводить для них муниципальное жилье в пригородах больших городов, еще более концентрируя приезжих в локальных пространствах. Коренные же жители страны, напротив, начали покидать некогда однородные в этническом отношении пригороды, отныне наводненные иммигрантами. Так в европейских столицах появились Чайна-тауны, африканские и арабские кварталы.

Именно концентрация выходцев из Азии и Африки в локальных поселениях стала главной причиной того, что процессы интеграции иммигрантов в жизнь гражданского сообщества страны пребывания чрезвычайно замедлились. Они не спешили, да и не хотели расставаться с культурой, усвоенной с детства на своей далекой родине, сохраняя привычные для них обычаи, традиции, обряды, представления о нормах поведения и правосудия. Происходило своеобразное «оукливание» иммигрантских общин: они жили самодостаточной жизнью, воспроизводя в европейских городах маленький мир своей родины, не выказывая намерений к интеграции в сообщество европейцев. Коренные жители стран-метрополий в свою очередь воспринимали пришлых как «неизбежное зло», от которого при случае лучше ограждаться.

Россия превратилась в одну из стран, принимающих самые крупные в мире потоки трудовых мигрантов, и, по прогнозам, эти потоки будут возрастать из года в год

Итак, вывод первый: ни в коем случае нельзя допускать компактного проживания и тем более формирования колоний иммигрантов в стране пребывания, поскольку это тормозит процессы их интеграции и социальной адаптации мигрантов к жизни в новых условиях.

Урок второй. Пока экономическая конъюнктура европейских экономик была благоприятной, никто, в общем-то, всерьез не беспокоился о судьбе иммигрантов. Всем хватало рабочих мест, а в случае потери работы доходы казны позволяли выплачивать работнику довольно-таки приличные государственные пособия, чем, кстати, пользовались многие гастарбайтеры, подчас паразитируя на бюджетных расходах.

Ситуация ухудшилась, когда европейская экономика пошла на спад. Ввезенная рабочая сила стала излишней и обременительной, а потому государственные социальные программы на поддержку иммигрантов резко сократились. Их кварталы все больше стали напоминать настоящие гетто. И без того занимая низшую ступеньку в социальной иерархии, иммигранты опустились на самое дно. Настоящим бичом стала безработица, поскольку ни по уровню образования, ни по профессиональным умениям и навыкам они не могли составить конкуренцию коренным жителям. В современной Франции уровень безработицы среди трудоспособных обитателей иммигрантских кварталов достиг 20, а в отдельных районах 60 процентов.

Отсутствие легальных средств к существованию подтолкнуло выходцев из бывших колоний к занятию криминальным бизнесом, главным образом — торговлей наркотиками. Сплоченность и закрытость иммигрантских общин лишь способствовала этому, затрудняя работу правоохранительных органов внутри «цветных» кварталов. Здесь начали формироваться организованные преступные сообщества, а подрастающая молодежь, лишенная родительских денег на приемлемое образование и, следовательно, возможности получить стабильную работу, стала питательной средой для пополнения уличных банд.

Отсюда вывод второй: в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры и спада национальной экономики кварталы иммигрантов в наибольшей степени подвержены криминализации, превращаясь в реальный фактор угрозы общественной безопасности.

Урок третий. Иммиграционная политика европейских стран в конце XX века носила весьма странный характер. Несмотря на экономическую потребность в иностранной рабочей силе, в ее основу легли либеральные моральные ценности, густо замешенные на доктрине прав человека (избавление от колониального прошлого, право человека на свободный выбор места проживания, принцип воссоединения семей и т.д.), а не долговременный экономический прогноз. Впускали буквально всех, без учета степени владения языком, наличия профессии, образования, возраста, семейного положения, не говоря уже о таких «тонких материях», как адаптивные возможности человека и его лояльность к существующему политическому режиму страны пребывания. Ведь иммигрантов ориентировали на тяжелый и малооплачиваемый физический труд. Тут уж не до «тонких материй».

Однако научно-техническое перевооружение производства, основанное на применении информационных технологий, и последовавшая за этим структурная перестройка европейской экономики привели к существенному сокращению доли физического труда в сфере занятости. Это стало еще одним мощнейшим фактором роста безработицы, о последствиях которой для иммигрантов говорилось чуть выше.

Вывод третий: иммиграционная политика государства не может строиться на основе сиюминутной экономической потребности, а должна опираться на результаты перспективного прогноза развития национальной экономики и формулировать соответствующие требования к качеству привлекаемой рабочей силы. Главным основанием на право въезда в страну должно стать такое качество иммигранта, как его социальная мобильность, способность максимально быстро адаптироваться к жизни в новых условиях и интегрироваться в гражданское сообщество страны пребывания. Это, в свою очередь, невозможно без знания языка принимающей страны, наличия образования и востребованной на рынке профессии, способности к овладению новыми профессиональными знаниями и специальностями. Кроме того, следует учитывать возраст иммигранта, семейное положение, а также его налоговую и криминальную историю.

К слову сказать, именно на таких принципах сегодня строится иммиграционная политика Канады, Австралии, Новой Зеландии, принимающих самые большие потоки трудовых мигрантов со всего света.

И наконец, **урок четвертый** — самый очевидный. Ошибки европейских государств в сфере иммиграционной политики, о которых шла речь выше, больше всего ударили по детям и внукам иммигрантов, въехавших в Европу в 60-е годы прошлого века. В отличие от своих предков они были уже не «иностранной рабочей силой», а, напротив, полноценными гражданами страны. Это джюре. Де-факто же они, как и их отцы, скученные в иммигрантских кварталах, оставались «нефранцузами» во Франции, «небельгийцами» в Бельгии, «неголландцами» в Голландии. Что с того что в кармане у тебя лежит французский паспорт, если в своей родной стране (а ведь страны, принявшие их отцов, стали для детей иммигрантов действительно родными) ты чувствуешь себя изгоем. Не можешь получить образование, работу, вырваться из вечной нищеты, тогда как рядом твои сограждане, такие же французы, только другого цвета кожи, преуспевают и процветают. Ничего иного, кроме протеста, такие настроения породить не могут.

Вывод: просчеты государственной иммиграционной политики проявляются не сразу. Накапливаясь постепенно, они проявляются с полной, подчас разрушительной силой спустя два-три поколения.

Но вернемся к России, которая за последние семь-восемь лет превратилась в одну из стран, принимающих самые крупные в мире потоки трудовых мигрантов, и, по прогнозам экономистов и демографов, эти потоки будут возрастать из года в год.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы заметить, что мы идем по тому же порочному пути, которым прошла современная Европа. Мы принимаем в свою страну, главным образом, неквалифицированную рабочую силу, способную лишь к тяжелому малооплачиваемому физическому труду, не предъявляя никаких особых требований к въезжающим и не стремясь повысить качество привлекаемых трудовых ресурсов. В наших городах постепенно начинают формироваться если не кварталы, то, как минимум, микрорайоны с преобладанием чужестранного населения. От европейцев нас отличает пока лишь то, что мы не можем позволить себе строить для них специальное жилье, и то, что значительная доля мигрантов приезжает к нам на сезонные работы. Но первый шаг по направлению к «французским граблям» сделан, и если вовремя не свернуть, то очень велика вероятность того, что лет эдак через двадцать-тридцать мы на них наступим.

Вячеслав Бахмин,
консультант фонда
Чарльза Стюарта Мотта
(Москва)

Нужны аниматоры! О гражданском обществе и демократии в России

Как-то я был на встрече представителей европейских фондов, и зашла речь о том, почему Россия пытается что-то строить — демократию, гражданское общество. Зачем ей это нужно? Вот у остальных постсоциалистических стран есть стимулы и цель: вступление в Совет Европы, в Европейский союз. Они мобилизовались ради этого. А Россия?..

Отвечая на этот вопрос, мы должны рассуждать в первую очередь с позиций наших внутренних потребностей и оценок. А именно: мы хотим, чтобы наша страна была нормальной, чтобы все граждане чувствовали себя нужными, их способности востребованными, а условия жизни достойными. По идее, такая организация общества, при которой человек — это главная ценность, и есть демократия.

Что нужно для достижения этого состояния общества? Прежде всего, чтобы в процесс управления и принятия решений вовлекались граждане. Чтобы у них было право выбора и ответственность за этот выбор. А для обеспечения этих условий необходима соответствующая политическая система процедур и институтов.

Россия сделала решающий шаг к созданию такой системы. Посмотрим нашу конституцию. Ее сравнивают иногда с брежневской и говорят, что это чуть ли не то же самое: и там была демократия, и здесь демократия, и там права человека, и здесь. Но есть принципиальная разница, состоящая в том, что в брежневской конституции говорилось о некоей особой **социалистической** демократии, при руководящей роли КПСС во всех сферах жизни. А что касается прав, то они декларировались и реализовывались при условии, если соответствовали линии единственной партии. Декларировалось «право на труд», но оно сочеталось с обязанностью трудиться (под страхом уголовного наказания) и к тому же единственным работодателем выступало государство (тоталитарное по своей сути) и т.д.

А теперь посмотрим на сам дух прежних и нынешних законов. Например, возьмем Уголовный кодекс (УК). Каким он был раньше? Он начинался с преступлений против государства, потому что ничего важнее государства не было. Уж если ты против государства, то получай по полной программе, вплоть до расстрела! Если сравнить наказание за хищение собственности — личной или государственной, то разница была огромной. Сейчас УК начинается с преступления про-

тив личности. О государстве в нем тоже говорится, но личность — главное.

Мы начали выстраивать систему координат демократической модели общества. Каковы ее главные компоненты?

Они просты и нам известны: разделение властей, свободные выборы, независимые суд и СМИ, исключаяющие чью-либо монополию на истину. В современном обществе может оказаться нередко правым не большинство, а меньшинство, и у него должно быть право и возможность отстаивать свои позиции. Индийский поэт Рабиндранат Тагор сказал замечательные слова: «Свобода — это привилегия, которую индивидуум должен ежедневно отстаивать ради себя самого. Даже самое демократическое правительство может стать деспотичным, когда субъекты своим безразличием или трусостью провоцируют его на это. Если для индивидуума свобода означает всего лишь средство достижения материального блага, государство легко заманит его в ловушку, положив это самое благо в качестве приманки. Именно так возникают диктатуры — красные, черные или коричневые». Сказано в тридцать седьмом году!

То есть демократию приходится постоянно отстаивать, каждый день за нее бороться, контролируя действия государства, которое содержится на средства общества, и вмешиваясь каждый раз, когда власть вольно или невольно нарушает общественный договор или не выполняет свои функции. А делать это могут только независимые от власти, партий, корпораций ответственные и активные граждане, неравнодушные к тому, что происходит в стране, готовые отстаивать свои специфические интересы и с этой целью объединенные в ассоциации, иногда даже временные, для решения конкретной задачи. Совокупность таких граждан и их ассоциаций — различных некоммерческих (НКО) и неправительственных (НПО) организаций, способных воздействовать на власть, — это и есть граждан-

ское общество или, если угодно, особое его состояние. Первооснова гражданского общества — ассоциации граждан.

Есть ли такое общество в России? Ясно, что благоприятных условий для его формирования не было. Когда наша страна ступила

Демократию приходится отстаивать, контролируя действия государства, которое содержится на средства общества, и вмешиваясь каждый раз, когда власть вольно или невольно нарушает общественный договор или не выполняет свои функции

на путь демократизации, подавляющее большинство населения еще воспринимало авторитаризм и патернализм государства как норму. Изменилась ли ситуация?

Сошлюсь на опрос, который примерно год назад проводился среди сельских жителей Ставропольского края Борисом Жогиним (некоммерческое партнерство «Управленческий консалтинг»). Когда респондентов спросили, от чего зависит решение проблем их повседневной жизни — от внешних или внутренних факторов, большинство ответило, что вынуждено рассчитывать на свои усилия, так как не надеется на государство. Конечно, это еще не говорит об их гражданском сознании, но ясно, что жизнь заставляет искать альтернативу патернализму. Страна в этом смысле уже заметно отличается от той, что была в начале демократических преобразований.

Но в целом ситуация для формирования гражданского общества и реализации гражданских инициатив продолжает оставаться неблагоприятной. Консолидации разрозненных гражданских действий и превращению их в стабильный фактор влияния на властные бюрократические структуры мешают огромные пространства, несовершенные коммуникации, отсутствие сильного среднего класса, культуры благотворительности и соответствующего законодательства и т.д.

Итак, где мы сейчас находимся? Один депутат Государственной думы как-то сказал: «Как обычный гражданин, не как депутат, я никогда с гражданским обществом не сталкивался, не взаимодействовал; я вообще его не вижу». И ладно бы не видел только он, но не видят такого общества 80 процентов населения, и они по-своему правы: если его нет в сознании, то нет и в реальности.

И второе. Вот, скажем, мы собрали около пяти тысяч подписей против принятия закона, затрудняющего работу некоммерческих и неправительственных организаций. Что такое пять тысяч для нашей бюрократии? Когда подавляющее большинство населения даже не представляет, что такое НКО и НПО, можно прихлопнуть их хоть завтра и народ даже не заметит. Гражданское общество у нас уязвимо как раз потому, что нет существенного слоя активных граждан.

Да, НКО и НПО существуют. И, казалось бы, их много. Но больше половины из зарегистрированных организаций по разным причинам, в том числе финансовым, не работают. Другие работают по мере того, как появляются деньги или иные возможности. Хотя есть, разумеется, среди них и очень сильные организации, с мнением которых власти вынуждены считаться.

Не так давно я был в Польше и встречался с руководителями нескольких неправительственных организаций. По всей стране у них действуют центры местной активности — на базе клубов, школ, библиотек, где люди обсуждают то, что их волнует, и стремятся решать свои проблемы, находя правовые, профессиональные, материальные ресурсы. Причем все это, как правило, происходит на муниципальном уровне. И в их среде я услышал такое выражение — «социальный аниматор». Это активист, который организует людей, помогает выявлять тех, кто способен ясно формулировать конкретные задачи, для решения которых люди объединяются. Таких аниматоров готовят на специальных трехмесячных курсах, и потом, когда такой человек попадает в коллектив, вокруг него начинает вертеться жизнь. Лозунг этих центров: «Поможем людям, чтобы они могли помочь себе сами».

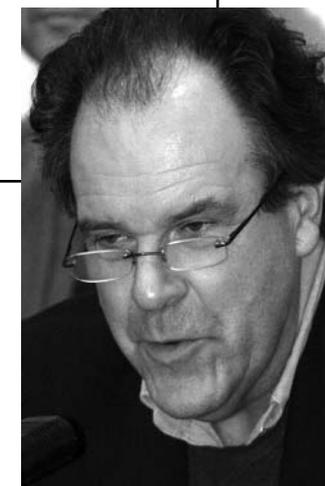
Российский опыт такого рода тоже существует. У нас есть так называемые общественные школы, существующие на базе обычных школ, которые посещают люди разных поколений: дети школьного возраста, их родители и родственники, вплоть до бабушек. Они не ставят своей целью только образование, главное — воспитание граждан. Через активную взаимосвязь с обществом на низовом уровне, с неправительственными организациями, с местной властью, с бизнесом. Они создают свои школьные фонды, а сами школы не закрываются после окончания уроков и становятся своеобразной точкой притяжения местного сообщества. В России в настоящее время более четырехсот таких школ.

Но для того чтобы все это существовало не только в отдельных регионах и гражданское общество развивалось, нужны средства. Где их брать? То, что сейчас зарубежные доноры начинают по разным причинам сворачивать свою деятельность, вполне закономерно. Стратегически на них рассчитывать нельзя. Значит, требуется развитие собственной, местной благотворительности — не только в виде создания фондов местных сообществ, хотя это очень хорошая модель и она работает уже примерно в 15 городах. Требуется еще и механизм филантропии. В Соединенных Штатах финансирование НКО на 80 процентов идет от частных пожертвований. Не потому, что там много богатых людей, а потому что так исторически сложилось и за десятки лет появилась соответствующая технология. Если люди видят реальную проблему и о ней информированы, они идут навстречу обществу.

В нашей стране существуют товарищества собственников жилья, кредитные союзы, общество потребителей, органы местного самоуправления. Все это низовые школы гражданского воспитания. Но им нужны лидеры, которые знают, как организовать дело. На мой взгляд, стратегически это наиболее важное направление, и его надо развивать и поддерживать в первую очередь. А для этого необходимо серьезно заниматься в том числе и гражданским образованием.

Легко ли журналисту говорить правду?

К вопросу о журналистской этике

Джон Ллойд,
соредактор газеты
Financial Times

Что представляет собой этика журналистики, или журналистов? Я думаю, что невозможно заниматься этой профессией без ощущения правды. То есть, если вы намерены рассказать какую-то историю, повесть о каких-то фактах, о том, что произошло в обществе, в политике, нужно иметь правдивую версию того, о чем говорите. Вы, возможно, даже и не скажете правду (для этого могут быть разные причины), однако иметь ясное представление, что есть правда, необходимо. Это исходная позиция, а там уж маневрируйте в зависимости от ситуации и своих целей.

Что может помешать рассказать правду? Первая проблема, одна из самых очевидных, — кто-то не позволяет вам это сделать. Я разговаривал на нашем семинаре с одним журналистом из Калмыкии, и он сказал, что там ситуация в этом смысле очень тяжелая. Но в разных регионах положение далеко не одинаковое. И у меня сложилось впечатление, что ничего особенного Россия в этом смысле не представляет. В Америке до совсем недавнего времени в южных штатах — Джорджия, Миссисипи, Луизиана — существовало общество, разделенное на белых и черных, и журналистика до 70-х и даже 80-х годов была очень непростым занятием. Люди не могли рассказывать правду о том, что там происходило. Если они это делали, то подвергались немалому риску. На юге Италии — на Сицилии, в Неаполе, в Калабрии — тоже очень трудно и опасно заниматься журналистикой, потому что мафия и другие организованные преступные группировки просто убивают неугодных журналистов за то, что они говорят правду, когда пытаются расследовать преступления. В Ирландии женщина-журналист, которая освещала преступность, была убита лидером какой-то наркогруппы. Нам, в Британии, повезло, что не происходит подобного. Но и здесь, так же как в других странах, люди могут по иным причинам, иными способами помешать вам говорить правду.

Вторая проблема донесения правды до читателя или слушателя — уровень компетентности журналиста. Способны ли вы и в какой степени понимать тот мир, который описываете. Иными словами, обладаете ли вы интеллектуальным инструментарием для того, чтобы понять мир. Хотим мы или нет, нам нужно понимать все: политику, общество, науку, разбираться в сельском хозяйстве и освоении космоса, потому что мы пишем обо всем. И естественно, всего

Джузеппе Пеноне. Дерево и рука. 1968–1978

мы не знаем. Поэтому быть журналистом — значит сознавать: чем больше вы знаете о предмете, о котором пишете, тем быстрее становитесь лучшим экспертом в этой области и... тем яснее понимаете, что знаете мало. Это парадокс журналистики. Журналисты часто говорят: когда мы начинали свой профессиональный путь, то знали всё и всё было просто. Но чем больше познавали мир вокруг себя, тем отчетливее осознавали свои недостатки.

В советское время многие журналисты в вашей стране могли сказать: ну, мне вообще не нужно ничего знать, потому что я должен следовать линии партии, государства, газеты, писать то, что мне велят. Но теперь, во времена большей свободы, все стало гораздо сложнее, потому что нет единой идеологии и люди ожидают от вас собственного мнения; вы должны исходить из каких-то принципов, но каких?

Если есть одна идеология, одна партийная идея, одна идея развития или представление о развитии, одно представление об истории, о будущем, тогда все гораздо легче, потому что нет никакой дискуссии или есть очень ограниченная дискуссия. Когда же перед вами большое число идей и представлений, уже сложнее сказать, какая идея является истинной.

Для всех нас профессиональная деятельность усложнилась еще и потому, что в контексте глобализации все, что происходит в любой точке мира, воздействует на весь остальной мир. Советский Союз был последней великой империей, которая могла закрыться от внешних воздействий. Сейчас только несколько стран, таких как Северная Корея или Куба, могут себе позволить подобное. Сейчас мы все открыты. К лучшему это или к худшему, но факт, что журналистам это значительно усложняет жизнь. И все это очень сильно отличается от прежних времен.

Короче: чтобы сказать правду, надо осознать, что является правдой. Это всегда непросто. А если вы работаете на электронные СМИ или на ежедневную газету, у вас для этого всегда очень мало времени.

Отсюда — проблема образования журналистов. Она служит предметом больших дискуссий в моей стране, а также и в Америке, в Европе и у вас, наверное, тоже. Как нужно их готовить, как им заниматься самообразованием, чему нужно научиться, чтобы стать журналистом? Можно, конечно, специализироваться в определенных областях знаний: если вы хотите заниматься внешней политикой, можно изучать международные отношения, если хотите быть научным обозревателем — изучать науку, если пишете о медицине — изучать этот предмет. Но необходимо учиться и тому, как описывать мир в целом, тренировать свой интеллект для того, чтобы быть в состоянии понять практически все. Как юристы, которые ведут различные дела. Они должны с самого начала понимать проблемы своих клиентов, каждый раз осваивать дело с нуля. Мы тоже все время начинаем с нуля, и нам нужно тренировать наши мыслительные способности для того, чтобы быстро схватывать самое существенное из того, что мы видим, а затем стремимся донести до читателя. Это очень трудная задача.

И наконец последнее, о чем мне хотелось сказать. Правду говорить сложно и потому, что вариантов и версий правды всегда много. Как-то мы обсуждали с британским послом проблемы Ирака. Сложная тема — во всех странах мира, не только в Великобритании и в США. Журналистам трудно работать над ней не в последнюю очередь потому, что она очень опасна. Притом некоторые журналисты придерживаются мнения, что Саддам Хуссейн был тираном и угроза от него распространялась по всему миру, следовательно решение о вводе войск в эту страну было единственно правильным. Многие считают, что за-

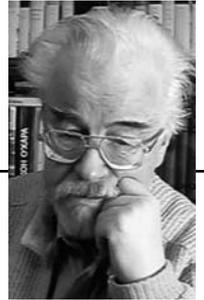
шита демократии в странах Ближнего Востока — это благородная цель. Но иные журналисты убеждены, что это была ошибка, и утверждают, что Саддам Хуссейн не имел в своем распоряжении оружия массового поражения. Он, возможно, был жестоким правителем, но в мире много жестоких людей и мы не имели права нападать на Ирак. Это полярно противоположные взгляды, диаметрально расходящиеся позиции в отношении достаточно серьезной проблемы. Если вы журналист, у вас всегда будет своя версия правды. Как быть, если ваше мнение отличается от концепции внешней или внутренней политики вашей страны? В этом, мне кажется, ключевой вопрос: у всех у нас есть мнения, мы высказываем свои суждения, но когда вы пытаетесь сказать правду как журналист, возможно вам придется совершить над собой своеобразное насилие: вы должны отложить в сторону свои убеждения и рассматривать только факты, в той мере, в какой это возможно. Но опять же — подобно юристу, защищающему клиента в суде, адвокат может думать, что ответчик, его подзащитный, виновен в совершении преступления. Однако задача адвоката его защищать. Судья, выносящий приговор, может быть убежден, что подзащитный или ответчик повинен в совершении преступления, но он опять же должен подчинить свои убеждения фактам или их отсутствию. Иными словами, вы должны уметь отличать свое мнение от своих суждений, пытаться основываться на фактах, насколько это возможно, и это, кстати, одна из сложнейших задач, стоящих перед журналистикой как профессией. Нам приходится постоянно взвешивать то, о чем мы говорим с людьми, то, что читаем, и то, что видим, пытаюсь приблизиться, насколько это возможно, к правде. Иногда ситуация такова, что вы понимаете: невозможно раскрыть ее до конца даже для себя, но вы всегда стремитесь к цели, и чем лучше понимаете, что вам еще следует учиться, чем больше, на ваш взгляд, фактов вам предстоит получить, чем больше людей, с которыми вам нужно поговорить, и чем больше документов, которые вам нужно еще прочитать, тем лучше вы выполняете свою работу.

Это не только теория, но одновременно и задача, стоящая перед журналистикой во всех странах — в моей стране, в вашей, во всем мире. Это основная проблема и, кстати, одна из причин, почему журналистика является настолько важной профессией в демократическом обществе. Но насколько возможно приблизиться к правде? Или, подобно многим современным философам, постмодернистам, вы считаете, что правды не существует? Что есть правда, согласно которой надо, скажем, воевать с Ираком, а вторая правда утверждает противоположное, и потому вы в принципе не верите в существование правды. Уверяю вас, многие современные философы верят именно в такое положение вещей. Интересно было бы прочесть ответы читателей на эти вопросы.

И последнее. Когда мы обсуждаем проблемы журналистики на Западе, мы обычно вспоминаем два текста. Один — известного английского поэта XVII века Джона Мильтона, который в памфлете «Agraphetic» ответил на вопрос, что необходимо для достижения истины. Главное — это свобода выражения, речи, ибо только тогда люди могут говорить то, что они думают, добываясь до истины. И еще один текст, уже XIX века, — «О свободе» — известного философа Джона Стюарта Милля. В нем тоже говорится о том, что дискуссии, аргументы, открытый спор — все это в конечном итоге и приводит нас к пониманию того, что такое правда. Хотелось бы, чтобы правда побеждала, во всяком случае, к этому надо стремиться. Только тогда мы оправдаем свою работу.

Деньги и люди

Александр Волков,
доктор исторических наук

Сосед по больничной палате, дед известной теннисистки сетовал: не заехала к нему внучка перед отъездом на крупные соревнования. Это все деньги, говорил он, большие деньги, портят они людей!

«Деньги портят людей» — это стало расхожей фразой. Размышляя на сей счет, я вспомнил интересное высказывание Бернарда Шоу, нашел его в книге и уже не мог не углубиться в эту тему. Вот что писал мудрый Шоу: «Учить детей, что грешно стремиться к деньгам, это значит доходить до крайних пределов бесстыдства в своей лжи, растленности и лицемерии. Всеобщее уважение к деньгам — это единственное в нашей цивилизации, что дает надежду, единственное здоровое место в нашем общественном сознании. Деньги важнее всего, что есть в мире. Они являются столь же ярким и бесспорным отражением здоровья, силы, чести, щедрости и красоты, сколь бесспорно болезнь, слабость, бесчестие, низость и уродство отражают их недостаток. Не последним из их достоинств является то, что они сокрушают людей низких с той же неизменностью, с какой укрепляют и возвышают людей благородных. И только когда они удешевляются до степени обесценения в глазах одних людей и удорожаются до степени недостижимости в глазах других, только тогда они становятся проклятием.

Короче говоря, они являются проклятием только при социальных условиях, настолько глупых, что сама жизнь при них становится проклятием. Потому что оба эти понятия неразделимы: деньги — это кассир, который делает возможным распределение благ жизни среди членов общества, и это является жизнью с той же

очевидностью, с какой монеты и банкноты являются деньгами. И первый долг гражданина требовать, чтобы деньги предоставлялись ему на разумных условиях; а это требование несовместимо с тем фактом, что четыре человека получают за двенадцать часов изнурительного труда по три шиллинга каждый, а один человек ни за что ни про что тысячу фунтов» (Хьюз Э. Бернард Шоу. М, 1968. С. 116).

Эта своеобразная ода деньгам утверждает со всей определенностью, что не деньги портят людей, а, напротив, люди, умеющие или не умеющие пользоваться деньгами, тем более сознательно обращающие их на пользу и другим людям, всему обществу, либо, наоборот, превращающие в орудие достижения своих корыстных целей или господства над другими людьми, определяют их социальную роль и ценность.

Нас должны, видимо, интересовать скорее не рядовые индивиды, решающие свои проблемы, а граждане, профессионально работающие с деньгами в государстве и обществе. Не только финансисты (хотя они тоже), но прежде всего — политики. По гениальной в своем роде формуле Г. Лассуэлла, политика есть процесс определения того, «кто получает, что, когда и как». Политики, следовательно, ответственны за то, становятся ли деньги благом или проклятием.

Среди наиболее выразительных и достоверных показателей их деятельности, отражением как раз того, чем становятся деньги, да и сама жизнь в данном обществе, на первое место выступает так называемый децильный коэффициент, а именно — во сколько раз доходы 10 процентов самых богатых граждан превышают доходы 10 процентов самых бедных. Этот коэффициент в России отвратительно высок — 14,6–15. То есть бо-

гатые в среднем (!) получают в 15 раз больше, чем бедные, и даже не самые бедные, а целых 10 процентов населения, находящиеся внизу таблицы доходов. (Если же говорить не о средних показателях, а об оплате труда конкретного «бюджетника» или дохо-

[Деньги] являются проклятием только при социальных условиях, настолько глупых, что сама жизнь при них становится проклятием.

Бернард Шоу

де пенсионера в сравнении с доходом конкретного топ-менеджера, то здесь различие превысит сотню раз). В европейских странах децильный коэффициент примерно в три раза ниже, чем в России. А у нас он еще и растет (только пару лет назад экономисты называли число 12, теперь оценки некоторых экспертов превышают и 20–30). Такое, как у нас, превышение означает не просто количественное различие в сумме благ, но совершенно разное качество жизни. Скажем, одни могут лечиться от всех болезней лишь аспирином, валидолом, простыми народными средствами, и им никогда, даже в случае крайней необходимости, не сделают операцию на сердце, вроде стентирования или аортокоронарного шунтирования, другие же пользуются новейшими достижениями науки и техники в полной мере потребности. То есть, если перевести разговор в плоскость прав, у *этих двух групп населения не одинаковое право на жизнь*. Также одни не могут после работы, во время отпуска даже дома отдохнуть полноценно, поскольку живут в коммуналке с кучей детей, другие же привередливо выбирают лучшее место на земном шаре. Одни могут получить сами и дать детям образование самого высокого уровня, включая обучение в американских или британских знаменитых университетах и учебных центрах, вроде Гарварда, другие начи-

нают учебу в школах, не имеющих полного штата преподавателей по всем предметам, где все условия таковы, что мечтать о последующем поступлении в нормальный российский вуз просто не приходится. Да что говорить о таких высоких материях, когда Дума,

подняв почти вдвое знаменитый МРОТ, все равно не довела его еще до прожиточного минимума, а кто-то просаживает за ночь в казино тысячи долларов. Не тот ли это уровень расслоения общества, при котором, по Б. Шоу, деньги становятся проклятием, ибо сама жизнь общества, отношения в нем

приобретают признаки патологических форм?

Рынок не терпит грубого вмешательства в ценовые пропорции, равно как и произвольного ограничения доходов. Но ведь патологические социальные диспропорции тоже очень опасны, в частности или в особенности обусловленные таким же произволом государства, чиновников, принятием непродуманных законов и установлений. Например, тем, по которому миллиардеры платят налог такой же (в процентном отношении к доходу), как люди, получающие скромную зарплату «бюджетника». Либо, напротив, если старик-пенсионер, инвалид за прикрепление к поликлинике, где лечится не один десяток лет, и для него важна уверенность в своих лекарях, взаимное знание и доверие врача и пациента, платит в два раза больше, чем здоровый, имеющий работу человек. В Законе о ветеранах был пункт, сохраняющий таким людям бесплатное прикрепление, но заботливые избранники народа этот пункт отменили.

Своеобразный поворот той же по сути темы предлагает Роберт Скидельски во введении к своей знаменитой книге «Джон Мейнард Кейнс», недавно вышедшей на русском языке*. «Хотя экономисты стремятся «творить добро», — пишет он, — не-

Лукас Самарес. Книга № 4. "Ад" Данте. 1962

многие из них всерьез принимают этику. Они исходят просто из того, что всякое материальное улучшение жизни людей есть для них добро. А Кейнс упорно доказывал, что экономический рост может быть оправдан лишь в той степени, в какой он делает людей лучше с этической точки зрения. До какого-то момента экономика и этика идут нога в ногу. Но по достижении определенного уровня дохода их пути расходятся». Конечно, у Кейнса и у автора книги здесь проявляется некоторый идеализм, но речь тоже идет о связи экономического и социального, о необходимости соотношения экономики и этики, а также о рубеже, за которым деньги становятся проклятием.

Кажется, что Государственной думе стоило бы специально рассмотреть проблему критического материального расслоения в обществе, все эти диспропорции, но такого нелегко ждать от тех, кто год за годом начинает рассмотрение проблем благосостояния с себя, с повышения своей зарплаты и установления особого порядка начисления и индексации собственных будущих

пенсий. Но ни Федеральное собрание, ни правительство, ни президент и не подумали начать с себя монетизацию льгот. Скажете, их тоже портят деньги?

Распределение денег в обществе зависит, разумеется, не только от государства, но в огромной мере и от капитала, особенно крупного. Часто говорят о социальной ответственности бизнеса, о необходимости меценатства, благотворительности. Но ведь верно и то, что основная его социальная роль связана с созданием рабочих мест, оплатой труда персонала соответственно результату и с честной уплатой налогов. Проблема не в том, чтобы добиться от предпринимателей больших подачек кому-то, никто не требует от них альтруизма. Перед ними прежде всего проблема их собственного выживания и нормального функционирования всей экономики. Что я имею в виду?

Во-первых, сама экономика может нормально развиваться только тогда, когда рост производства не упирается в узкую базу, на которой покоится потребление, то есть в уровень покупательной способности

* Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. В 2 книгах. — М.: Московская школа политических исследований, 2005.

населения. Во-вторых, социальная атмосфера благоприятствует предпринимательству лишь в том случае, если все общество чувствует и сознает его пользу, его незаменимость, скажем, в сравнении с какой-либо национализацией. Но вот ведь что говорит Игорь Юргенс, бывший вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей: «Когда называют имена крупнейших предпринимателей (он их перечисляет), у 70 процентов наших граждан рука тянется к пистолету». Если тянется, то ведь когда-нибудь и дотянется. Но кто в этом виноват? Просто людьми движет зависть? Или это результат непризнания легитимности проведенной приватизации?

Здесь сплелось все. Союз промышленников и предпринимателей обсуждал проблему социальной ответственности бизнеса, но, видимо, требуется более глубокое и многоплановое исследование проблемы выживания в накаленной социальной среде, всей системы социальных отношений. Возможно, это требует более глубокого осмысления модели, парадигмы социально-экономического развития, которая учитывала бы интересы и настроения всех слоев населения.

Британский ученый Чарльз Лидбитер, размышляя о формировании современной европейской модели экономики, отмечает, что в Европе очень многие отнюдь не отказались от приверженности таким ценностям, как равенство и социальная справедливость, и это не может не учитывать современная модель экономики. В частности или в особенности — необходимость того, *чтобы успешное развитие предпринимательства приносило выгоды, улучшение жизни не только самим предпринимателям, но всем участникам экономического процесса.* Наш менталитет, видимо, даже в большей степени, чем европейский, связан с приверженностью идеям равенства и социальной защищенности. Более того, если уж о Франции автор говорит, что там принято считать неприличным для молодого человека быстро становиться обладателем миллиона долларов, что вообще в Европе существует неприятие быстрого обогащения, то что же

сказать о нашем массовом сознании... Не актуально ли и для наших условий поразмыслить, как предлагает британский ученый, над такой моделью, которая несла бы в себе новый сплав ценностей, позволяющий высоко ставить одновременно и предприимчивость, способность творчески откликаться на перемены, и социальное руководство в интересах наиболее уязвимой части общества.

Гигантские разрывы в доходах — это разрывы социальной ткани общества, человеческого материала. Не призываю к уравниловке, зная ее губительные свойства, а только — к пониманию опасности этих разрывов, не раз доказанной самой историей. Некоторые связывают их возникновение с привнесением в нашу жизнь западных идей либерализма, которому якобы чужды мотивы социальной справедливости, и с торопливым отказом от социалистических идеалов. Коммунистические идеалы, как известно, завели нас в тупик, а коммунистическая социальная справедливость строилась на сочетании дефицита, очередей и спецраспределителей. Что же касается западного либерализма, то о нем хорошо сказал известный исследователь либеральных идей и соответствующей практики Борис Капустин: «Попробовала бы любая западная либеральная или консервативная партия заявить, что тема социальной справедливости является неактуальной, чуждой ее программе или (что совсем уж дико) принадлежащей только левым радикалам! Она была бы электорально уничтожена на ближайших выборах». Так что уж влияние Запада тут точно ни при чем.

Согласимся с Бернардом Шоу: деньги не виновны в людских пороках. А становясь проклятием, они лишь сигнализируют о неблагополучии в человеческих отношениях данного общества, и эта проблема могла бы быть, конечно, рассмотрена еще во многих аспектах.

Новый сезон политического театра

После парламентских выборов 2003 года тезис о «схлопывании публичной политики» в России стал общепринятым. Даже самые официозные авторы с ним не спорили, настолько он был очевидным. Выборы, партии, парламент, сферы по определению публичные, полностью покорились технологиям. Гражданская активность унаследовала нарастающими темпами; даже острее проблема монетизации льгот вызвала весьма скромную общественную реакцию... И куда же завел нас этот процесс за два с лишним года?

Главное, что стоит отметить: публичная политика в России не закончилась. Ее деградация не привела к полному затуханию. Более того, с прошлого года наблюдаются явные признаки ее оживления. Хотя, разумеется, она существенно отличается от того, к чему мы привыкли в 90-е годы, а тем более — от практики развитых демократий.

Первым фактором, способствовавшим оживлению публичной политики, стала волна оранжевых революций в постсоветских странах. События на Украине привели к активизации публичной деятельности элиты всех направлений. При этом характерно, что активность и результативность публичных действий правящей бюрократии оказалась выше, чем у оппозиционеров. Этому во многом способствовало то, что власть в большей степени попала в резонанс с массовыми настроениями: революции в странах СНГ скорее вызвали всплеск патриотических, чем демократических настроений в России.

К началу этого года оранжевая волна схлынула, но след ее остался. Как проревольюционные, так и контрреволюционные действия, предпринимавшиеся в 2005 году, оживили политический дискурс. Тем более что приближается переломный момент в развитии российского политического режима: парламентские выборы 2007-го и президентские 2008 года. Чем ближе декабрь 2007-го, тем больше актуализируется проблема преемничества. И, что особенно важно, все яснее становится, что эта проблема не решается чисто аппаратными и технологическими методами.

Что же представляет собой российская публичная политика сегодня? Надо отметить, что она имеет весьма своеобразный характер. Заметнее всего это проявляется в почти полном отсутствии у нее телевизионного измерения. В 90-х годах мы привыкли к тому, что большая политика происходит исключительно на большом экране, а после

*Юрий Гуренко,
заместитель главного
редактора журнала
«Общая тетрадь»*

огосударствления трех основных телеканалов создалось впечатление, что публичная жизнь иссякла вовсе.

В России сегодня почти полностью отсутствует парламентаризм. Государственная дума после декабря 2003 года приобрела номенклатурный вид и останется такой, по крайней мере, до декабря 2007-го. О назначаемом Совете Федерации, как о публичном органе, говорить не приходится. Ну а региональные legislatures избытком публичности и политичности не отличались никогда.

Самое же главное, чего нет в нашей публичной политике (и что, собственно, обуславливает остальные ее слабости), это массового участия. Естественное падение массового интереса к ней достигло в наши дни крайней точки. Поэтому любой шаг, направленный на «наведение порядка» (то есть на монополизацию политики бюрократией и установление бюрократического контроля за всей публичной сферой), встречает сочувствие «путинского большинства».

А что же есть? Признаки жизни публичная политика подает в основном на выборах. Хотя электоральный процесс в России сильно технологизирован и поставлен под жесткий административный контроль, острота предвыборной борьбы меньше не стала. Во многих регионах «вертикальная» политика не срабатывает, и выборы не только создают видимость наличия политической конкуренции, но и становятся ее реальным выражением.

Заменителем «просевшей» медиасреды (электронные СМИ от политики отстранились, а печатные мало кем читаются) стал Интернет. Сетевые издания, а особенно «блоги» приобретают все большую популярность. Здесь есть и накал дискуссий, и свобода выражения мнений, и содержательная насыщенность. Притом что Интернет пока еще остается делом меньшинства, его аудитория неуклонно растет, к тому же охватывая наиболее динамичных и активных граждан. В Интернете формируется новая гражданская общность, происходит выработка и апробация корпуса идей, которые уже становятся определяющими в отечественном идеологическом дискурсе. Виртуальная публичная политика развивается и начинает материализоваться.

Самым заметным проявлением восстановления публичной политики и ее нового облика стал также бурный рост молодежных политических объединений. Речь идет не о молодежных отделениях политических партий, а о самостоятельных организациях. Во всех нишах политического спектра в одночасье появились — и ярко проявились — молодежные инициативы. Интересно, что все они представляют собой не столько сообщества юных бунтарей, сколько корпорации молодых карьеристов. Эти инициативы представляют собой синтез публичности и технологичности: их акции подчеркнута публичны, но являются элементами продуманной технологии самопродвижения. Они конкурируют между собой и с «взрослыми» партиями за внимание элиты и общества, чтобы получить право заместить собой обанкротившихся «старых» левых, правых и прочих.

А банкротство политических сил, занимавших политическую арену до 2004 года, становится еще очевиднее. Особенно это касается бывшего авангарда российской политики — демократического лагеря. Оранжевая волна дала было им надежду на возрождение, но надежда оказалась тщетной. «Старые правые» не в состоянии решить ни проблему лидерства, ни задачу идеологического обновления, ни вопросы организационного структурирования. Чем дальше, тем больше они замыкаются на себя, выпадая из реального контекста. Аналогичные процессы, хоть и не так явно, происходят и в других частях спектра.

На таком фоне особенно заметны новые тенденции, проявившиеся в региональной политике. Во многих регионах силы, конкурирующие с правящими группами, начали консолидироваться под флагами мелких партий, не имеющих никаких перспектив на федеральном уровне: «Партии жизни», Аграрной партии, Объединенной промышленной партии и т.п. Более того, зачастую им удается достичь электоральных успехов. Можно сказать, что такие региональные политические проекты стали удачным способом обойти норму федерального закона о партиях, запрещающего их создание в регионах.

Появление успешных региональных политических проектов — первый заметный шаг в структурировании партийной системы накануне парламентских выборов 2007 года. Такое структурирование уже началось, хотя идет пока вяло. В этом процессе все еще преобладает технологическая составляющая. Например, широкое распространение получила практика «спойлерства» — использования маргинальных партийных брендов для ослабления позиций нежелательных участников политического процесса.

Наиболее явное доказательство могущества технологии — судьба «Родины». Возникшая как технологический проект Кремля (спойлер КППФ), «Родина» оказалась более успешной, чем ожидалось. Соединив самые популярные из правых и левых лозунгов, она не только набрала около 10 процентов на выборах, но и продолжила рост популярности. Это подтолкнуло лидера партии Дмитрия Rogozina к репозиционированию: он решил сменить роль квази-оппозиции на амплуа реального консолидатора оппозиционных сил, чем вызвал противодействие президентских технологов. Оказалось, что технологически задача решается просто: «Родину» просто перестали допускать к выборам — и это не вызвало серьезного общественного возмущения. Чем закончится история, пока неизвестно, но провал рогозинской стратегии уже очевиден, что показали региональные выборы в марте этого года.

Тем не менее господство технологии сегодня уже не столь беспредельно, как год назад. Не потому что нашлись реальные политические силы, способные «передать»: нет, сами лидеры технологической политики стали ощущать ее ущербность. Об этом свидетельствуют, в частности, непрекращающиеся попытки превратить «Единую Россию» из «профсоюза начальников» в партию. Заметного результата эти попытки пока не дают, но важно само стремление: значит, есть понимание того, что нужна именно партия, а не номенклатурный синдикат.

Весьма характерны также участвовавшие публичные выступления заместителя главы президентской администрации Владислава Суркова. На мой взгляд, в них нет понимания важности политической конкуренции (напротив, как настоящий технократ, Сурков стремится сделать политический процесс максимально управляемым). Зато есть очевидная потребность в содержании, которого технология сама по себе обеспечить не может. Очевидно стремление перебросить мост от технологии к идеологии.

Не случайно в этой связи широкий резонанс в административно-политических кругах и открытую пиаровскую поддержку получила книга молодого публициста и политика Алексея Чадаева «Путин. Его идеология». Безотносительно к содержанию книги сама попытка сформулировать идеологию режима исключительно важна.

Правда, весьма сомнительно, что таким путем на самом деле можно создать работающую идеологию модернизации: формирование идеологии требует дискуссионного пространства, а с ним непросто. И еще сложнее с конкуренцией идей. Политический театр открыл новый сезон.

Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования Института
социологии РАН

Свобода и справедливость: из эпохи Просвещения в XXI век

Быть свободным – значит зависеть только от законов.

Вольтер

*Общество свободно, если все его члены без различия
подчиняются неизменным нормам справедливости.*

Гольбах

Философско-политический дискурс и медийное пространство начала нового столетия отмечены чуть ли не «ренессансным» интересом к фундаментальным идеям Просвещения. Что вполне понятно и предсказуемо, ибо когда как не сегодня мы вновь переживаем серьезный кризис метафизических оснований нашей цивилизации. А посему возвращаемся к своим интеллектуальным первоисточкам, частично переформулируем, частично отвергаем их, но неизменно крутимся вокруг лексического минимума, тщательно «пережеванного» и истолкованного именно просвещенцами и унаследованного позднее всей нашей современной культурой.

Среди базовых идей нашего времени «свобода» и «справедливость» составляют высококачественные понятия. Интерес к ним как будто бы даже и несколько вырос по сравнению с недавним прошлым. С одной стороны, возможно, по привычке мы подчеркиваем их актуальность для человеческого духа, не терпящего рабства, ни какого-либо вообще угнетенного состояния. Но, с другой, жонглируя этими понятиями, политики и общественные деятели, правозащитники и критически настроенные интеллектуалы, медианарраторы и эксперты, журналисты и писатели, художники и творцы виртуальной реальности все очевиднее экспериментируют с ними не столько как с «чистыми» понятиями, сколько как с некими социальными сущностями. Свобода то противопоставляется справедливости, то временно примиряется с ней, то вновь отторгает справедливость как явление, глубоко противоречащее пространству свободы. Что первично, что приоритетнее, что образует систему, что паразитирует за счет другого? Возможны или невозможны они друг без друга? С помощью каких союзов увязать оба понятия, выбирая стратегии будущего, — «и»/«или»?

Конечно же, подобные ментальные упражнения не являются исключительной данью сегодняшней моде на логоэквилибристику, ни тем более глубинным переосмыслением

смыслов, сколь настойчиво бы нам ни предлагались «поминки по Просвещению»*. Разумеется, нечто в нашей политической жизни подталкивает к формулированию «буридановых» формул популярной риторики, сталкивающих лбами свободу и справедливость. Гражданин глобализирующегося мира, равно как и любого постсовременного национального государства, как будто бы «нутром» различает политику, преимущественно основанную на принципах свободы, от политики, скорее ориентированной социально. И это «различение» лежит в основании всей актуальной западной и российской политики.

Дело, правда, не доходит до прямой компаративистики и примитивного «взвешивания» их символической и креативной ценности. Однако в публичном пространстве оба понятия все чаще используются в их инструментальном измерении. В самом деле, ведь можно же измерить и «горизонты свободы», и «глубину справедливости» любого социума. И вот нам уже мерещатся то контуры обществ, построенных на бесконечном расширении свобод в ущерб справедливости, то бездны социальных систем, эксплуатирующих сверхсправедливость и жертвующих принципами свободы. Но когда же утверждается, что одно в принципе невозможно без другого, то в сознании обычного человека их значения и вовсе перепутываются, а сами понятия обесцениваются.

Просвещение: инсталляция смыслов

«Либеральный» в смысле политических свобод — понятие, безусловно, относящееся к «открытиям» Нового времени. При-

чем свое современное лексическое восхождение оно начинает еще в эпоху позднего феодализма с предельно точной идентификации незначительного класса так называемых свободных людей. В английском социально-политическом лексиконе XIV века *artis liberalis* (от латинского *liber*, свободный) устойчиво означало класс людей «свободных профессий», навыки и умения которых основывались на независимых «средствах» к существованию, гарантировавших им особенность их социального статуса.

Впрочем, вплоть до раннего Нового времени понятие *liberty*, располагая более древней языковой предысторией, не означало ничего иного, кроме как «формальное разрешение и привилегии» на какую-либо деятельность. То есть речь шла не столько о свободе субъекта, сколько об определенных правах, дарованных кому-то высшим сувереном. На рубеже же XVIII и XIX веков понятие *liberal* (свободный) окончательно социально контекстуализируется и связано это с завершением оформления общего понятия *liberty* уже к середине XVII века.

Неортодоксальность, свобода в суждениях, открытость свободным идеям вообще — вот, что сделало в те времена «свободу» институциональной**.

Под свободой в XVIII столетии европейские, и прежде всего французские, просвещенцы понимали особенное специфическое и политическое состояние человека. Их трактовка свободы при этом вполне вписывалась как в античную, так и в раннеклассическую традицию политической философии. Кроме привычных для этого века значений, просвещенцы утвердили в европейской традиции такое понимание свободы, которое предполагало гражданину делать

* См.: Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. — М.: Практика, 2003.

** Подробное см.: Williams R. Keywords. A Vocabulary of Culture and Society. — London: Fontana, 1976. — С. 179–180. Нередко в литературе разводят английские понятия *liberty* и *freedom*, как если бы они означали разные аспекты «свободы». Мне кажется, что Фр. Хайек еще в конце 1950-х годов убедительно показал, что оба понятия концептуально и семантически взаимозаменяемы, и строить какие-либо домыслы только лишь на одном факте того, что в английском языке «свободу» обозначают два неоднокоренных слова, не имеет никакого смысла. См.: Hayek F.A. The Constitution of Liberty. — Chicago: Chicago University Press, 1960. — Ch. 1.

все, что позволено законами*. Этот довольно банальный взгляд на свободу на самом деле отнюдь не свидетельствует ни о вторичности просвещенческих идей, ни о скрытом одобрении авторитаризма и поддержки абсолютизма (пусть даже и «просвещенного»), которые зачастую приписываются многим просвещенцам. Не следует забывать ни о сокрушительной критике со стороны просвещенцев архаизма современных им политических и государственных институтов, ни тем более об установленной ими впервые в истории мысли связи между политико-гражданской свободой и свободой экономической**.

Как справедливо замечает итальянский исследователь Фурио Диас, «разработка политико-институциональной программы, основанной на принципе свободы, была общей задачей всего Просвещения вплоть до Французской революции... ее реализации препятствовали многие факторы, и в первую очередь те государственные институты, которые присвоили себе роль хранителей гражданских свобод, не будучи на деле таковыми»***. Только взглядом историка можно увидеть, что политическая практика эпохи Просвещения, даже несмотря на известное принятие принципов верховенства права и политики разделения властей, по сути, была весьма далекой от благоприятствования развитию гражданских и политических свобод.

В этом смысле тематика «свободы» в то время продвигалась скорее как *интеллектуальный мотив* — «посредством критики негативных сторон жизни и выработки концептуальных и практических аргументов в пользу реформ»****. «Свобода» была ско-

рее *девизом*, чем данностью, *рефлексивным инструментом*, нежели подлинным социально-политическим опытом. Впрочем, без этой рефлексии невозможными были бы и вполне конструктивистские доктрины того времени, такие как «представительство», свобода печати, конституционные реформы, участие народа в самоуправлении и т.д.*****.

Но вот что примечательно: как только просвещенцы пытаются примерить этот интеллектуальный пафос к реалиям европейской истории, то тотчас же внутри их рассуждения обнаруживается невероятное притяжение свободы к понятию равенства (исторически более адекватной предтече современного понятия справедливости).

В английском языке понятие «равенство» (*equality*, от латинского *aequalis*, ср. франц. *égalité*) широко использовалось уже в XV веке, в географическо-физическом смысле, социальные коннотации пришли столетием позже. В литературных текстах оно использовалось и для сравнения статусов, и для более общего описания нормальных условий жизни людей. С XVII по конец XVIII века оно практически полностью выпадает из повседневного употребления вплоть до того времени, когда американская и французская революции не возвратили его окончательно в современный обиход.

Утверждение о том, что «все люди рождены равными», было важным не только политико-философски, то есть как базовый революционный лозунг, но и социально-деятельностно, поскольку способствовало формированию такого взгляда на социальное пространство, в котором нет места для необоснованно привилегированных стату-

сов и вообще какого-либо ранжирования людей*. «Стартовое равенство», правда, не гарантирует равенства условий и достижений людей, но справедливая социальная политика служит в принципе именно этим целям — нивелированию «неравенства».

Французские просвещенцы продвинули философию равенства в XVIII веке дальше всех, приложив ее принципы как к сфере конституционного права, так и к нормам социальной политики. В этом смысле, несмотря на чрезвычайно длительную историю идеи равенства, ее современное звучание было сформировано именно в эпоху Просвещения. Причем новизна заключалась, прежде всего, не в синтезе «старых» компонентов, сколько во *включении эгалитарных идей в ткань гуманитарной и политической этики*, обращенной к социальной практике.

Христианский эгалитаризм, античный миф о «золотом веке», европейская утопическая традиция и, наконец, исторические прецеденты относительно эгалитарных обществ, — все это впитало в себя Просвещение, совершив поистине «антропологический поворот»** в социальные теории нового времени. Состояние равенства возможностей и свободы, притом что оно почти всегда приходит в противоречие с реальным гражданским неравенством, порождаемым государством и общественными привилегиями, формирует, тем не менее, важнейшую максиму справедливости.

Монтескье привязывал равенство к демократии, полагая, что общество неизбежно отнимает у людей их естественное равенство и лишь законы вновь возвращают его. Вольгер, безусловно, разделяя идею о естественном праве и свободах людей, при этом понимал, что равенство в одно и то

же время — «самая естественная и самая избыточная вещь на свете». Руссо еще больше радикализировал этот взгляд. В «Общественном договоре» он не раз утверждал, что именно свобода и равенство — цель любой законодательной деятельности, ибо

Настоящая свобода состоит в том, чтобы подчиняться законам, которые исправляют и богатых, и бедных, и великих, и малых, и государей, и подданных.

П.А Гольбах

для любого человека личная зависимость нетерпима, а без равенства невозможна свобода***. Мабли, с его патриархальными устремлениями, вообще проповедовал установку законодателя на достижение равенства имущества и положения граждан. И наконец, Гольбах еще последовательнее всех привязал свободу к справедливости. В «Системе общества» он пишет: «Общество свободно, если все его члены без различия подчиняются неизменным нормам справедливости... свобода, вопреки мнению некоторых, заключается не в пресловутом равенстве граждан — химере, на которую молятся в демократических государствах... настоящая свобода состоит в том, чтобы подчиняться законам, которые исправляют и богатых, и бедных, и великих, и малых, и государей, и подданных»****.

Наследие Просвещения

Свобода — это интеллектуальный мотив, который базируется на нормах справедливости (равенстве). Таково, по сути, сведенное к абсолютной простоте философское завещание Просвещения.

* С важнейшим для этого рассуждения примечанием, восходящим и к пуританской традиции, и к Локку, и даже к Толанду, о том, что сами законы должны быть «наилучшими», а все ветви власти максимально разделены между собой.

** Вспомним, что именно в XVIII веке физиократы и меркантилисты предложили миру принципиально новый взгляд на природу экономической деятельности и сформулировали базовый слоган либерализма в экономике — принцип *laissez-faire*. А Вольтер объявил формулу *liberty and property* «гласом природы» и выступал против каких-либо ограничений внутренней и внешней торговли. См. об этом подробнее: Мир Просвещения / Под ред. В. Ферроне, Д. Рош — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — С. 65-66.

*** Мир Просвещения. С. 67.

**** Там же. С. 69.

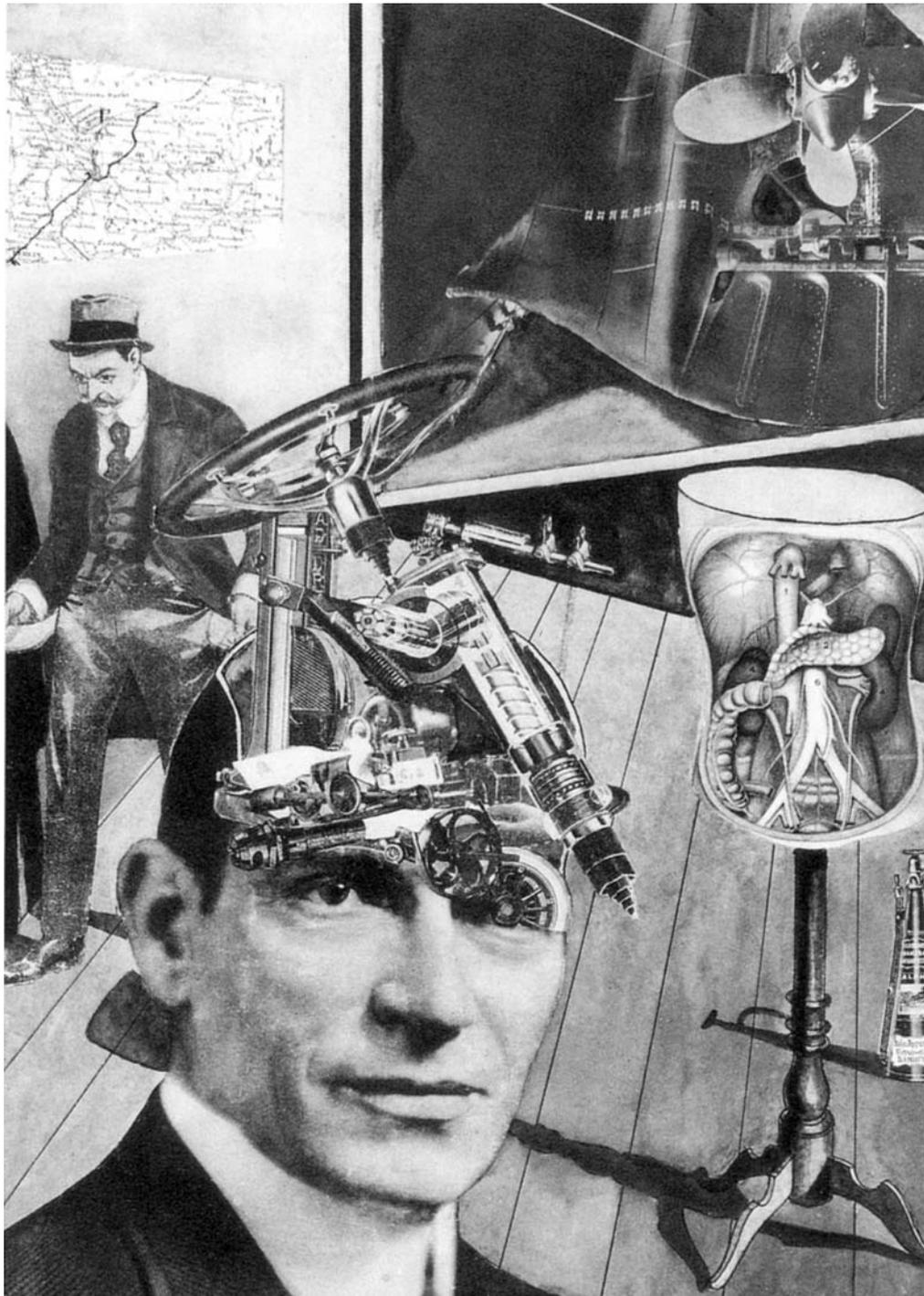
***** Об этом много и вполне открыто пишет Екатерина II энциклопедист Дидро в своих «Философских, исторических и других записках».

* См.: Williams R. Keywords. — С. 118-119.

** Выражение Рольфа Рейхардта. См.: Мир Просвещения. С. 101.

*** «Говорят, что равенство — химера, которая не может существовать на практике. Но если порок неизбежен, значит ли это, что с ним не следует бороться?» (Ж.-Ж. Руссо).

**** Подробнее о взглядах просвещенцев см.: Мир Просвещения. С. 101-104.

Рауль Хаусманн. Татлин дома. 1920

И то и другое — самоценно и выступает предметом самого пристального внимания законодателей. «Несвободное» значит, по сути, «не общество». Но жизнь в социуме без справедливости, безусловно, делает его «несвободным», то есть вновь — «не обществом». В каком же это смысле «не обществом», если в нашей памяти так много исторических примеров несправедливости и несвободы даже в новые времена, не говоря уж о более длительной ретроспективе человечества?

Общество может быть *только* современным (иные прецеденты социумов, и прежде всего архаической, классической и средневековой эпох, не предполагают автоматически, что и они также могут быть именованы «обществами»; их корректнее именовать именно «социумами»^{*}). Иными словами, быть не современным также означает быть «не обществом».

Возможно, именно в это триаде *свобода — справедливость — современность* и сокрыто важнейшее наследие Просвещения.

Но быть «современным» обществом не означает простого исторического присутствия в новых временах, важно быть внутренне — социально, политически и институционально — *обустроенным по-современному*. Впервые в истории западной мысли — в поколенческом смысле — это стало очевидным лишь для просвещенцев первой и второй волны. И это общее понимание стало своего рода культурно-историческим водоразделом для наступления «новых времен» в Европе, для совершенно иного взгляда на настоящее время, в котором живет человек и общество, как логически завершил этот долгий дискурс представитель третьей волны просвещенцев Иммануил Кант. Общества, в котором верховенствует право, а пространство практического подчинено разуму, а не авторитарной воле.

И как бы далеко ни ушла от своих просвещенческих первоисточников современная социально-философская мысль, вся она построена на этом *внутреннем видении* общества, его субъективном и коллективном переживании, в первую очередь, сквозь призму

свободы-и-справедливости, слитых как будто бы воедино.

Это внутреннее видение, точнее, *социальное воображение общества*, предполагает универсальную интерпретацию «современности» как такой модели общества, в которой торжествует общее правило «современной» социальности: *грубое равенство при тонком различии между людьми*.

Именно в этой формуле современное общество *воображается* нами и как справедливое, и как свободное. «Грубым равенством» озабочен законодатель и политик, хотя свобода социальных действий каждого (при равенстве возможностей!) в рамках верховенства права неизбежно приводит нас в пространство «тонких различий» между людьми. Все люди носят ручные часы, но диапазон различий между моделями — бесконечен.

Дистанция социальных различий может быть, действительно, громадной, но если мы принимаем ее как «тонкую» и не нарушающую «грубого» равенство, то мы принимаем ее как допустимую, хоть и нередко подвергаем социальной критике, желая все же хоть как-то сблизить социальные «позиции» людей. Но как только «грубое равенство» нарушается, вся система перестает мыслиться как легитимная и эта новая ситуация грозит кризисами, революциями, социальными катаклизмами.

Разумеется, наши коллективные представления о «грубом равенстве» исторически изменчивы, но действие общего принципа «современности» при этом остается неизменным.

Справедливость, может показаться на первый взгляд, не сводится только к социальному равенству. На самом деле, даже моральная справедливость в сути своей означает нравственный эгалитаризм, не говоря уж о правовой справедливости и равном политическом участии людей в жизни общества. В своем фундаментальном труде «Теория справедливости» Дж. Роулс не случайно говорит о справедливости как о честности (*justice as fairness*), то есть как об основополагающем принципе морального равенства, разделяемом людьми и раство-

^{*} Или *Gemeinschaft*'ами («общинами»), вслед за Ф. Теннисом.

ренном в деятельности буквально всех общественных институтов — и социальных, и экономических, и политических*. А Фридрих Хайек, по сути, выводит свободу из «солидаристического принуждения», распространяемого как на социальное поведение отдельного человека, так и государства в целом**.

Свобода-и-справедливость, иными словами, в современном обществе выступают *слитой познавательной перспективой* — способом коллективной (в меньшей степени индивидуальной) рефлексии сферы практического. Под ее влиянием выстраиваются все общественные и государственные институты, ценности и нормы социального взаимодействия. Наконец, свобода-и-справедливость как *социальные метафоры* конституируют себя в сознании людей в качестве фундаментального инструмента внутренней оценки всего социального мироздания и мыслятся важнейшим *тестом* «на современность» в любом претендующем на это качество сообществе.

Искушения постпросвещения

Именно метафоричность свободы-и-справедливости в наш информационный век подвергается прежде всего радикальному сомнению. Постсовременные условия жизни, предельно точно определенные Зигмундом Бауманом как мораль вне ее этического детерминирования***, выводят и свободу и справедливость из поля гуманитарной и политической этики, автономизируя их и превращая в самостоятельные акторы сегодняшней жизни. В условиях глоболизирующейся цивилизации, по всей видимости, уже не обнаруживаются внешние скрепы для связи свободы и справедливости. Между ними как будто бы предлагается совершить выбор, но основания для этого выбора не

определены ни культурно, ни социально, ни идеологически, ни как-либо еще.

Мы все отчетливее переживаем автономность свободы-и-справедливости от их этической детерминации, а как итог — их автономность друг от друга, как если бы выбор между ними действительно был возможен на чисто рациональных основаниях. Быть современным в новом тысячелетии уже не означает зависимости свободы ни от ее институционального измерения и принципов верховенства права, ни от устремленности общества к состоянию «грубого равенства». Отсюда, собственно, и рождается более универсальное измерение свободы-и-справедливости в категориях общественного риска. Как пишет Э. Гидденс, наше сегодняшнее состояние «культуры риска» подвергает испытанию на фундаментальность риска буквально все стороны нашей жизни, причем настолько, что сама жизнь становится «апокалиптической, и не столько потому, что мы движемся в сторону неизбежных катаклизмов, сколько потому, что мы сталкиваемся с рисками, неведомыми всем предшествующим историческим поколениям людей»****.

Нравственная неопределенность (а также и нравственная необязательность) свободы и справедливости делает нашу сегодняшнюю жизнь все более удаленной от ее просвещенческих корней — от обязательности демократии, гуманизма, толерантности и т.д. И в конечном итоге превращает и свободу, и справедливость в объекты, оторванные от всех буквально метанарративов современности, как если бы действительно они могли стать предметом индивидуальной рефлексии и выбора: выбирай на свой вкус и по своему усмотрению! Но подобная нравственная «эмансипация» человека вряд ли возможна, по крайней мере пока мы живем в традициях современной культуры, сформулированных великими просветителями.

Юрий Страхов: «Высокопарных слов не надо опасаться»

О

Юрии Страхове я услышала лет десять назад в связи с первыми выборами мэра Соснового Бора, города атомщиков в Ленинградской области. Интеллигентный инженер-энергетик, один из руководителей Ленинградской атомной станции, рассуждал о влиянии личности градоначальника на культуру быта муниципального образования и сожалел, что Юрий Страхов не избирался в мэры. Мой собеседник говорил, что этот молодой, энергичный и просвещенный политик пришелся бы кстати современному городу с высоким научно-техническим потенциалом.

Познакомилась я с Юрием Страховым много позже, когда, будучи выпускником Московской школы политических исследований, он открыл ее для меня и других сосновоборцев, инициируя и организовав первый семинар Школы в Зеленогорске. К тому времени я уже знала, что успешный выпускник престижного технического вуза — Ленинградского военмеха — после лидерства в комсомоле и студенческих стройотрядах, едва приступив к работе в одном из научных институтов Соснового Бора, был приглашен в структуру управления городом и стал заместителем председателя исполкома. В 1989 году Юрия Страхова избрали депутатом городского совета. После 1993 года он был вице-мэром. В 1997 году стал представителем сосновоборцев в Законодательном собрании Ленинградской области и заместителем его председателя. Затем ушел в генеральные директоры ОАО «Леноблгаз». Вся эта информация дошла до меня во время следующей избирательной кампании в региональный парламент.

Сейчас подходит к концу второй срок работы Юрия Страхова в заксобрании Ленобласти. Демократичный сорокалетний политик и бизнес-менеджер солидной компании по-прежнему популярен в Сосновом Бору и уважаем в Ленинградской области. Ему доверяют избиратели и руководители властных структур, симпатизируют коллеги-депутаты и журналисты. У меня публичная деятельность Юрия Страхова вызывает противоречивые чувства и неизменное желание понять его мотивы и поступки, потому что он незаурядный человек и политик, каких я в России хотела бы видеть больше. Я решила поэтому просить его самого все это объяснить.

* Rawls J. *A Theory of Justice*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

** См.: Hayek F.A. *The Constitution of Liberty*. — P. 20–21.

*** См.: Bauman Z. *Postmodern Ethics*. — Oxford: Blackwell, 1993. — Ch. 1.

**** Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. — Cambridge: Polity, 1991. — P. 4.

— Юрий Михайлович, от разных людей мне приходится слышать, что политика их не интересует и не привлекает. Мне кажется, многие не понимают, что такое политика. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу.

— Исходя из собственного опыта, я понимаю, если пытаешься отладить, как то организовать не только свою жизнь, но жизнь и тех, кто живет рядом с тобой, ты уже не можешь быть вне политики. Есть политика разных партий. Есть политика власти. Возможность влиять на нее — тоже политика. Законодательно урегулировать отношения субъектов экономической или социальной деятельности — политическая деятельность.

Раньше нас учили другим подходам к определению политики. Была одна коммунистическая партия, которая осуществляла всю политику в стране. С этим во многом связано наше традиционное понимание, что есть умные и не очень дяди и тети, которые где-то внутри себя вырабатывают какую-то линию нашего поведения. И все это высоко, и все это не совсем наше.

На самом деле политикой является то же гражданское возмущение повышением тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Причем самой что ни на есть действенной политикой, потому что именно она определяет суть существования гражданского общества. То есть когда человек начинает воспринимать политику не как нечто, впрямую его не касающееся, о чем говорят по телевизору, а как собственную гражданскую позицию по отношению к конкретным решениям, конкретным шагам, конкретным делам. Сегодня становится понятно, что замкнуться в своей квартире не получается — все равно на тебя влияют извне, все равно это влияние политических решений. Поэтому говорить, что мы, мол, вне политики, означает, что мы вне жизни.

— Какие особенности, на ваш взгляд, имеет местное самоуправление как вид политической деятельности?

— Предназначение местного самоуправления, самая главная его задача, как мне кажется, в том, чтобы обеспечить воспитание в людях гражданской позиции, ее основ. Может быть, высокопарно звучит, но я попробую объяснить, почему это так.

Поскольку местное самоуправление занимается непосредственно теми видами деятельности, которые впрямую влияют на благополучие или на комфортное проживание людей, то, если местному самоуправлению удастся организовать жизнь внутри местного сообщества таким образом, что людей все устраивает, значит местное самоуправление, по идее, добилося своей цели. То есть люди, которых мы избрали во власть, выполнили ту задачу, ради которой их выбрали. Это идеализированная ситуация — ее, в принципе, не бывает никогда.

У каждого человека есть свое представление о том, что такое комфортное проживание: у тех, кого избрали во власть, — свое, у тех, кто потребляет услуги власти, — свое. Это нормальная ситуация конфликта интересов, конфликта пониманий. Поиск компромисса, который позволяет сблизить разные позиции, участие людей в общественных организациях, в тех же профсоюзах, в тех же товариществах собственников жилья, попытка людей разобраться в том, что происходит в их жизни, и совместно как-то ее наладить и есть местное самоуправление. В этой политике, а не в каких-то высоких материях — на малых примерах вырабатывается позиция человека и рождается его чувство гражданственности.

— Говорят у россиян нет традиций местного самоуправления и, что еще хуже, нет способностей к нему. Что вы думаете об этом?

— Я, пожалуй, не соглашусь с этим. Большая часть проблем нашего общества сегодня связана с тем, что в советскую эпоху у наших граждан успешно убивали чувство собственника. Я имею в виду не материальное накопительство, а стремление людей нечто создавать, развивать, приумножать. Это была, к сожалению, крайне жесткая государственная политика, и из людей сделали иждивенцев. Выросли поколения, которые ждут, что кто-то где-то там, «наверху», за нас обо всем подумает и позаботится. А мы спокойно отсидимся, отлежимся, посмотрим телевизор, поругаемся на кухнях.

Я считаю, что у русского человека стремление наладить свой быт и коммуникативные способности не меньше, чем у любого другого. Их реализация это вопрос эволюционный, вопрос развития общества и воспитания человека. Обратите внимание, как быстро наши люди адаптируются в любом другом обществе. Предприниматель в России, может быть, самый креативный предприниматель в мире, если говорить сегодняшним языком. Мое глубокое убеждение, что слово «креативность» было придумано людьми, потому что они не понимали, что значит инициатива. У нас предприниматель не может не быть инициативным изначально. Нам все время приходится изобретать какие-то шаги, чтобы сделать и, скажем, продать свою услугу, свой товар...

— Свою идею!

— Да, и еще умудриться при безденежье каким-то образом ее внедрить. В этом мы можем дать фору большинству стран и народов. Другое дело, что у нас есть некое традиционное небрежение к законам. У него свои исторические объяснения. На несколько забавные размышления об этом меня натолкнул один из визитов в Англию. Во время экскурсии по Тауэру нам рассказывали, как герцог такой-то участвовал в восстании таком-то, ему отрубили голову и — на Тауэрский мост. Другой государственный преступник — история та же: неминуемая расплата, наказание, от которого практически не уйти. Наши территориальные особенности создавали другие условия — нарушители закона бежали в леса, и мало кого находили.

— Со временем те же люди, например казаки, становились силой, охраняющей государственный порядок. Есть тому примеры и в наше время...

— Вот-вот. Исторические корни не могли не сказаться на традициях, которые у нас существуют. Но я считаю, что за последние пятнадцать лет нашей жизни мы прошли путь, который соизмерим с пятьюдесятью-шестьюдесятью годами развития тех же США в эпоху создания этой страны. Постепенно, эволюционно сознание наших людей меняется.

— В какой момент своей жизни вы занялись политикой?

Выросли поколения, которые ждут, что кто-то «наверху» за нас обо всем подумает и позаботится

— Я никогда, начиная со школы, не был равнодушным человеком. Тот же комсомол, те же студенческие стройотряды тоже были политикой. Мне повезло, что в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда в России происходили бурные политические изменения, в том числе на местном уровне, я оказался в таком городе, как Сосновый Бор. Средний уровень образованности населения в городах при атомных станциях был несколько выше, чем в других населенных пунктах, и, может быть, благодаря этому здесь более активно проявилась гражданская позиция людей, волна перестройки

вынесла на поверхность общественной жизни многие яркие личности. На мой взгляд, это был естественный всплеск инициативы в условиях, когда она была разрешена. Меня огорчает, что впоследствии, за небольшим исключением, лица в политике, будь то на местном, региональном или федеральном уровне, не менялись.

— Как вы думаете, почему?

— Мне кажется, сегодня во многом любой уровень власти работает на то, чтобы не создавать себе конкуренции. Ликвидация конкуренции — естественное стремление власти. Но при отсутствии гражданских институтов, которые могут создавать и пестовать яркие личности, это приводит к кадровому кризису в политике. Здорово, что экономику России сегодня определяют не только те, кому уже за шестьдесят, что на экономическую стратегию страны влияет понимание более молодых людей. А вот школу роста молодых политиков мы потеряли. Нам не из кого фактически выбирать, потому что существующие партии — устаревший политический аппарат, а другого, современного, еще не создано.

В эпоху Интернета партии фактически утратили свою функцию. Основа, суть их существования была в одном — в донесении до людей идеологии в условиях, когда распространение информации было ограничено. Сегодня информации больше, чем нужно. Поэтому механизм партий не только у нас, повсюду работает уже наполовину в угоду традициям политической жизни. Мы во многом формально соблюдаем членство в партии, формально проводим через них необходимые решения. Идеологическая подоплека вступления в ту же коммунистическую партию была когда-то гораздо выше, нежели реальные причины вступления в партию сегодня. Общество не нашло пока адекватного ответа на вызов глобализации — информационный бум, который она на нас обрушила.

— Как вы относитесь к предостережению китайского мудреца: не дай вам Бог жить в эпоху перемен?

— По-моему, основная мысль, заложенная в нем, заключается в том, что в эпоху перемен случается гораздо больше человеческих трагедий, чем в какой-то предсказуемый период. Как обыватели — в нормальном понимании этого слова, без негативной окраски — мы всегда приноравливаемся к внешним условиям. В эпоху перемен, когда они не выстроены, когда мы не понимаем, к чему

нам надо приспособливаться, происходит море действий, которые ломают человеческие судьбы.

— А с точки зрения проявления креативности людей в это время?

— Это самый интересный период для тех, кто может бороться с волной, самое благоприятное время для людей, которые стремятся к развитию, самое большое благо для них. Я считаю, что нам достались такие годы.

— В Законодательном собрании вы инициировали и организовывали разработку закона о стратегическом планировании в Ленинградской области. Вас можно поздравить — 15 марта он принят. Каковы ваши собственные долгосрочные цели как регионального политика?

— Есть такое страшное для меня слово, как «временщик». По-моему, одна из причин наших многочисленных политических и экономических неудач в том, что у нас сейчас много временщиков, то есть людей, которые решают задачи, не заботясь о перспективе, которые думают о завтрашнем дне и не заглядывают хотя бы на пятнадцать-двадцать лет вперед. У себя в регионе и в целом по стране мы нередко видим решения, необъяснимые с точки зрения долгосрочности. Мы понимаем, что эти решения обеспечивают чьи-то сиюминутные интересы. Для общества, я считаю, это грустно.

Проект закона о стратегическом планировании в Ленинградской области посвящен тому, чтобы мы жили, попытались жить по понятным критериям. Сегодня не очень понятно, почему бюджет области в какой-то год называется социальным. Ну, дали, условно говоря, на два миллиона рублей больше на социальные статьи — бюджет от этого социальным не становится. Наши бюджеты — нет разницы: региональные или федеральный — арифметические законы. В них нет никакой идеологии.

Изначально должен быть закон о стратегических задачах и под него должны приниматься законы о бюджете как рабочие механизмы для достижения целей. Пока цели не определены, 1 января мы забываем обо всем, что было 31 декабря, забываем все, к чему вчера как будто стремились. Понимание целей позволит нам ставить задачи перед бизнесом, перед социальной сферой, перед политическими элитами, и мы сможем готовить в школах и вузах поколения, которые будут способны их реализовывать. Пока мы живем текущим годом, каждый выживает как может. Мы не готовим людей, которые видят на несколько шагов вперед и связывают себя с будущим страны.

Основная задача политиков, на мой взгляд, состоит в том, чтобы обрисовывать перспективы и ставить перед обществом ориентиры, которые приводят его развитие к осознанию, что главная ценность государства — это человек, а не государство само по себе.

Ольга Петрова

Геннадий Бурбулис,
член Совета Федерации РФ

Политософия как житнетворчество

Поиск нового и стремление воплотить его в какие-то результативные формы — это что: метафизический соблазн, дилетантская химера или настойчивая, целенаправленная реализация профессиональной потребности, связанная с глубоко переживаемой жизненной необходимостью?

В самом общем плане при обращении к феномену «новое», как правило, легко фиксируются новые факты, события, обстоятельства.

На уровне жизнедеятельности конкретной личности речь может идти о новых ощущениях, переживаниях, которые в какой-то момент кристаллизуются, структурируются в новые потребности и новые интересы. Они, в свою очередь, стимулируют накопление новых знаний, на основе которых делаются новые обобщения, выводы. Все это вместе взятое способствует формированию новых целей, новых жизненных планов, и в конечном счете возникают новые устремления, новые мечты. В качестве высшей результативной формы поиска нового выступают новые идеи, новые ценности, новые идеалы.

В условиях специализированной исследовательской и научной деятельности поиск нового приводит к выработке новых понятий, терминов, категорий, которые в перспективе могут лечь в основу новых концепций, новых доктрин, новых теорий.

В естественном стремлении к поиску нового и закреплению его в определенных языковых формах всегда существует колоссальная опасность подмены существа дела. В частности, нередко бывает так, что новыми понятиями выражается банальное старое содержание, тогда мы имеем дело с псевдоновациями, с терминологической суетой, с легковесностью и пустословием.

В то же время известно немало таких интеллектуальных и исторических ситуаций, когда изменившееся содержание жизнедеятельности достаточно полно объяснялось существующими традиционными понятиями, обеспечивавшими адекватное понимание.

Сознавая все эти соблазны и трудности, я намерен, тем не менее, предложить уважаемым коллегам нечто новое. Разумеется, «новое» и «важное» — прежде всего *для меня лично*.

I. Термин «политософия» в рамках тех интеллектуальных традиций и духовно-исследовательских практик, которые мне известны, до сих пор концептуально не использовался.

Его практическая необходимость, прежде всего в моей жизнедеятельности, связана с целым рядом фундаментальных предпосылок, среди которых для первичной постановки вопроса укажем наиболее очевидные. Выделю только три основных принципиальных фактора, побудивших меня предложить исходные параметры концепции политософии.

Прежде всего это *масштаб, глубина, многомерность, взаимозависимость и многоликость социально-исторической практики на рубеже XX–XXI веков, которая получила такое определение, как «глобализация»*.

Не останавливаясь на общеизвестных и ставших уже тривиальными признаках и характеристиках глобализации, отмечу только те из них, которые непосредственно связаны с сутью предлагаемого подхода.

Ситуация, сложившаяся сегодня в рамках мирового сообщества, чрезвычайно драматична. Одна из ее особенностей выражается в фундаментальной и, на первый взгляд, весьма парадоксальной закономерности жизни каждого человека. Речь идет о том, что люди, включенные в систему общественных отношений, в процессе социализации приоритетно реализуют себя в профессиональном плане. И всякий раз, делая жизненный выбор и занимаясь той или иной профессиональной деятельностью, они в большинстве своем, как правило, пренебрегают такой базовой предпосылкой своей жизни, которая содержится в сфере политики, в мире политического. Но *политическая реальность сегодня в значительно более глубокой и острой форме, чем когда бы то ни было, влияет на все стороны жизнедеятельности конкретного человека, никогда политикой специально не занимающегося*. Это характерно как для тенденции мирового масштаба, так и для сложнейшей ситуации внутри нашей страны.

Да, мир глобализируется. Но не вопреки человеческому в человеке, а в связи с этим человеческим, и никакие превращения-поглощения — финансовые, информационные, знаковые, технологические, производственные — не могут устранить этого в реальности сегодняшней жизни. Мы оказываемся и свидетелями, и участниками глобальных модернизаций, их всестороннего воздействия на

жизнедеятельность личности. Очевидна противоречивость и взаимозависимость процессов глобализации от того, *какие* государственно-политические решения, *какими* субъектами, в *какой* последовательности и на основе *каких* ценностей и *какой* методологии принимаются и реализуются.

Понимание истории как человеческого выбора конкретизирует проблему — однополярный или многополярный мир. Многообразие исторически сложившихся государственных форм не может быть редуцировано и унифицировано, поэтому важно признавать реальную специфику проявления общечеловеческих ценностей в зависимости от культурных особенностей, национальных традиций и т.д. Такое понимание современности подразумевает содержательный акцент на бытии личности — она признается ключевым антропологическим субъектом глобализации в силу своей творческой безграничности.

Важнейшее качество глобализации — радикальное изменение роли политической реальности. Политика проникает во все сферы человеческой деятельности, и с ней нужно обращаться так, *как с радиоактивным веществом*: понимать его природу и адекватно реагировать на это. «Если вы не занимаетесь политикой, то она обязательно займется вами» — широко известная крылатая формула, но лишь частично отражающая суть дела. Политика всегда занимается нами, независимо от того, осознаем мы это или нет. Вопрос только в том, *какая это политика*. Новая политика эпохи глобализации — это гуманитарно-правовой диалог, а поскольку субъектов глобализации множество, диалог неизбежно становится «полилогом». Прежние альтернативы в такой диалог не вписываются: европоцентризм становится малопродуктивным, а американоцентризм просто опасным. Сочетание гуманистических традиций общечеловеческой культуры и нравственно-духовных основ жизни человека помогает нам распознать антропологическое основание глобализации.

II. Политическую реальность целенаправленно изучают философия, политические науки, политология как одна из их ипостасей, социология, психология, культурология и вся современная система гуманитарных знаний. Актив-

но занимаются, интересуются и, более того, укоренены в политической реальности общественной мировоззренческой публицистика и журналистика. Особое место в оценке и акцентировке сути политической реальности занимает искусство — такие его динамичные виды, как театр, кино, литература, поэзия.

В этой ситуации возникает вопрос: способен ли современная система всей гуманитарной культуры умению человека осмысленно ориентироваться в политической составляющей глобального миропорядка, в какой мере она позволяет адекватно понимать происходящее и вырабатывать эффективные решения для полноценной жизнедеятельности? Можно признаться, что большинство из нас испытывает, с одной стороны, увлеченность «цеховым» образом жизни, когда бесконечное количество книг, публикаций, конференций, симпозиумов и «творческих дискуссий» остается в хорошем смысле приятным и полезным видом деятельности для узкого круга лиц, а с другой — постоянную устремленность понять феномен политики, специфику политической реальности как всепроникающей, универсально значимой в жизни человека.

Надо отметить, что научный специализированный — политологический, социологический, экономический и т.п. — анализ современной ситуации не позволяет уловить вибрирующую реальность идей, смыслов, поступков и событий, которые в совокупности образуют современный жизненный мир.

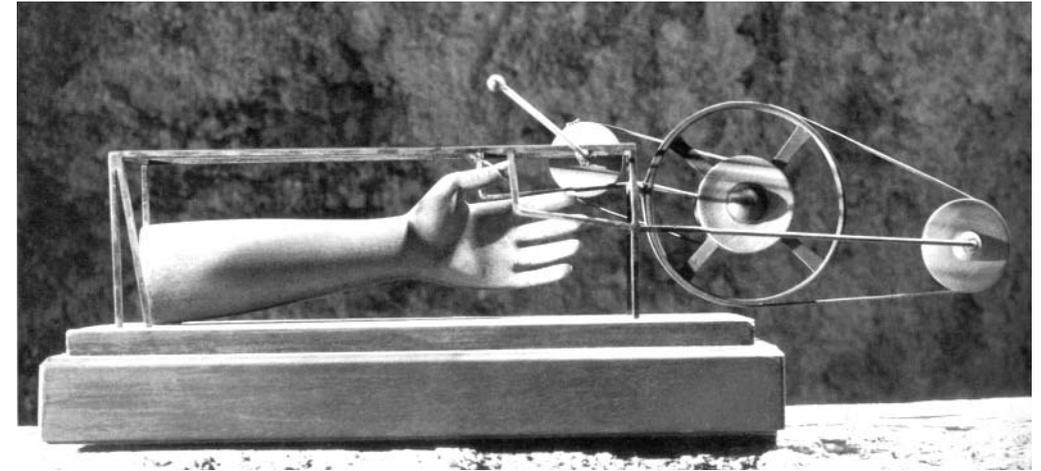
В жизни каждого человека система отношений, которая традиционно определяется как политика, а в рамках современных представлений как сфера политического, обретает все более причудливую динамику и парадоксальность функционирования. Современное состояние этой сферы существенно усложнило условия, в которых действует каждая конкретная личность. В результате ощущения трудности или отсутствия выбора, невозможности понимания происходящего, бесполезности конкретных устремлений пронизывают сегодня самочувствие многих и многих людей, причем это происходит во всех странах мира. Никогда еще духовное состояние человечества не было столь сложным, и здесь бессильны в отдель-

ности науки или искусства, мораль или религия, потому что социологи апеллируют к одному ряду явлений, философы — к другому, психологи — к третьему, политологи — к четвертому. В сфере художественно-эстетического постижения действительности — такая же неизбежная разномерность.

Размышляя о том, как в этой ситуации жить, творить и действовать, понимаешь, что сегодня возникла потребность в таких комплексных духовно-мыслительных проектах, которые не только сочетали бы в себе заинтересованное и ответственное отношение к реальной и практической жизни личности, общества и государства, но и позволили бы переплавить это отношение в убедительные жизнотворческие позиции.

В условиях, когда социальные процессы приобретают глубинную неопределенность, а традиционное линейно-прогрессистское представление об общественном развитии «не работает», когда повышается динамичность социальных процессов, связанных с реформированием всей совокупности общественных отношений, с изменением сложившегося уклада жизни, чрезвычайным образом обостряется потребность в интегрально-концептуальном видении этих процессов.

III. В самом общем виде политософия трактуется нами буквально как политическая мудрость и определяемая ее содержанием мудрая практическая политика. Безусловно, обращение к новому термину может быть рискованным шагом, но вместе с тем, на мой взгляд, в данной ситуации исследовательски-оправданным, прежде всего в силу того содержания, которое оно выражает. Речь идет о том, что сегодня специфическим стало взаимоотношение политики и системы общественных и политических наук. Каждая из этих наук рассматривает политику и реальность мира политического под своим углом зрения. Существует осознанная неудовлетворенность философского сообщества относительно того, что философия в процессе своей исторической эволюции все более и более становится родом специализированной деятельности, утрачивающей свой исконный коренной признак, каким является *мудрость*.

Альберто Джакометти. Опасная рука. 1932

Объективно-печальная утрата современной философией своего корневого истока — *мудрости* — не должна быть фатальной. В этом плане, на мой взгляд, совершенно органично и естественно может осуществиться ее реабилитация. Мудрости как способности человека соотносить свои знания, свое понимание, оценку разнообразных событий и социальных явлений с общим смыслом бытия, с достоинством человеческой жизни, призванием и предназначением человека. Под этим углом зрения мудрость воспринимается как способность осознанно действовать в соответствии с высшими ценностями и целями человеческой жизни. Предельно, мудрость — это искусство жить: жить согласно обретенному смыслу. Знаменательно, что в древней философии мудрость рассматривалась как источник всех совершенств человека — его добродетелей и его способности к счастью.

Политическая мудрость в этой связи может рассматриваться как процесс и результат всестороннего синтеза знаниево-познавательного, нравственно-духовного, ценностно-мировоззренческого и прагматически-целесообразного отношения человека к действительности. Политическая мудрость и мудрая политика (политософия) — это особый способ целостного мировидения и миропонимания. В этом своем качестве интегрально-ценностно целостного миропонимания политософия утверждает в первую очередь человекоформирующую, человекообразующую, человекотворяющую *роль политики*.

Если условно разделить специфику политических наук, философии и политософии, то можно предложить такое основание. Система политических наук отвечает на вопрос, *что такое политика*, описывает ее элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Философское отношение к политике — будет ли это классическая философия или ее такие современные специализированные отрасли, как философия политики и политическая философия (различие между которыми приобретает все более существенный характер), — может быть понято как поиск ответа на вопрос, *как жить человеку* в условиях неизбежности политической реальности.

Политософия в своем коренном предназначении, осуществляя синтез всех основных духовно-практических видов деятельности человека, отвечает на вопрос, *как человеку жить достойно среди людей*. Суть ее такова: политософия является необходимым, незаменимым и крайне востребованным в современной действительности способом миропонимания и мироотношения, которым руководствуется конкретная личность, позиционирующая себя в статусе *политософа*. Политософ — это тот, кто изначально органично и субстанционально, и экзистенциально, и трансцендентно, и имманентно — переживает и ценностно-концептуально выражает свою жизнь как жизнь активного политического деятеля. Он сознает необходимость, прежде всего для себя, выработки такой концепции мира политики, такой си-

стемы ценностей, такого миропонимания, которые в совокупности в достаточной мере выражают сокровенный смысл его собственной жизни как *жизнетворчества*.

IV. В своем качестве инструмента интегрального осмысления отношения человека и мира через сферу политического политософия базируется на диалектике трех взаимосвязанных, взаимообусловленных и противоречиво сосуществующих феноменов, которые можно условно назвать «святой троицей» политософии: *человек, власть, свобода*.

Фиксация органичной взаимозависимости этих трех феноменов и, соответственно, категорий, выражающих их содержание, выглядит очевидной до банальности. Вместе с тем сегодня предпринимаются серьезные усилия по осмыслению природы человеческой свободы в ее философском, социологическом и психологическом измерении. Существуют прекрасные и вместе с тем специфические работы по анализу государственно-политической власти — ее метаморфоз, модификаций, загадочной и мистической природы. В рамках философского знания выработана фундаментальная концепция человека, содержание и выводы которой являются гордостью философов. Эта неизбежная специализация в системе общественного знания недопустима, на наш взгляд, с учетом коренного предназначения политософии — понимать, стремиться, обеспечивать и регулировать жизнедеятельность человека в единстве основных форм человеческого предназначения.

Человек, власть, свобода — это триада, которая позволяет представить феномен политического в его предельной форме. Одновременно появляется перспективная возможность в рамках этих трех базовых оснований политософии сохранять в практической деятельности сущностные характеристики мира политического как неотъемлемого, как фундаментального в жизни каждого конкретного человека.

V. Политософия есть специфическая деятельность в единстве ее практической и духовно-теоретической составляющих, которая связана, прежде всего, с жизнедеятельностью каждой конкретной личности, корпора-

тивного сообщества или социума в целом в системе тех координат, которые традиционно корреспондируются с такими представлениями, как государство, власть, базовые мировоззренческие ценности в их конечном жизненно-смысловом проявлении. При этом следует отметить колоссальную деформацию, которой сегодня подвержены все традиционные представления об институтах, обеспечивающих эффективное государственное управление и полноценное гражданское общество. Политософия характеризует деятельность конкретного социального субъекта — и прежде всего личности — сквозь призму его долговременных жизненных целей и коренных интересов и потребностей в той специфической ипостаси, которая системно обусловлена миром политического.

Но это прежде всего философия. Поэтому представления о философии как жизненно-смысловой реальности должно быть сохранено. Оно должно быть бережено с учетом классического определения философии как ядра культуры и как «инстанции», возвращающей личность к человеку и восстанавливающей в ней человеческое, а также других подходов к философствованию и философии, включая модернистские и постмодернистские формы. Это обязывает нас ориентироваться на мыслительный мodus и практические действия политософа — не обязательно по профессии, но обязательно по позиции — в реалиях современной жизни, где невозможны жесткие ограничения на нравственные предпочтения личности, на ее понимание добра, долга, блага и на философствование в отстраненном и умозрительном виде.

Вместе с тем — это политическая софия. Ее целью, средством, источником и способом существования является пристрастное отношение к политическому содержанию жизни общества, личности, государства, мирового сообщества. Это означает, что все возможные явления и сюжеты в этих сферах, все реалии жизни будут ею оцениваться, осмысливаться, прогнозироваться и анализироваться сквозь этот эфир, этот свет политического. Такая принудительная абсолютизация оправдана, на мой взгляд, с разных точек зрения — исследовательской, научной и практической

кой — с учетом того контекста жизнедеятельности, в котором мы сегодня находимся. Безусловно, при этом потребуются более строгое, аргументированное и тонкое рассмотрение предмета и координат политософии.

Реальный политический процесс и в целом политическая жизнь задают главное направление политософии — мудрого ответа требуют долговременные и глобальные последствия политических действий для людей и общества. С этой точки зрения принципиальным является утверждение о том, что задача и предмет политософского исследования (подхода, позиции) состоит прежде всего в определении «правильной политики» — политики, в которой главным является не экспертный плюрализм, а установление различия между благим и дурным, между жизненно, разумно оправданным и опасным, непредсказуемым. В этой связи уместна наглядная медицинская аналогия с различием между здоровьем и болезнью. В качестве перспективного образа политософию можно предложить рассматривать как востребованную и незаменимую форму социальной медицины или, что более точно, социокультурной педагогики.

Коренной вопрос политософии — это вопрос о том, какой смысл, какое сущностное содержание имеет в жизни каждого конкретного человека политическое как социальная реальность. В отличие от философии политики, политософия интересуется жизненно-смысловым содержанием политических, прежде всего с точки зрения его скрытых или опосредованных взаимосвязей и взаимообусловленностей с социальным, то есть с жизнью конкретного человека и общества в ту или иную историческую эпоху. В этом качестве политософия не обязательно должна быть представлена системой упорядоченных терминов и понятий, но она всегда укоренена в системе базовых интересов и потребностей деятельного субъекта и всегда оплодотворена подчас скрытыми формами целенаправленности и целеустремленности, которые содержатся в тканях и в порах политического.

Теперь понятно, что здесь мы имеем дело с духовно-практической реальностью. Отставание специфического видения мира с

точки зрения политософии предполагает постоянную взаимосвязь и взаимное перетекание концептов мыслительного продукта (в виде внятно сформулированных понятий, представлений и принципов) и ферментов мотивационной сферы, экзистенциально проявляемой в процессе жизнедеятельности социального субъекта, а также определение сферы внутреннего выбора, где менее проявлены в вербальной форме его предпочтения и позиционирование, не перестающие от этого быть для него жизненно значимыми.

Существеннейшим моментом для понимания смысла жизни является либо сознательно принимаемая, либо подсознательно ощущаемая зависимость жизнедеятельности каждого человека в ее социальной и профессиональной спецификации от того, как организована в данное историческое время в данном конкретном государстве сфера политических властных отношений. С учетом этого политософия ставит своей задачей, сохраняя и берегая незаменимую значимость для функционирования личности всех других систем социального, культивировать в ней осознанное восприятие и осмысленное понимание зависимости и взаимозависимости своей жизнедеятельности от мира политического.

Поэтому специфика деятельности политософа заключается в том, что он всю свою научную и жизненную основательность реализует принципиально и с позиции *активного гражданина*, то есть просвещенного политика. Он — изначально заинтересованная сторона и исходит из конкретных политических вопросов, которые ставятся реальной политической ситуацией и практикой. В этом качестве он всегда присягает нравственно служить сообществу и обществу.

С точки зрения универсального проявления этой позиции можно допустить, что каждый человек является политософом в такие моменты, когда он определяет свое отношение к тем фундаментальным социальным предпосылкам и условиям, в рамках которых его жизнедеятельность в принципе возможна — и по идеологическому воспроизводству, и по духовному становлению, и по социальному развитию.

Максим Сергеев,
депутат городской думы
г. Новоуральска
Свердловской области

Введение во власть (краткий курс)

Прежде всего очерчу границы темы, предлагаемой к обсуждению.

Итак, ВЛАСТЬ. Каким эхом сие понятие отзывается в нашем сознании? Если (для начала) взять максимально емко, то власть — это:

- влияние (?)
- управление (?)
- зависимость (?)
- подчинение (?)
- нечто другое (...).

На мой взгляд, и то, и другое, и прочее. Вообще власть можно рассматривать как *поле*, имеющее и вертикальную, и горизонтальную структуру. Все наше социальное пространство буквально пронизано всевозможными силовыми линиями — (взаимо)связями, (взаимо)обусловленностями, (взаимо)зависимостями, (взаимо)влияниями, (взаимо)подчинениями. Мы зависим от президента, от парламента, от правительства — очевидно. От начальника, чиновника — естественно. От своего учителя — человека, по словам Черчилля, имеющего власть над будущим. От лечащего врача, от старшего товарища, пользующегося у нас бесспорным авторитетом, от партнера(-рши). Даже от водителя такси, которому на какой-то период мы вверили на хранение свое тело.

Власть-эфир. Кто станет отрицать существование власти общественного мнения? Власти традиций, религии, когда субъект властвования размыт. Это некая сущность, возникающая поверх воли отдельных индивидов. Другой вопрос, кто стал инициатором/режиссером ее возникновения. Он (режиссер), как правило, тоже есть, но его детище уже перегрызло пуповину и продолжает жить вполне самостоятельно.

От действий одних зависит наше настроение. От усилий других — наша жизнь, здоровье, судьба. Одному надо из кожи вон вылезти, чтобы оказать на что-то (кого-то) хоть какое-нибудь влияние. А другому достаточно лишь вздохнуть поглубже — круги по воде такие пойдут, что на том конце сотня-другая просто захлебнется. То есть различия существуют и в *силе воздействия*, и в *радиусе охвата*. А еще — в смысле *временном*: власть постоянная или ситуационная.

Власть может быть **формальной**, а может быть **неписаной**. Кто в глазах окружающих более значим, влиятелен: чиновник, лидер общественного мнения, воровской авторитет? А как вам такие классификационные критерии: **власть-цель**, взятая тобой самостоятельно, именно как власть, и

власть-средство, данная тебе кем-то, появляющаяся в силу определенных полномочий.

Подходы, как мы видим, могут быть самыми разными. Однако природа этого феномена примерно одна. В двух словах: как только возникает *социальное расслоение*, сразу же появляется сила, которая имеет своим неизбежным следствием властвование одного над другим.

Однако сузу коридор анализа и буду говорить о власти в основном как о *властях*. Официальных и уполномоченных.

О внутреннем и внешнем

Наиважнейший вопрос: КТО будет властвовать? Варианты:

- кто-то из наших
- мы все с вами
- лучшие из нас
- кто-то извне (свыше спущенный, со стороны привнесенный)
- что-то другое.

Любая система имеет границы. Попытки осознать себя изнутри системы всегда конечны и ограничены. Принципиальный аспект — место элемента управления. Должен ли он принадлежать этой системе (быть ее частью или порождением) как знающий и понимающий ее изнутри? Или управляющий орган следует искать вовне, как имеющий дополнительные способы постижения системы и заведомо обладающий какими-то специфическими знаниями/возможностями? Вопрос почти гамлетовский: *извлекать или привлекать?*

Да и кто возьмет на себя смелость очертить систему, обозначить ее границы? Сама система — вряд ли. В силу своей объективной ограниченности. Разве что условно и приблизительно. И кроме того, всегда возможна ситуация, когда элемент управления, еще вчера имевший статус внешнего по отношению к системе, сегодня попадает внутрь ее. Так что же я имею в виду? Следующее.

Выбор способа рекрутирования правителя государства связан с выбором среды, поставляющей кандидата. Если это выходец из народа, тогда вариант однозначен. Другое дело, что возникает уточняющий подвопрос: выбирать из готового, уже имеющегося, или возвращать и особым образом приготавливать? Второй путь предполагает рождение своеобразной элиты, а элиты в некотором смысле уже внешни по отношению к народу. Но они тоже часть общества. Монарх же внешен в отношении первых двух. Однако и он — человек.

Так «где талию будем делать?» До каких пор расширять/сужать границы системы и что считать системой? К какому варианту происхождения властителя стремиться? Позволю себе (пока) «вывесить» эти вопросы, не отвечая на них.

В первую голову рассмотрим случай *управления внешнего по отношению к системе*. Что касается *Абсолюта*, то мы можем лишь пытаться постичь его свойства, вольно или невольно подменяя их собственными догмами. И мы никогда не сможем выйти за границы своего миропонимания, а значит — достичь сокровенного знания.

Однако определенная степень внешности просто необходима. Уже одно то, что от пришельца во власть зависит судьба государства и судьбы всех его обитателей, предъявляет определенные (исключительные!) требования к его качествам. Это значит, что властвующий должен быть выше тех, над кем он властвует, именно в силу своих изначальных свойств. Прежде чем получить возможность управлять и распоряжаться, он должен *иметь на это право*. Но каким должен быть *критерий при определении рекрута во власть?*

В любом случае, явление системе властоимца должно быть обусловлено его экстраординарностью по отношению к ней и способностью тем или иным образом вознестись поверх ее границ. Что ж, довольно логично. Особенно если учесть такое важное качество, как *ответственность*. Ведь обладатель сверхспособностей несет и сверхответственность. Вполне осознаваемую и принимаемую им.

Однако встает резонный вопрос: «А судьи кто?» Кто задаст критерий? Кто распознает исключительность талантов, предрасположенностей и предназначений? Сама система в своих границах этого сделать не сможет — нужен взгляд со стороны/сверху. К тому же нельзя исключать фактор заинтересованности попадания во власть (власть — цель).

Таким образом, нить рассуждений неизбежно приводит нас к тому, что действительно необходим некий внешний арбитр, кто смог бы оценить «подающего надежды». Либо задать алгоритм, абсолютно справедливый и целесообразный, следовать и подчиняться которому — союзно природе человека.

Теперь постараемся определиться со случаем, когда *элемент управления принадлежит системе*.

Этот случай связан с проблемой *выбора* лучшего из равных, являющегося продуктом системы (общества).

Логика избранника (как вариант) может быть такой. «Я принадлежу этому кругу, я внутренен. А раз так, то все мои поступки *естественны*. Природа наделила меня лишь ограниченным набором возможностей, поэтому я не смогу серьезно ей навредить. Естественность — залог обратимости и поправимости. Что касается моих усилий, то они — лишь внутренние толчки к движению системы. Главное — позволить себе их совершать». В этом месте начинается Достоевский: до какой степени правитель в состоянии дать себе волю и в каком направлении? Продолжение силлогизмов следующее. «Вообще, все войны, кризисы цивилизаций, крушения империй и все-все-все — укладываются в рамки естественного (даже предопределенного?) исторического развития человечества, которое при рассмотрении через призму глобальности не только объяснимо, но и оправданно. Не нужно истерик! Во всем можно усмотреть свой эволюционный вектор, свой замысел. Вплоть до такого: человечество взрослеет и мужает, оно нуждается в приобретении опыта и набивании шишек; поэтому любая глупость необходима, дабы в будущем удержаться от совершения еще больших ошибок с еще более жуткими последствиями. Даже страшные, на первый взгляд, вещи происходят по воле Всевышнего. Просто делаются нашими, человеческими, руками (вспомните Мартина Лютера!). Кстати, и факт моего вознесения свершился с Его благословения. И как только Он решит мою роль выполненной, приведет другого, очередного».

Таким образом, наш герой совершенно не нуждается в том, чтобы быть признанным (и в своих, и в глазах окружающих) Сверхчеловеком. «Если источник моих деяний и помыслов лежит за рамками системы, то ответственность — на Боге, если же их автор я сам, то — на всей Природе (системе, меня породившей и удерживающей в своем теле)».

Хотя не исключено, что «один из нас», попав на вершину, воскликнет: «Коль скоро я здесь очутился, то не иначе как через наделение меня сверхспособностями. Теперь я уже не слепое орудие, но полноправный и самостоятельный распорядитель судьбы». Такая метаморфоза должна устраивать и массы: ведь у власти предрасположенной обнаруживаются недюжинные таланты, а значит плебс приобретает внятное и убедительное объяснение, почему избранник имеет право повелевать. А необходимость подчиняться равному, как правило, вызывает раздражение.

Аспект **распределения ответственности** (перед Богом, людьми, собой) крайне важен. Любой, даже самый дикий правитель так или иначе вынужден оза-

дачиваться этим вопросом, связанным, кстати, с другим — вопросом **оправдания** собственных деяний.

Словом, этот путь своим безусловным достоинством имеет внутреннюю гармонию, не обезображенную вмешательством свыше/извне.

На чем же остановиться в результате всех этих рассуждений? Мучительно трудно ответить на вопросы: «Кем нам его, властителя, считать? Кем он сам должен себя полагать?» И, отвечая, приходится рассчитывать только на свои собственные силы. Ибо, как я уже говорил, в деле распознавания Высшего умысла наш инструментарий безнадежно ограничен человеческим разумом (которого, слава богу, достаточно хотя бы для того, чтобы это понимать).

Следуй за мной!

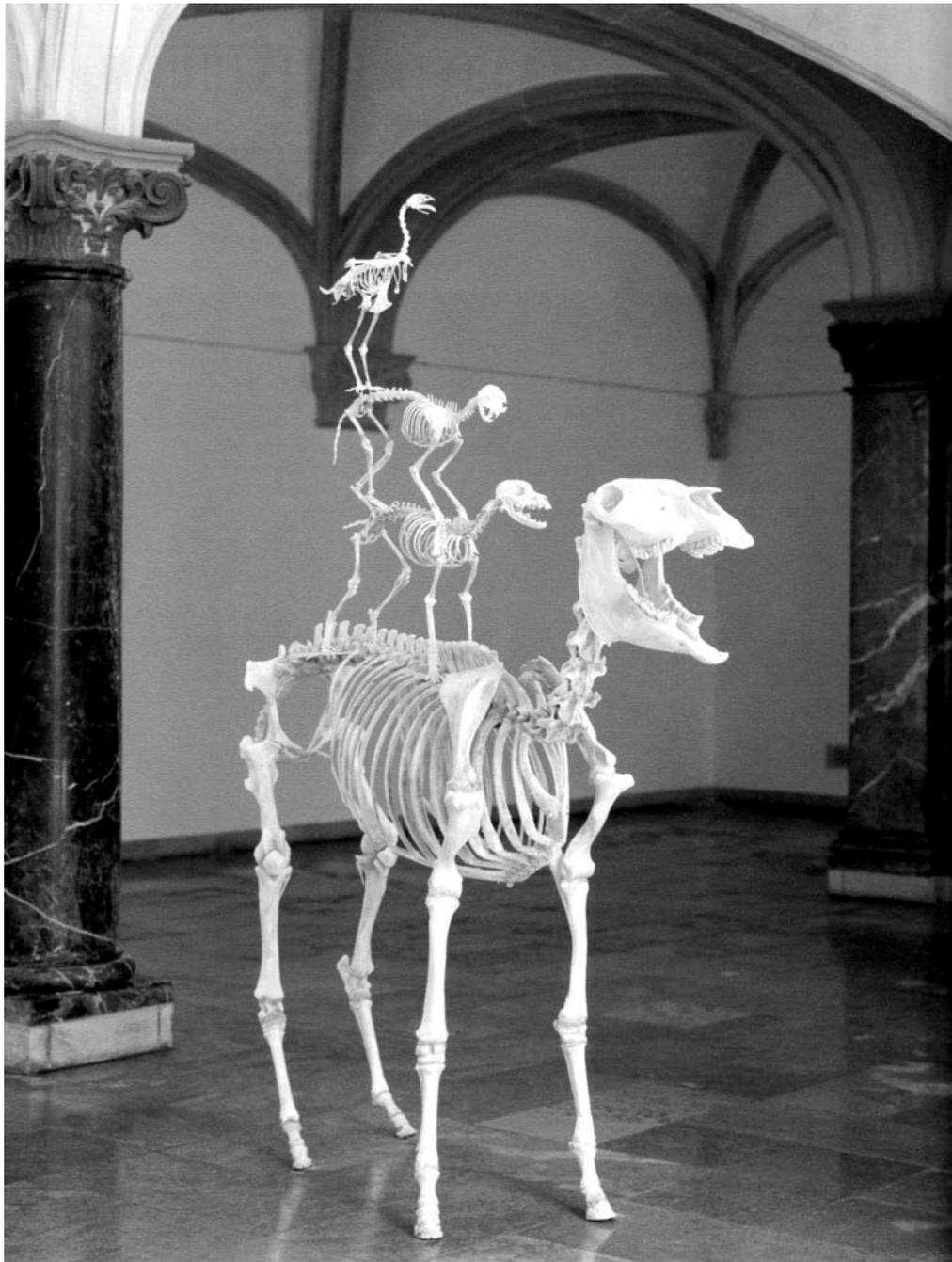
Теперь несколько слов о путях следования. Конечно, во власть приходит **человек**. Общественные схемы, которыми он при этом руководствуется, и приводимые им обоснования своей выделенности обусловлены развитостью общества. А его «житие во власти» — степенью совершенства его духа, которое, в свою очередь, также (хотя и отчасти) зависит от общества.

Способ, замешанный на (голубой) крови — **монархический**, грешен скудностью среды, зачинающей и порождающей вождя. И, как следствие, чреват кровосмешением: слишком мал приток свежих сил.

Вариант зачерпывания (сверху) или поставки (снизу) властителей — **из народа** — вряд ли приживется. Дело в том, что путь напрямую — чересчур долог. Не одолеть самому. А если такое и случится, то контроль со стороны поставщиков за своим детищем потеряется довольно быстро — слишком высоко тот взлетит.

Довольно жизнеспособными питательными средами для взращивания рекрутов во власть мне представляются **элиты** (культурные, политические, общественные, от бизнеса и т. д.). Во-первых, поле ротации весьма обширно. А значит, застоя в органах у государства не будет. Во-вторых, у кандидата всегда есть время и пространство для приобретения соответствующего опыта. В-третьих, для управляющего органа — это оптимальное сочетание «внутренности» и «внешности» по отношению к управляемой системе. В-четвертых, поставщик кандидата во власть всегда будет иметь возможность контролировать действия своего питомца. Хотя последний аргумент, по совести говоря, можно приводить как «за», так и «против», так как необходимо иметь в виду, что зависимость должна существовать от всей системы в целом, а не от отдельной ее части (это же касается и осуществления контроля). Иначе возникает *эффект экранирования* «верхов» от «низов», и, чего лукавить, выступающие в роли своеобразного посредника элиты этим грешат.

Вообще, говоря о зависимости, мы приподнимаем огромный пласт. Уж столько копий было сломано вокруг того, что лучше: *несменяемость/независимость* (и как возможное следствие — произвол и беспредел) или *выборность/зависимость* от выбирающих с неизбежным конфликтом между своим усмотрением «по совести» и общественным мнением. И что есть «общественное»? Если среднеарифметическое, то какова в нем роль отдельных социальных компонентов? Или это новое свойство, когда количество переходит в иное качество. Примеры: макроэкономика не есть сумма микроэкономик; продукт не просто совокупность сырья и исходных материалов: в него заложен еще труд, дающий прибавочную стоимость. Процедура увязывания интересов людей, групп, общества да еще в эфире их ценностных категорий может дать совершенно не ожидаемый результат. Всякий ли возьмет на себя смелость овладеть таинством постижения «обще-

Маурицио Каттелан. Любовь, длящаяся вечно ("Бременские музыканты"). 1997

ственного мнения», «общественной потребности»? То же можно сказать и в отношении «публичной морали». Не все так просто, господа!

Отсюда следующие вопросы. Что правильнее: *следовать* народным чаяниям, *предугадывать* их или *формировать*, сообразуясь со своим миропониманием? И чье увещание «Следуй за мной!» звучит убедительнее: того, кто *готов исполнить волю* своих подопечных, или того, кто (думает, что) сам *знает, как сделать*

их счастливыми? Даже когда правитель максимально «заточен» под ожидания устремленных на него глаз, рано или поздно ему приходится делать выбор между голосом снизу и Гласом сверху. И в этот момент колоссальное значение имеют его *способность слышать, мудрость различать, мужество* поступать в соответствии с принятым им решением. Эти рассуждения неизбежно возвращают нас к вопросу о средах, поставляющих кандидатов. А также о внешности (по отношению к руководимому организму) его качеств.

Все варианты имеют свои минусы и плюсы. Оптимум же, как всегда, где-то в золотой середине. Я не стану причаливать свой «рассудка утлый челн» к какому-то одному берегу — не в том сейчас моя задача. Мне хотелось бы лишь обозначить реперные точки проблемы.

Поле боя — душа

Конфуций догадался: мол, глупо, товарищи, искать мудрость вне себя! Лучше не скажешь! Но кто-то эту формулу не понимает, кто-то, понимая, отвергает. Один самонадеянно интерпретирует ее как то, что «вне меня вообще никакой мудрости не существует и существовать вряд ли может». Другой — как постижение внешнего через свое внутреннее, совмещая себя с центром системы координат, обретая в нем и точку отсчета в восприятии всего сущего, и меру для анализа и оценки. При этом, однако, давая себе отчет в том, что эта работа должна быть не слепой и механической, но обусловленной *зрелостью Духа* и требующей постоянного усилия к его совершенствованию. Профессионализм, государственный масштаб мышления — условия необходимые, но не достаточные. Именно осознание своей *ответственности за людей, перед людьми, перед Богом* отличает правителя от менеджера.

Необходимо понимать, что *ответственность* продиктована уже самой Природой и существует априори: сильного за слабого, здорового за больного, счастливого за несчастного, удачливого за невезучего, талантливого за бесталанного и т. д. Именно *милосердие* должно являться неотъемлемой составной частью нравственного пространства идущего вверх, служить залогом оправданности поступков и гармонии в отношениях с социальной средой.

Однако предположение своего духовного превосходства недопустимо. Случись это сегодня, и завтра станет вполне объяснимым решение о принесении в жертву малого ради большого. А мы все знаем, к чему это приводит. Власть должна быть *равноправным участником на ценностном поле*. Ей чужд пафос морального преобладания.

Духовная мудрость покорителя государственного Олимпа ни в коем случае не должна позволить развиваться в нем снобизму. Она сама призвана уберечь от *узурпации властью внутреннего пространства* «человека у подножия». Иначе катастрофа. Ведь каким бы совершенным повелителем ни был, а и он одолеваем страстями и искушением осчастливить человечество. В этом месте наш взгляд плавно скользит вниз — с вождя на людей. А там...

Инфантилизм в нашей природе. *Я человек маленький, слабый. Возделывать огород своего Духа у меня не хватает ни сил, ни времени. Поэтому с моей стороны вполне логично делегировать часть своих угодий более сильному и продвинутому*. Отсюда потребность в государевой руке, в церкви. И речь не только в перекладывании части ответственности за свои поступки — это было бы слишком просто. Дело в *нежелании совершать* эти поступки, в *нежелании думать!* Потрясающая по своей глубине Горациева мысль: «Осмелся быть мудрым!» К сожалению, мы слишком ленивы и малодушны. Нам удобнее пользоваться готовыми рецепта-

ми. Проще принять правила жизни, предложенные кем-то, чем самостоятельно и осмысленно их формировать и быть равноправными участниками жизни. Дружеское анестезирующее похлопывание власти по плечу «ДОВЕРИЕ, брат!» окончательно усыпляет совесть и самолюбие.

Институт доверия действительно существует: там, где есть специализация любого рода, оно неизбежно и необходимо. Но, к сожалению, оно же служит оправданием и инструментом узурпации функций, сфер, областей жизни. Сейчас довольно часто говорят об отсутствии в течение длительного времени в нашей стране *института частной собственности* как о причине многих, если не всех бед. Отчасти я с этим согласен. Ибо наличие такого института для воспитания самостоятельности — условие, хотя и не достаточное, но необходимое. Как профилактика подмеченной Эрнестом Геллнером российской болезни: «страстного стремления к свободной жизни, соединенного с экономической несостоятельностью». Как занятия с мелкими предметами развивают у ребенка моторику, так и собственность воспитывает в человеке *чувство ответственности*. Чувство весьма широкое, распространяемое впоследствии на отношения в других областях его деятельности. А кроме того, помогающее научиться *уважать себя*, что облегчает приобретение навыков *уважения других*. Вообще, коллективные формы чего бы то ни было — собственности, мышления и т. д. — развращают самосознание, притушают его, растворяя чувство ответственности в массах.

Поэтому я бы смело заложил эту экономическую категорию в качестве одного из этапов на пути к освобождению личности (в первую очередь внутреннего — сейчас речь именно об этом) и избавлению ее от пут духовного инфантилизма. С возрастом мы неизбежно попадаем во власть привычек, повседневных клише. Подсознательно стремимся к *автоматизму* — во всем. Придумываем себе символы, заменители, суррогаты, цепляемся за суеверия. Первая половина жизни уходит на то, чтобы обзавестись набором готовых универсальных лекал (знаний, умений, навыков), которыми во второй половине пользуемся, безжалостно игнорируя многомерность окружающего нас мира и уникальность мгновения. Нам так удобно.

Это же касается и социума. Государственная матрица и без того достаточно агрессивна. А еще мы — со своей податливостью и атрофией духа. Получается страшная вещь: снизу — потребность избавиться от необходимости трудиться душой, а сверху — пресс власти, давящей на наши извилины и штампующие их на свой манер. И все это в пространстве суетливого и суррогатного быта, начиная с еды и лекарств и кончая культурой и взаимоотношениями, парализующего волю и нивелирующего личность. Спрос находит предложение в виде симулякров. Результат плачевен: бегущим по жизни зашоренным человеком (с гамбургером в зубах, «МК» в руке и Петросяном в глазах) управлять проще простого. Он даже ничего не поймет и не заметит.

Способность руководить замещается искусством *манипулировать* инстинктами. Какое удобство! Не надо заставлять и подавлять — достаточно спрограммировать и задать вектор. Власть-25-й кадр. Или даже — 26-й. Бьющий уже не в подсознание, а прямо в опорно-двигательный аппарат. Эффект рекламы: организм сам ходит, все купит, выпьет, похрустит, простирнет, смажет где надо и весьма удобно разместит внутри своего тела. Все довольны — ни тебе синяков, ни тебе недовольства масс.

Конечно, для управляющего элемента это идеальная форма управления — с претензией на абсолютность, когда государство не живет в ценностном пространстве, а формирует его и задает обществу.

Это сладкое слово

Жить по правилам, соблюдать законы, вне зависимости от моего к ним отношения, нормально и должно. «Осознанная необходимость», которую нам проповедовали в качестве свободы, в моем представлении, лишь ее изнанка, обратная сторона. Это мои внешние проявления. Но пускать внутрь себя я никоим образом не собираюсь! Там я хозяин, и это *залог моей внутренней свободы и условие личной (!) ответственности* (перед людьми и Богом).

Итак, *свобода*. Для меня она начинается не со свободы действий, даже не со свободы иметь мнение, а со *свободы мыслить*. Прав был Гораций: на это необходимо особое мужество. И трудолюбие. И для меня свобода — не только *состояние*, не просто *условие жизни*, но *путь*. Глубокая внутренняя работа, которая впоследствии дает всходы суждений и приносит плоды поступков.

Что представляет собой власть по отношению к свободе: ее **продукт**, ее **обеспечительное средство**, ее **параллель**?.. Или власть — **диспетчер** свобод людей, групп и общества в целом? И, вообще, может ли быть свободным общество, состоящее из несвободных граждан? Я бы сказал так: *власть призвана обеспечить свободу обществу, состоящему из свободных граждан*. Когда во главу угла ставится ЧЕЛОВЕК — и как точка отсчета, и как мера всему. А государственная машина следует не велеанию (активного) большинства, а «золотому сечению», равноудаленному от всех субъектов общества. А значит, отражающему волю не ВСЕХ, а КАЖДОГО.

Для этого существует универсальный способ: государство должно всемерно способствовать развитию *культурных традиций и просвещения*. Это значит, что власть, желающая иметь свободное общество, должна начать с того, чтобы всячески стимулировать и поощрять в нем *мысль*. Не боясь, а понимая, что государство прирастает не только нефтью и территориями, но людьми, их *духом и энергией*.

А что же происходит с нашим человеком сегодня? Каков его выбор?

Не хочу обобщать, но, к сожалению, выбор человека на сегодняшний день удручающ. Не так давно по TV прошел сюжет (да не один) о рабах в наше время. И не где-то, а в городах и деревнях вполне благополучных и не охваченных военными действиями. Нет смысла пересказывать эти истории. Остановлюсь на одном аспекте. Во многих случаях освобожденные рабы совершенно без обиды вспоминали своих хозяев. И даже жалели их, если те попадали в руки правосудия.

Что это?! Всепрощающее милосердие? Всепоглощающая усталость? Или дыра там, где раньше жила душа? Боюсь, что последнее. Человек впустил в себя раба, который полностью вытеснил из него всякую волю и желание к жизни. И ведь не на пустое место приходит это **зло** — ему уже давно там накрыто и постелено. Душевный мазохизм и удивительная потребность в страданиях — рука об руку идут с русским человеком.

Может, я несколько резок? Однако мой жизненный опыт, а также литературный — убеждают меня именно в этом. Позволю себе привести в качестве примера высказывание Горького о России как о «стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души»... стране, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть».

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь»*.

Я искренне убежден, что смысл (и цель) человеческой жизни — сама жизнь. И нужно уметь ей радоваться, любить ее. И целиком, и по каждой минутке, по отдельному кусочку. А разбрасываться ею под колеса чьей-то грязной телеги — чудовищная нелепость и неблагодарность. Высшая степень малодушия. Еще раз оговорюсь, что я не стремился к обобщению — я специально взял самый, с моей точки зрения, крайний пример человеческой несвободы. Чтобы на нем продемонстрировать ту пропасть, которая отделяет нас от нашей цели. А теперь скажите мне: как должна относиться власть к подопечному? И как в свою очередь он будет к ней относиться? Правильно: это — отношения волков и овец. Одни *презирают* других, а те боятся и *ненавидят* первых. И своей ненавистью (парадокс? ничуть!) *благословляют* их на дальнейшие (еще большие) несправедливые действия. Более того, *отрадывая* самой (порочной) природой власти. Вспомните устоявшееся: «испачкаться властью», «вляпаться во власть», «развращение властью». А раз поставщиком вождей является все-таки общество, то становится очевидной замкнутость этого круга. И поэтому «чего больше всего хочется, когда влез наверх? Плюнуть вниз». И все это понимают и — принимают (!).

Предвижу упрек в сгущении красок. Что ж, чем он справедливее, тем я спокойнее за наше будущее. Ради этого я готов пожертвовать своей претензией на правдивость и объективность.

Буриданово

Каким же ему быть — наиболее справедливому государству? Ответ на этот вопрос, при всей моей демократической ориентации, для меня неоднозначен. И вот почему.

Свобода общества, свобода в нем личности — так ли они зависят от формы правления? Если представить себе монарха как наимудрейшего представителя рода человеческого, то все то, что я так долго воспевал, вполне возможно и в формате монархии. Особенно в сравнении с альтернативой в виде республики, имеющей в своем парламенте политических карьеристов, озабоченных лишь тем, как бы «по максимуму» использовать отведенный им срок и переизбраться на следующий. Согласитесь, такое бывает, и довольно часто. И тут на передний план выступает система — кристаллическая решетка, призванная гасить негативные свойства элемента управления и делать более эффективными позитивные. С этой точки зрения, сменяемая власть, безусловно, предпочтительнее. Другое дело, что воздвигнутые потом и кровью демократические институты зачастую превращаются в оружие, обращенное против общества, когда во власть приходят проплаченные, ангажированные люди. Когда выборы становятся не соперничеством лучших, а полигоном политтехнологий, чересполосицей, на которую сориентировано все наше развитие. Когда партии из выразителей народных интересов превращаются в ракеты-носители. Тогда установка дает сбой, белое безнадежно чернеет, а на Солнце появляются пятна.

* Горький М. Избранное: Рассказы. Очерки. Пьесы. — М.: Просвещение, 1983. — С. 106.

Может быть, человечество слишком увлеклось общественными и политическими схемами? А что если пойти по другому пути — создания «роддомов», где бы происходило «второе рождение» будущих правителей, открытия для них «Школ развития личности» и «Института нравственного роста»? Утопия? Я бы сказал, асимптота.

Понимаю, что запросто выгляжу идеалистом, вызывающим снисходительную улыбку. Но, согласитесь, в этом что-то есть!

Демократы восклицают: «А угал обзора?! Нас (у руля) много, наш шире!»

Монархисты возражают: «Как насчет *ответственности*? У нас — она не размазана по массам, как у вас: мол, выбирали? Выбирали! Вот и отдувайтесь! Какие сами, такие и управители!»

Демократы не унимаются: «У нас разделение властей. Система *сдержек и противовесов*».

Монархисты: «Блеф! Сдержки и противовесы должны принадлежать не самой же власти, а обществу. Конечно, этого нет и у нас. Однако же мы и не лукавим».

Первые: «Кто бы говорил о лукавстве! Именно вы трезвоните о *выделенности и продвинутости* власти предрежающей. Мол, ей видней, а плебс сам не ведает, что творит. А с какой, позвольте, стати?!»

Вторые: «А с такой, что общество, а значит, и вы, его избранные, не готово и не умеет само собой управлять».

Первые: «Вот мы и учимся. Поле для этого есть, ведь у нас *свобода*! Пусть пока в декларациях, но каков вектор!»

Вторые: «Что свобода? Лишь средство. *Благо* — вот настоящая и конечная цель!»

Первые: «Средство. Но зато это единственный *ключ*!»

Вторые: «А замок у нас!»

Что ж, оставим каждого при своем мнении. Тем более что спор этот не вчера начался и не завтра закончится. Но хочу обратить внимание на следующее.

Свобода — уже благо. А значит, и *цель*, и *средство* в одном сосуде. Не может быть по-настоящему счастлив несвободный человек. Что касается устройства, то ресурсы государственной энергии в монархиях исчерпаемы, так как заведомо ограничены энергетическими рамками монарха. Чего не скажешь о демократии, при которой источники — неограниченны и пополняемы. Когда роль духовного инкубатора (вспомним роддомы «второго рождения») может играть все общество. И все рассуждения о его неготовности к свободе, к демократии, к гражданским институтам малоубедительны. Если нет готовности сегодня, это не значит, что это невозможно в принципе. Другое дело, что процесс труден и долготен. Но прожить его надобно, не отвлекаясь на побочные интересы. Не поддаваясь искушению плюнуть на все: «Нет, не наш это метод!» Не скатываясь на «отклонения от линии, продиктованные переходным периодом». Нет никакого переходного периода! Сделав первый шаг, мы уже вступили на путь. И чтобы выжить, мы должны пройти его до конца.

*Как занятия с мелкими предметами
развивают у ребенка моторику,
так и собственность воспитывает
в человеке чувство ответственности*

Изнутри наружу

Очень хочется, чтобы эта статья получилась хорошей. Ведь плохую статью написать очень просто. Еще проще ее вообще не писать. Взять и решить заранее, что она будет плохая, сесть и не писать. А просто сидеть и думать о чем-нибудь. Причем не думать ни о чем тоже хорошо. Но, правда, редко получается. Когда решишь просто посидеть и ни о чем не думать, все равно о чем-то да и подумаешь. Раз и все, и уже думаешь, думаешь. Руками можно и не двигать, пальцами не шевелить. Можно и телом быть в покое, ногами оставаться на месте. Можно же. Пока вот этот кусок писал, вспомнил про что-то и тут же подумал: а может, и не вспоминать? Это очень занятно. Вот почему внутри все так. Очень так просто. Снаружи все по-другому. Труднее. Если что-то видно, надо глаза закрыть, чтобы не видеть. Когда слышно — уши затыкать надо. И чувствуешь все подряд: запах, температуру, давление, космос, черт подери. Внутри ты сам себе хозяин. Все бои местного значенья. Театр военных действий ограничен тобой же. Главный принцип: можно все во имя жизни. Инстинкты и разум живут внутри, пользуясь друг дружкой: то любовь голодом, то голод любовью. Лежит себе человек в стогу сена теплой сентябрьской ночью, поглядывает на звездное небо над головой и млеет от нравственных законов внутри. И так ему радостно и спокойно.

Стоп.

Кто кем пользуется? А как насчет славы и денег? Или покоя и воли? Одного без другого не бывает, а если другое без одного, то оно уже и не то, что было раньше. Хуже что ли становится, как-то не одним ломтем, а крошками вроде. Отсюда: внутри не легче. Тем более что брать надо все из наружи. А снаружи практически **все** остальные тоже ищут, чего

бы взять, в смысле для себя. И только ты один для себя внутри. Все так перепутано. Нет, и внутри труднее. А где же тогда легче? Пойдем по инстанциям. Гуманитарным и естественным.

Убеждения

Иной раз этот самый разум применяет лень внутрь. Сегодня из постели ни ногой, ведь научиться чему-нибудь можно, только если ты уверен, что это будет: а) приятно, б) полезно.

Чтобы чему-нибудь научиться, надо вылезти из постели наружу, но валяться внутри: а) приятно, б) полезно.

Замкнутый круг.

Хотя что касается убеждений, то они появляются в нас постепенно. Такими порциями. Причем иногда непонятно: оно в тебе было, это убеждение, или откуда-то взялось. Или берется только то, что может в тебе поместиться. Когда ты растешь и в тебе копяты разные убеждения. Потом они становятся фильтрами. Мощными фильтрами и ограничениями. То, что не противоречит твоим убеждениям, — хорошо, остальное — плохо. Вот законы физики и математики более-менее нас роднят. Падать с крыши больно, ток в проводах есть, таблица умножения наизусть. Начальная школа сомнений не вызывает. Все остальное образование на наши убеждения не влияет. Вы хоть и профессор — а темный. Знаете таких, не правда ли?

Страх

Или вот, например, страх. Он всегда с тобой, живет внутри и ждет. Когда начинать. И бояться можно всего, даже самого страха. Поэтому он так хорошо продается. Все знают, что это такое. И все думают, что его можно купить. А он как любовь — не покупается. Хотя продается на каждом углу. Страх запол-

нен тревогой, как форма воздухом. Как ветхий пустой дом заполнен скрипами и сквозняками. На гвозде криво, пыльным наростом-чагой висит отрывной календарь — он умер скоропостижно, в нем есть еще немало дней, но его просто оставили, бросили.

Это, братцы, депрессия.

Она приходит, когда смысл тебя просто оставляет. На вопрос «зачем?» нет ответа, прочерк. Смысл, между прочим, может утрачивать не только отдельный человек, но и целая страна. Летит себе и кружится вместе со всем земным шаром Россия, лишённая смысла. Она его просто перестала создавать, озвучивать, обсуждать, воплощать в жизнь.

Это, сестры, абсурд.

На территории 17 миллионов квадратных километров одни живут только прошлым (молодость, СССР). Для других настоящее невыносимо как факт несбывшихся надежд. В будущем — прочерк, пустота.

Это, братья и сестры, ну как вам сказать, ничего, ничего, и это пройдет.

— Что происходит, доктор?

— Чего вы больше всего боялись, то и произошло, не правда ли?

Это самореализующийся прогноз или эффект Пигмалиона.

Для начала давайте зададим себе простые вопросы: «Откуда вы? Кто вы? Куда вы идете?» — Что за чушь? — первая реакция.

— Что мне это даст? — вторая.

— Да кто ты такой, чтобы спрашивать? — третья.

— Спокойно, больной, я добрый доктор.

Чтобы устранить «комплекс неполноценности», нужно сориентироваться по «компасу полноценности».

Необязательно отвечать вслух, можно и про себя.

Те, кто должен по долгу службы задавать такие вопросы, делают вид, что глухи. Те, кто мог бы ответить, притворяются слепыми. Результат — всеобщая немота.

Дезориентированная слепоглухонемая страна.

И это симуляция, временное расстройство. Все поправимо.

Только вот эту работу никто не хочет делать. И лишнего времени нет. Ждать, что кто-то другой придет и сориентирует, направит и объяснит.

Возвращение

Вернуть смысл можно разными путями. Один из них — дать четкое определение тому, что было, есть сейчас и представить картину будущего. До сих пор у нас как нации нет примиряющего взгляда на XX век. Ни точек, ни запятых. А расставлять их все равно придется. Это и будет новой системой ориентации России в себе, времени и пространстве. Начало выздоровления. Без этой простой процедуры ни одна стратегия не сработает. Что и подтверждается.

Дальше придется разбираться с идентичностью. В конце концов.

Начну издалека.

Дело было летним вечером на станции Лазаревское, что недалеко от Сочи. Бабушка и внук поджидали электричку. В ее статном «профессорско-преподавательском» облике чувствовались спокойствие, знание и сила. Красивая женщина. Она сосредоточенно и ответственно следила за ним, за его хаотичными и утомленными движениями, пытаясь как-то выключить знакомый всем детский всепроникающий нудж. Мальчик явно вырос из «почему?» в «как и что?».

— Бабуль, скажи, а как это лететь со скоростью света? — вдруг спросил он, повиснув на ее руке.

— Чтобы лететь со скоростью света, нужно самому стать светом, — почти без паузы искренне и уверенно ответила та.

Я был рядом и от услышанного нырнул в легкий транс. Подходящий состав вытолкнул меня на поверхность...

Как точно и изящно был дан ответ. Как хорошее начало всего. Я тут же стал мысленно обыгрывать эту метафору на разные лады. Например: чтобы жить в европейском и цивилизованном государстве, нужно самим стать цивилизованными европейцами. На следующий день на пляже, на том месте, где мы обычно загорали, образовалась «зона отчуждения», пустота. Рядом и вокруг мамы следили за детьми, чтобы те «туда не ходили — там стекло». Кто-то разбил бутылку, и крупные осколки предупредитель-

но злорадно блестели. Мы их быстро собрали и... Со всех сторон на нас смотрели как на «марсиан», зачем-то прилетевших на эту прекрасную планету и, тем более, зачем-то убирающих битое стекло. Все они хотели спросить: зачем?

Затем!

Чтобы загорать на чистом пляже, нужно самим быть чистоплотными.

Постойте-постойте, а где же мы сейчас живем? Как любила говаривать моя бабушка: «Живем в хлеву, а кашляем по-горничному, или голова в цветах, а жопа в мыле».

Это как-то грубо, не находите?

У меня есть наблюдение. Кто где хочет/может жить, там и живет. Ежедневно придумывая свою персональную «иллюзию», страну-мечту, лихо управляясь ножом и вилок, поднося к губам белоснежную салфетку. И крепкий натуральный кофе с сигаретой (лучше с сигарой), стильной и умной книжкой на десерт. Обходя (с запасом) и не замечая (с пристрастием) варварские места по маршруту следования. Ну-ка, попробуйте отнять нашу европейскую идентичность. Остальные счастливы по горло особенной статью, не понятной уму...

Пересекая границу и двигаясь на Запад, не испытываешь в себе никакого сопротивления, везде можно прислониться и закрыть глаза, с удовольствием и чувством безопасности. И тебе быстро начинает казаться, что тебя не замечают, даже скорее считают своим.

Про путешествие в другую сторону, на Восток, можно сказать то же самое, только везде по тексту предикат «НЕ». В данном случае Запад и Восток понятия не географические.

По меткому выражению Александра Янова, «гарантия от произвола власти» — это то главное, что отличает демократию от всего остального. Или гарантии, или произвол; точка. А уже потом на цивилизованные процедуры накладываются всякие культурно-исторические традиции, всё, что душа ни пожелает: «хощь — пой в опере, хощь — брей топором». Но ведь как упираемся, буквально юродствуем: как же мы без царя, без холуев, пропадет Россия, растащат ее демоны. «А все равно Владимир гонит стадо к

реке, а стаду все равно — его съели с говном».

А что думают естественники на сей счет? Интересно, интересно. А вот что.

Однажды у этологов (специалистов в области поведения животных) спросили:

— Возможно ли построение коммунизма?

Этологи ответили:

— Да, и он уже построен, но только глистами. Там у них от каждого по способности, каждому по потребности и мозг за ненадобностью был полностью утрачен!

И вообще, эти самые этологи давно странно себя ведут, и Лоренцу с Тимбергеном Нобелевку зря дали. Для них человек, понимаешь, не венец природы (турик эволюции), а так, млекопитающее, причем зазнавшееся. И выводы они свои делают, в отличие от гуманитариев, не из умозрительных предположений, но из сравнительного анализа поведения животных, птиц и др. А как по-другому-то, все мы твари божьи. Пока все носились с фрейдовским бессознательным, почкуясь на учеников-последователей, этологи зря время не теряли. Вооружившись буквальной тракторкой открытия маэстро: «я доказал, что человек — это животное», они изучали инстинкты. Мало того, они показали, что подсознание это и есть инстинктивные программы. А наше сознательное я либо вмешивается в эти императивы, либо устраняется. Люди всю жизнь строят иерархические отношения, согласно их врожденным и приобретенным способностям. Любая общественная пирамида, вертикаль — это самособирающаяся и самовоспроизводящаяся примитивная конструкция. И только «договорные отношения» защищают нас от «зверя», живущего в нас же самих. Демократия — это единственное общественное устройство, где твой иерархический ранг не имеет значения, там же и «гарантия от произвола». Это беда человеческого разума над его живот-

ными инстинктами. Но если ее, демократию, не берегут, не защищают и не исполняют «договоры и процедуры», она превращается в карикатуру и далее опять в примитивную самосборку — вертикаль. Где

Люди всю жизнь строят иерархические отношения, согласно их врожденным и приобретенным способностям. Любая общественная пирамида, вертикаль — это самособирающаяся и самовоспроизводящаяся примитивная конструкция. И только «договорные отношения» защищают нас от «зверя», живущего в нас же самих

величина и красота твоего «искусственного гребешка» (ранга) снова будет единственным и достаточным пропуском на вершину любого курятника. Я уж не говорю про агрессивность и чувство безнаказанности у липовых доминантов.

Когда разум уходит в отпуск, в силу невозможности что-нибудь понять и объяснить, потому как жизнь многих мало изменилась, что при белых, что при красных, тогда на помощь приходят инстинкты.

Поэтому сейчас нас может спасти только ум. Сердцем уже выбирали, инстинктами пользовались.

Только что и надо выбрать «естественного доминанта», без приделанного поролонового гребешка, не преемника. Он будет другой. Не из одних рефлексов и инстинктов. Он все сделает правильно. Он вернет стране нормальную политическую жизнь. Отменит однообразие. Даст уверенность, забрет страх. И все само собой наполнится смыслом.

Подумайте над этим внутри. И сделайте что-нибудь хорошее наружу.

*Ваш добрый доктор,
независимый политический психиатр
Александр Мордовин*

Владислав Иноземцев,
доктор экономических наук,
директор Центра
исследований
постиндустриального
общества

Россия и Запад

Время от времени, после очередных «неожиданных» событий в России, эксперты и политики в Европе и в Соединенных Штатах ставят под сомнение адекватность своих представлений об этой загадочной стране. Но потом опять или происходит очередной саммит на высшем уровне, или президент В. Путин выступает с заверениями мировой общественности в своей приверженности демократическим идеалам и тревожные мысли отступают.

Но что же все-таки происходит в современной России — недавней сверхдержаве с постепенно возрождающимися амбициями, в государстве, входящем в «Большую восьмерку»? Проглядывает ли тут за «укреплением вертикали власти» становление нового авторитаризма или же правительство стремится «затащить» свой народ в демократическое общество? Формируются ли основы рыночной экономики или возвращаются элементы обанкротившейся плановой системы советского типа? Утверждается ли единое общенациональное государство или нарастают сепаратистские тенденции, грозящие распадом страны?

Два с небольшим десятилетия тому назад Запад имел четкое и ясное мнение в отношении Советского Союза. В начале 1990-х его позиция относительно новой, демократической России также была вполне понятна. Почему же теперь в умах либо господствует неразбериха, либо доминируют идеологические штампы и крайне упрощенные стереотипы? На мой взгляд, причины этого кроются в «обеих сторонах» разделительной линии: сегодня и Россия достаточно необычна, чтобы судить о ней с традиционной точки зрения, и Запад слишком погружен в частные политические вопросы, чтобы сохранять четкое глобальное видение.

Особенности современной России

История первого десятилетия российской «независимости» стала историей глубокого разочарования граждан в демократических институтах и практиках. Справедливости ради нужно заметить, что причиной этого разочарования стало не только несовершенство строившейся в стране демократической системы, но и завышенные ожидания населения, начавшие формироваться в годы горбачевской перестройки и усилившиеся с приходом к руководству стра-

ной «демократического» правительства, а также жесточайший экономический кризис, поразивший страну в годы перехода к рынку. Система ценностей советского времени, включавшая в себя сопричастность человека обществу и стране, гласное признание заслуг перед ними, высокий авторитет хорошего образования и научных знаний, была разрушена вместе со страной и идеологией, на которую ориентировалось прежнее общество. Главными ценностями были объявлены свобода (понимаемая прежде всего как свобода от государства) и материальное благосостояние (средства достижения которого практически не регламентировались). Утилитарные, сугубо материалистические мотивы оказались подавляюще мощными в обществе, которое в условиях демократизации резко открылось по отношению к миру, а по ходу дела умудрилось и развенчать все свои прежние достижения, и немедленно стали определять бытие практически всех социальных групп. Именно поэтому Россия середины 1990-х годов, выглядевшая полем абсолютного беспредела, на самом деле была пусть и специфически, но весьма организованной страной; хотя российское общество и казалось исключительно поляризованным, по сути оно оставалось эгалитаристским. Примеры несправедливости, обмана и насилия были массовыми, но в самой их массовости можно было рассмотреть ответный характер многих насильственных действий, в ходе которых и формировался некий баланс сил и интересов. Хотя имущественное неравенство стало беспрецедентным, практически ничто — ни богатство, ни социальный статус — не гарантировало безопасности, и все были в значительной мере равны в этой своей уязвимости.

Это и предопределило характер формирующейся «демократической» власти. В поиске путей к элементарной организованности она остановилась на простейшем из них, на регламентации доступа к материальным благам. Пожалуй, именно поэтому современное российское государство сформировалось не как инструмент обеспечения прав и свобод граждан, а как механизм дифференцированного их «допуска» к общественному достоянию, и вся история приватизации 90-х как нельзя лучше подтверждает этот вывод. Россия пришла к началу нового тысячелетия как *предельно экономизированное общество*, в котором были уничтожены практически все важные ценности, так или иначе разделяемые во времена советской власти, за исключением сугубо материалистических.

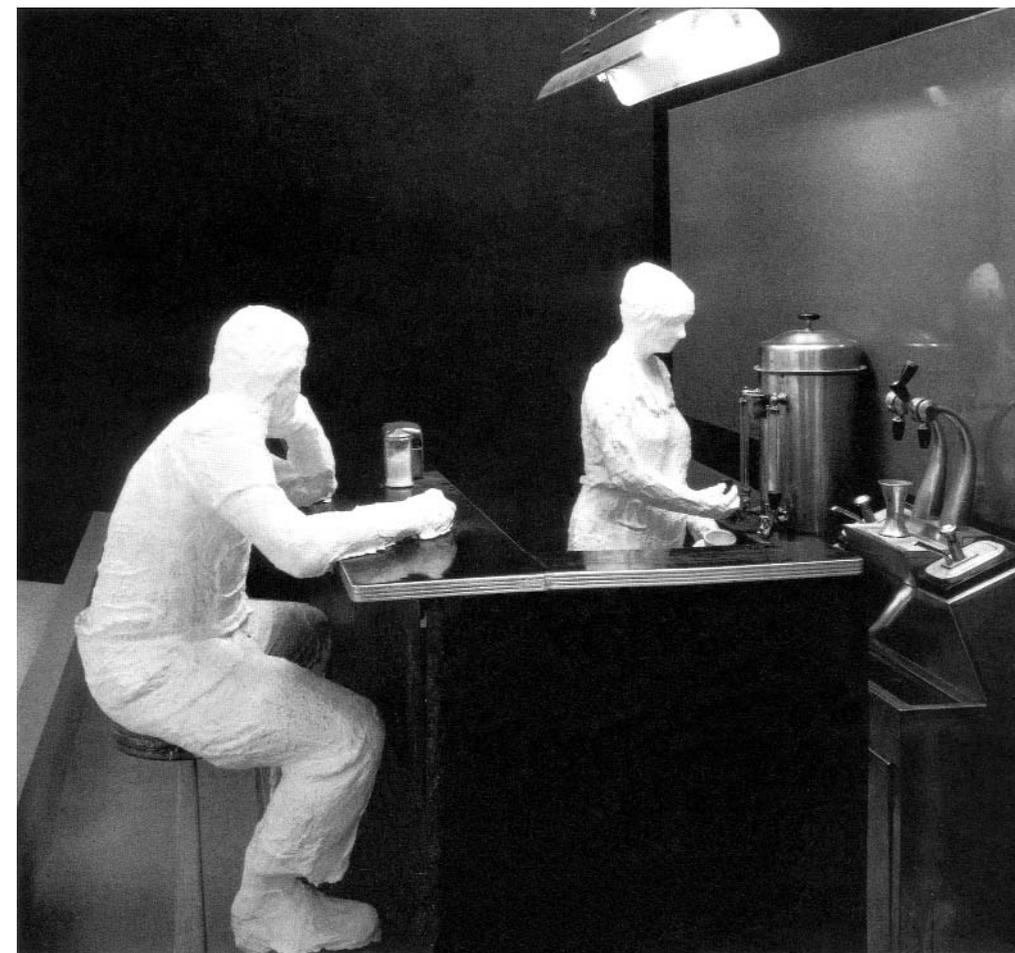
Могло ли такое общество адекватным образом соответствовать социальным реалиям начала XXI века? Безусловно, нет. Могло ли оно поступательно развиваться и через какое-то время стать более «нормальным»? Несомненно, да. Однако этому процессу помешала роль, которую стало играть государство, причем не отдельные его представители, а само оно как институт. Фактически самоустранившись от исполнения функций организации и контроля, государство не погибло, а превратилось в причудливым образом расчлененного и регионализованного субъекта «хозяйственной» деятельности, коммерциализовавшего свои услуги по поддержанию не только нормальной экономической деятельности, но и элементарного общественного порядка. Возникло неразрешимое противоречие: с одной стороны, бюрократия объективно вовлекалась в бизнес наряду с «новыми русскими»; с другой, в отличие от отечественных нуворишей, демонстративно купавшихся в роскоши, ее представителям приходилось поддерживать впечатление скромности и непридязности, своей отстраненности от нового «порядка». Эта тенденция откровенной лжи оказалась в результате гораздо более разрушительной для страны, чем все неудачные реформы 90-х годов. Власть в стране не обрела «коррум-

пированного» характера в традиционном смысле этого слова; она стала бизнесом и, скажем даже больше, самым «теневым», даже «черным» бизнесом, масштабы которого были неясными, а структура непрозрачной. И по мере того как наиболее трудные времена в жизни страны оставались позади, это противоречие оказывалось все более острым. Постепенно бизнес становился все более прозрачным, предприниматели начинали декларировать и платить налоги; фирмы-«однодневки» и неконкурентоспособные компании разорялись; в ходе слияний и поглощений формировались крупные концерны, и только одно оставалось неизменным: представители власти, обогатившиеся в течение целого десятилетия, так и не могли по-настоящему легитимизировать свои состояния.

Я настаиваю: *нерешенность именно этой проблемы убила российскую демократию.* История множество раз доказывала: богатое и успешное общество не может управляться бедными неудачниками. В России это доказательство стало наиболее явным. На протяжении второй половины 90-х два полюса материального богатства — постепенно цивилизующийся бизнес и остававшееся по сути за пределами «правового поля» государство — притягивали к себе соответственно тех, кто мог и готов был воспринимать современные подходы к управлению и предпринимательству, и тех, кто умел нагло паразитировать на экономике и обществе, ничего при этом не создавая и оставаясь с результатами своего «труда» вне общественного внимания. Государственный аппарат стал фантастически неэффективным; эту неэффективность, начиная с 1998–1999 годов, стали компенсировать его непомерным раздуванием. Сегодня практически все органы власти и контроля так или иначе дублируют друг друга, а число чиновников — около 1,3 млн. человек — более чем вдвое превосходит бюрократию советского времени. Невозможность легализации заработанных состояний вызывала как стремление обеспечить себе все более значительные привилегии, так и вовлечение в бизнес доверенных лиц, родственников и друзей. В результате к 2002–2003 годам представители власти в России стали особым классом, который тотально вовлечен в бизнес либо напрямую, либо через своих доверенных лиц. Разумеется, содержание этого класса крайне дорого обходилось и обходится обществу. Подчеркну еще раз: современная Россия — это не пораженная коррупцией страна; в ней нет и не может быть коррупции в классическом смысле слова, ибо здесь осуществление властных функций *организовано как бизнес.*

Этот факт объясняет нарастание недемократических тенденций в жизни страны. Поскольку формально обогащение бюрократии и выборных должностных лиц остается незаконным и даже преступным, любая подлинно демократическая смена власти грозит правящему классу не только сокращением или утратой источников обогащения, но также судебными процессами, обвинительными приговорами и во многих случаях потерей накопленного. Допустить этого, разумеется, не могут те, у кого есть чувство самосохранения, а представители правящей элиты в этом отношении совершенно нормальны, и их не следует даже обвинять в том, что они до последнего будут бороться за свое благополучие.

Стремление власти расширить и укрепить свои полномочия и собственный статус породило три процесса, весьма характерных для современной России. Во-первых, не находя прозрачных источников внутренней легитимности, власть стала настойчиво искать внешний, который нащупывался ею еще в 1999–2000 годы, но окончательно «материализовался» (в виде международного терроризма) после 2001-го. Во-вторых, она развернула кампанию по своей

Джордж Сигал. *Посетитель.* 1964–1966

реидеологизации, элементами которой служат превознесение национальных (и националистических) ценностей, насаждение религиозного сознания, проповеди «государственности» и «патриотизма». В-третьих, после событий 2003–2004 годов власти инициировали строительство «вертикали», практически сделали невозможной деятельность некоторых партий и свободных средств массовой информации и, таким образом, воспроизвели все «достоинства» и недостатки центрального аппарата в регионах, что стало, пожалуй, их самой серьезной ошибкой.

Удивляет не то, что *российская власть предприняла все эти меры*, удивляет то, насколько она *переоценила существующие для нее опасности.* Оглядываясь назад, можно уверенно сказать, что за исключением непродолжительных периодов апофеоза первой чеченской войны в 1995 и дефолта в 1998–1999 годах, российская власть в целом пользовалась достаточной поддержкой населения. «Оппозиционные» партии ничем ей не угрожали, так как их верхушка стремилась скорее к участию в системе, нежели к ее демонтажу. Мифическую «проблему» Чечни до 1996–1997 годов, то есть пока сопротивление подпитывалось там стремлением к независимости, а не лозунгами джихада, также можно было решить без особых издержек. И если бы это было предпри-

нято, в стране не понадобилось бы насаждать идеологию войны с террором, а сближение России с Германией и Францией в 2002–2003 годах на волне понятного всем антиамериканизма могло перерасти в новый политический курс.

Однако власти — отчасти по причине их оторванности от народа, а отчасти,

возможно, понимая масштаб собственных злоупотреблений, — решили не испытывать судьбу. Политика президента В. Путина, увенчавшего пирамиду власти в 2000 году с большим кредитом доверия, оказалась по сути такой же превентивной, как и американская война в Ираке. Он активизировал войну на Кавказе,

солидаризировался с Соединенными Штатами в войне с террором, разделил страну на федеральные округа, нашел поводы для серьезной атаки на бизнес, который к этому времени начал проявлять политические амбиции, маргинализировал оппозиционные партии, переориентировал значительную часть государственных расходов на финансирование армии и спецслужб, а затем, воспользовавшись удобным моментом, отменил демократические выборы в регионах и по сути полностью подчинил судебную систему центральной власти. При этом сам В. Путин так и не вышел «из фавора» и большинство принятых им мер как пользовались, так и пользуются поддержкой если и не всего населения, то широких социальных групп. Как бы ни относиться к Путину-политику (и как бы действительно ни относились к нему в России и на Западе), его действия 2000–2004 годов, безусловно, заслуживают самой высокой оценки за тактику.

Но вряд ли за стратегию. Создав новую систему власти и не допустив никакого противовеса ей в виде гражданского общества, В. Путин реализовал стратегию «бикфордова шнура», если так можно выразиться. Нынешняя система власти выстроена на идее противостояния внешней и внутренней угрозе, и, быть может, она смогла бы продемонстрировать какую-то эффективность в борьбе с таковой, но при одном условии: *если бы угроза существовала на практике*. В современных условиях России мало что угрожает. Соединенные Штаты заняты Ближним Востоком. Европа имеет множество внутренних проблем; кроме того, ее тесно соединяют с Россией торговые и хозяйственные связи, и потому она совершенно не стремится к конфликту. Оппозиция со стороны бизнеса, по сути, сокрушена делом ЮКОСа. Мелкие политические партии не имеют серьезной поддержки среди широких кругов населения. Угрозами безопасности России следовало бы в таких условиях считать нарастающую деградацию инфраструктуры, а также энергетических и военных объектов; продолжающееся вымирание населения и снижение качества человеческого капитала.

Стратегия «бикфордова шнура» оборачивается тем, что на местах отсутствует мотивация для решения соответствующих проблем, а в центре усиление деятельности налоговых органов и спецслужб. Первые требуют все больших полномочий, чтобы не утруждать себя доказательством вины налогоплательщиков, но при этом имеют возможность шантажировать их, вымогая

деньги или отнимая в свою пользу их предприятия. Вторые разворачивают компанию по борьбе со шпионами и вредителями, порождая обстановку страха и недоверия. И завершает все это дирижирование молодежными движениями и организация националистических акций, призванных показать, что на глазах возникает новая серьезная угроза — уже не только власти, но и обществу.

Итак, специфика современной российской государственности обусловлена тем, что в стране нет классической коррупции, но есть узаконенный паразитизм власти, усугубляемый невозможностью для большинства ее представителей легализовать обретенные средства и использовать их. В России нет правоохранительной системы, а есть скорее силы, призванные удерживать процессы «у точки кипения». Сейчас у них нет желания приостановить процесс, но может не оказаться сил сдержать его. В России нет демократии, а есть система контролируемой передачи отдельных властных полномочий от одной группы чиновников к другим в условиях практической неизменности самой этой группы. В результате страна отгораживается от мира, а элита отгораживается от собственного общества. Понятно, что источником финансирования всей этой системы служит сырьевой сектор экономики; не вполне осознается пока и то, что государство начинает наступление и на другие ее сектора, доходы которых могут обеспечить ее растущие аппетиты.

Особенности восприятия России Западом

Сегодня — в отличие от конца 1980-х годов — в России преобладает настороженно-негативное отношение к западному миру. Разумеется, россияне в большинстве своем признают достижения евроатлантической цивилизации и в социально-экономическом плане считают их своего рода ориентиром для собственной страны. В то же время официальная пропаганда все более настойчиво изображает западные государства как политически недружественные России, не желающие ее возрождения или стремящиеся ослабить ее влияние в мире. Наряду с тем что многие согласны с этой пропагандой, в России есть немало демократически настроенных граждан, которые недовольны тем, что в отличие от советских времен западные правительства игнорируют расширение практики беззакония и нарушения прав человека в современной России. Позитивно настроены в отношении США и Европы прежде всего представители среднего класса, которые имеют сравнительно высокий доход, которым доступны европейские товары, которые время от времени выезжают за границу и осознают Россию естественной частью Европы. Однако в отличие от тех, кто недоволен политикой западных правительств, эта группа населения почти не артикулирует своих позиций и политической силой не является.

Но что можно сказать об отношении самого Запада к современной России? Если характеризовать это отношение в самых общих чертах, можно отметить: в последние годы *Запад склонен относиться к России как к нормальной стране*, и никак иначе. Это отношение отнюдь не тождественно безразличию; его истоки вполне понятны, и было бы ошибкой надеяться на его изменение. Тому есть как минимум две причины.

Во-первых, в глазах западного обывателя (и, быть может, в еще большей степени западного политика) Советский Союз и Россия слишком долго были воплощением очевидной аномалии. Сначала СССР представлялся страной, «сравнявшейся» с путей эволюционного развития и бросившей вызов европей-

Макс Эрнст. Плоды долгого опыта. 1919

ской политической организации. Затем он предстал перед Западом как победитель во Второй мировой войне и сверхдержава, со временем выстроившая вокруг себя глобальную «империю зла». Наконец, Запад увидел Советский Союз и наследовавшую ему Россию как побежденную, распавшуюся страну со слабой экономикой, остро нуждающуюся в гуманитарной помощи и многомиллиардных кредитах, идущую от путча к расстрелу парламента, от гиперинфляции к дефолту. Поэтому уже один тот факт, что на протяжении последних шести лет Россия не угрожает сложившемуся на Западе образу жизни, не просит невозвратных кредитов и не погрязла в разрушительной гражданской

войне, действует успокаивающе на значительное большинство западных граждан. В отличие от россиян, отношение которых к Западу окрашено сильными эмоциями, американцы и европейцы относятся к России нейтрально и сами воспринимают такое отношение как некоторую роскошь, которую наконец-то могут себе позволить.

Во-вторых, нейтральное отношение к России не только является реакцией на долгие десятилетия обостренно эмоционального ее восприятия; скорее оно просто воспроизводит типичное отношение западного человека к любой иной стране, ситуация в которой непосредственно его не затрагивает. В самом деле, было бы странно, если бы европейцы, в 1990-е годы бесстрастно взиравшие на ужасы балканской бойни, на рубеже веков не слишком обеспокоенные геноцидом в Африке, не одобрявшие американского вторжения в Ирак, вдруг озаботились обострением проблем, с которыми столкнулась Россия. Для них это одна из стран, развивающихся собственным путем и имеющих на это полное право, не затрагивающая их интересов и потому не заслуживающая особенного внимания.

Эти аспекты отношения Запада к России можно назвать *эмоционально-историческими*; они обусловлены как сложившимися стереотипами мировосприятия в западных обществах, так и характером отношений, развивавшихся на протяжении большей части XX столетия между Советским Союзом/Россией и евроатлантической цивилизацией. Эмоционально-исторические аспекты отношения Запада к России играют важную роль в становлении фундамента, на котором может быть построено их нормальное всестороннее взаимодействие.

Однако существует и другой уровень осмысления отношений между Западом и Россией, который я назвал бы *приземленно-рациональным*. Этот уровень осваивается прежде всего политическими элитами Запада, и вырабатываемые здесь оценки и подходы с большим или меньшим упорством «доводятся» до населения через средства массовой информации, политические декларации, совместные заявления и выступления политических лидеров.

На этом уровне аргументация в пользу стабильных и дружеских отношений с Россией выстраивается строго и последовательно, хотя главный аргумент в США и в странах Европейского союза формулируется по-разному.

Для американских политиков таким аргументом служит союзничество с Россией в «войне против террора», в поддержке которой президент В. Путин заверил президента Дж. Буша немедленно после терактов в сентябре 2001 года. Это, несомненно, произвело на администрацию США сильное впечатление и увело на задний план обеспокоенность тем, что первые полтора года президентства В. Путина ознаменовались эскалацией конфликта на Северном Кавказе и активизацией контактов с сомнительными режимами типа Ливии, Кубы, Сирии и Северной Кореи. Перехода России в лагерь американских союзников трудно было ожидать, и тем более значительной оказалась эта неожиданность.

Союзнические отношения России и Соединенных Штатов укреплялись вплоть до встречи президентов в Братиславе в феврале 2005 года, которая внесла в них некоторую напряженность. Но никакие охлаждения — в том числе вызванные достаточно жестким противодействием России американским планам вторжения в Ирак в 2003 году — не могли изменить главного (и вряд ли изменят): сходства политических доктрин, различающихся «только» способностью этих двух государств в той или иной мере реализовать свои доктрины, а также жесткой зависимости политического будущего высшего руководства

США и России от успехов в странной борьбе с невидимым и неопределенным противником.

Для европейских политиков главным аргументом служат экономические связи между Россией и Европейским союзом. В отличие от США, ставящих акцент преимущественно на политических проблемах, для Европы наиболее значимы экономические вопросы. Россия обеспечивает 46 процентов закупаемого странами ЕС природного газа и около четверти европейского импорта нефти. При этом Российская Федерация является одним из основных импортеров европейской продукции: на российский рынок европейцы поставляют больше товаров, чем в Китай, а по совокупному товарообороту Россия делит со Швейцарией статус третьего партнера ЕС после США и Китая. С 1997 года действует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом, а расширение ЕС 1 апреля 2004 года и все более активное влияние европейской политики на события в российском «ближнем зарубежье» требуют от европейцев тщательности и осмотрительности в определении курса в отношении с Россией, имеющей, ко всему прочему, границы со странами Союза.

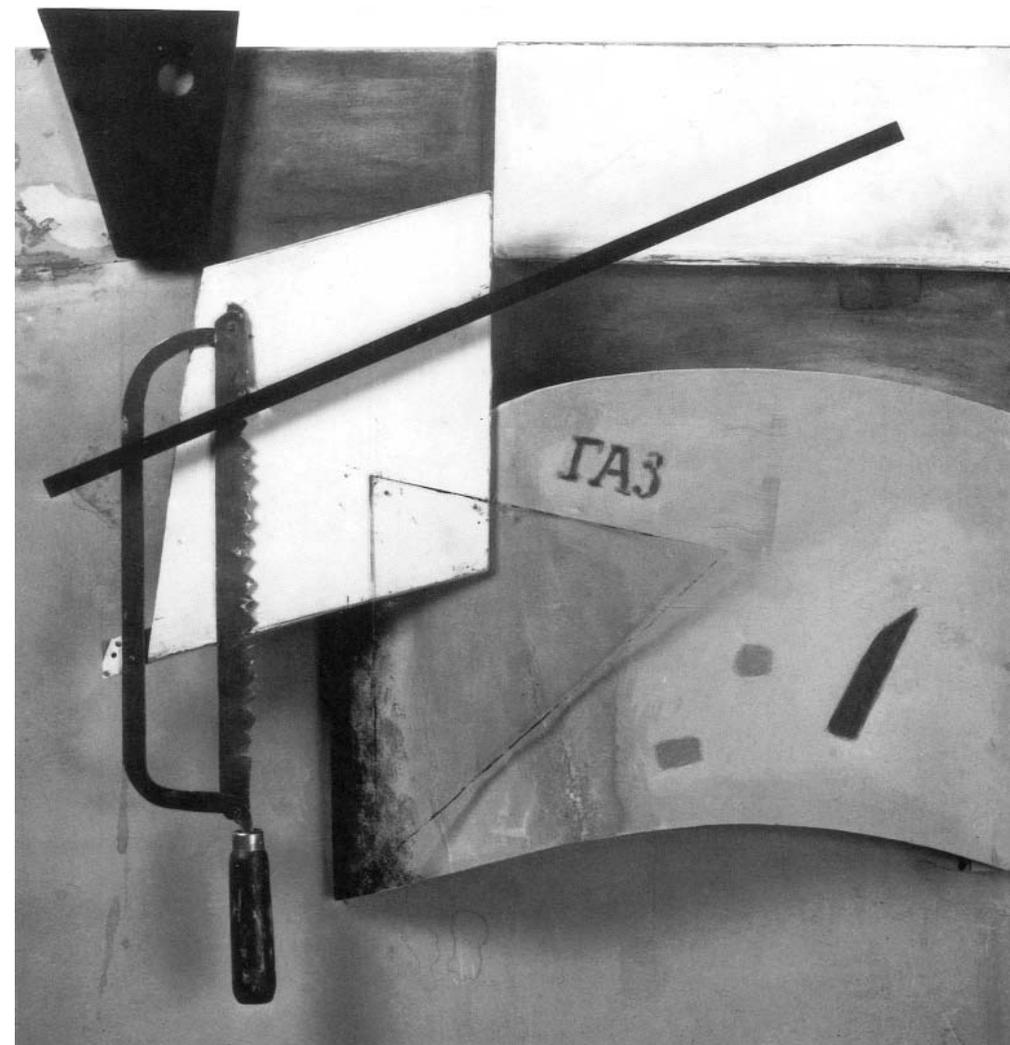
Хотя главные аргументы в пользу стабильных и дружеских отношений с Россией различны в США и странах ЕС, их политика определяется и многими сходными соображениями, которые достаточно перечислить.

Особое место в этой политике занимает проблема нефти и цен на нее. В последнее время Россия сравнивалась с Саудовской Аравией как крупнейший в мире производитель «черного золота». Как ни относиться к российскому руководству, Россия остается единственной за пределами Запада страной с «европейскими» традициями, поставляющей на мировой рынок значительные объемы нефти. Все остальные — арабские страны, Нигерия, Ангола, Венесуэла — либо чужды Западу, либо враждебны ему. И поэтому нефтяной фактор еще долгое время будет играть во многом определяющую роль в развитии отношений между Российской Федерацией и другими странами «Большой восьмерки». Природный газ и прочие многочисленные виды минерального сырья, которыми богата Россия, лишь усиливают эту роль.

Ни США, ни Евросоюз не собираются предпринимать каких-либо действий, которые Россия могла бы интерпретировать как вмешательство в ее внутренние дела. Самым острым в этом отношении был момент жестких разногласий вокруг событий на Украине поздней осенью 2004 года; однако даже тогда никакого непосредственного вмешательства в российские дела предпринято не было. России лишь посоветовали, пусть и в достаточно жесткой и не всегда дипломатичной форме, самой не слишком-то вмешиваться в дела других суверенных государств.

Как США, так и европейские страны стремятся сохранить влияние на Россию как на потенциального союзника в международных делах и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Хотя многое в политике России и раздражает западных лидеров, события последнего времени — от противостояния по Ираку до переговоров по ядерной программе Ирана — показывают, что Россия имеет вес. Следует особо отметить, что президент В. Путин оказался весьма умелым политиком, сумевшим наладить хорошие личные отношения с рядом западных руководителей, что помогло подчеркнуть значимость и статус России в современном мире.

В то же время и США, и ЕС обеспокоены имперскими амбициями России, возможность реализации которых на Западе, как правило, сильно переоценивают. Правда, «побочным эффектом» этих амбиций может быть поиск Москвой

Иван Пуни. Рельеф с тилой. 1915

союзников среди наиболее одиозных режимов как в СНГ (например, Белоруссия и Узбекистан), так и за его пределами (Сирия, Иран, Северная Корея), и это дает действительные основания для тревоги. Ее усиливает театрализованное сближение России с Китаем. Все это побуждает западных лидеров сглаживать свои разногласия с российским руководством, в первую очередь чтобы «не отвращать» от себя слабого и нерешительного союзника, но в то же время потенциального противника.

Почему же соображения, возникающие как на эмоционально-историческом, так и на приземленно-рациональном уровне осмысления Западом российской действительности, по сути парализуют способность западных экспертов к *прогностической оценке* путей развития России?

Адекватному осмыслению российских проблем мешает целый ряд обстоятельств эмоционального, рационального и даже идеологического толка.

С эмоциональной точки зрения усилия президента В. Путина не могут не казаться плодотворными, особенно если учитывать масштаб проблем 90-х

годов и не вполне благовидную роль самого Запада в их преодолении. «Нарушения прав человека» в России сводятся в общественном сознании Запада к проблеме Чечни, которая нередко «списывается» на борьбу с терроризмом, да еще к преследованию олигархов, природа обогащения которых повсеместно вызывает вопросы. Что до отсутствия независимого суда, последовательного ущемления свободы слова (и даже гласности), всепроникающего мздоимства, то все это воспринимается обычно как внутреннее дело России. Кроме того, Запад слишком долго закрывал глаза на эти «шалости» кремлевских руководителей, чтобы вдруг публично озаботиться ими. Именно поэтому каждое новое тревожное сообщение из России скорее раздражает, чем возмущает, и не вызывает на Западе решительной реакции.

Обстоятельства рационального толка в значительной мере сводятся к крайне негативной роли, которую играет чрезмерная экономизация западной политической теории. Россия воспринимается как динамичная страна с рыночной экономикой в силу абсолютизации темпов роста как главного свидетельства экономического развития, а также в свете известной идеи, согласно которой демократия приобретает устойчивость в обществах, где валовой национальный продукт на душу населения составляет не меньше 6 тысяч долларов. Все это приводит к ощущению, что за будущее российской демократии, в общем-то, нет оснований беспокоиться.

В «идеологическом» смысле огромную роль играет пресловутая «прозападность» режима В. Путина. Президенту удалось убедить своих западных коллег в том, что в России нет значимых сил, которые будут следовать столь же дружеским в отношении Запада курсом, как он и его окружение. Однако это «западничество» прослеживается только во внешней политике; внутренняя политика направлена на свертывание институтов западного типа и дискредитацию европейских ценностей. Фактически В. Путин убедил американского и европейских лидеров в том, что демократия в России столь же желательна, как в Саудовской Аравии: она, конечно, нужна «в принципе», но крайне опасна на практике. Приводя доказательства, обычно говорят об укреплении в стране крайне правых националистических сил, делающих ставку на возрождение империи советского типа. Однако подобно тому, как режим Саудов официально поддерживает ваххабитов и через посредников финансирует террористические организации, так и режим В. Путина выступает главным спонсором и покровителем националистических сил в России. Более того, если в арабских странах, как утверждают некоторые эксперты, народные массы более реакционны, чем в свете официальной пропаганды, то в России правительство последовательно изображает *свой народ хуже*, чем он есть, а *государство – лучше*. То, что логика действий российского руководства, его цели и средства их достижения остаются за пределами понимания на Западе, хорошо видно при непосредственном общении с представителями западного экспертного сообщества. В последнее время они либо откровенно не верят многим сведениям, поступающим из России, либо рассматривают соответствующие факты как примеры досадных исключений из позитивной в целом практики. И это, на мой взгляд, ошибочная позиция.

Значит ли все это, что Запад предаст демократию в России? Нет. Потому что он не обязан защищать и пестовать ее в этой части мира. Построение демократического общества в России – это задача самих россиян, и вряд ли чья-либо еще. Ошибкой западных стран мне представляется не их «невмешательство» в ситуацию, а скорее их неаяная (а порой и вполне отчетливая) поддерж-

ка недемократического правительства современной России. Возможно, эта поддержка обусловлена распространенным в США и Европе представлением, будто Россия в состоянии изменить свой политический и экономический курс и вновь превратиться в опасный для Запада аналог советской империи. *Это глубокое заблуждение*. Современная Россия не может стать соперником Запада по целому ряду причин.

Во-первых, современная Россия совершенно несамодостаточная в экономическом отношении страна. Почти 70% процентов ее экспорта составляют сырьевые товары, и около 75% экспортируемого сырья идет в европейские страны

СНГ, ЕС и США. *Россия больше зависит от Европы как потребителя ее энергоресурсов, чем Европа от России как их поставщика*. Гипотетически она может «перекрыть трубу» в ЕС, но европейцы найдут альтернативных поставщиков, тогда как Россия не имеет возможности экспортировать свое сырье на иные рынки. Да, такое развитие событий может вызвать скачок нефтяных цен, но за последние годы они и без того выросли почти в пять раз и тех страшных последствий, которыми пугали многие аналитики, не случилось. Итак: Запад экономически нужен России больше, чем Россия Западу.

Во-вторых, российское общество сегодня далеко не столь реакционно, как это принято считать. Западные эксперты противоречат сами себе, с одной стороны, утверждая, что хозяйственный прогресс и большая открытость непременно ведут к торжеству демократии, а с другой – соревнуясь друг с другом в описании опасности возрождения националистических и фашистских движений в России. Демократическая Россия, обладающая реальной свободой волеизъявления и печати, независимой судебной системой и открытой рыночной экономикой, не опасна для Запада безотносительно к тому, какое правительство придет к власти в Кремле.

В-третьих, Россия не может без катастрофических для себя последствий укреплять союз с Китаем, который намного сильнее ее экономически и прочнее политически. Если вопрос геополитического выбора между Европой/США и Китаем будет поставлен на повестку дня, сторонники «восточного вектора» в самой России останутся в несомненном меньшинстве по причине отсутствия на протяжении всей истории тесных культурных связей с Востоком, реальной опасности китайской экспансии и неразвитости хозяйственных отношений между странами. Поэтому бояться ужесточения «антизападного» курса России не следует; я уверен, что такой курс можно усматривать лишь в риторике президента, предназначенной почти исключительно для «внутреннего потребления».

Наконец, в-четвертых, нынешнее российское руководство отнюдь не столь свободно в своих действиях, как можно думать, прислушиваясь к его заявлениям. Все его практические действия были в последние годы нацелены на обеспечение материального благосостояния узкого круга частных лиц. Десятки миллиардов долларов либо вывезены из России в Европу и США, либо воплощены в российских активах, собственниками которых являются западные фирмы. Эти средства – мощнейший рычаг давления на Кремль.

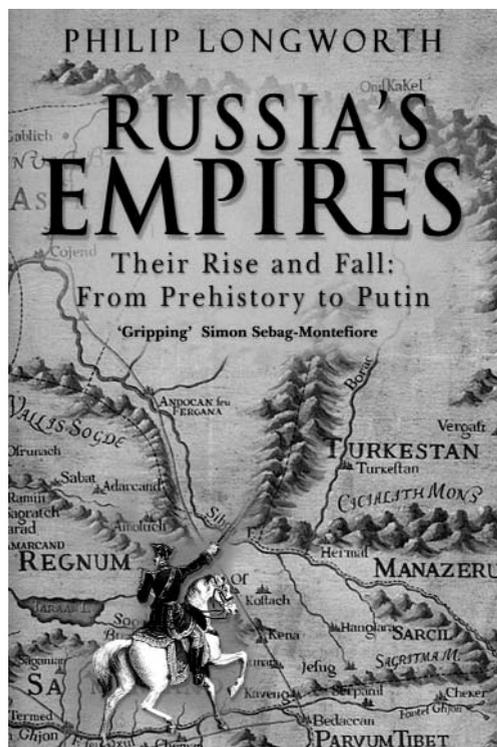
Логика действий российского руководства, его цели и средства их достижения остаются за пределами понимания на Западе

Россия: от империи к империи

Longworth Philip. Russia's Empires, Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin. — London: John Murray, 2005. — 398 p.

Честно говоря, к чтению этой книги я приступал с некоторой опаской. Исходя из цели, провозглашаемой автором на первых же страницах, — «выявить те особенности российского империализма, которые позволяют ему, подобно птице феникс, постоянно возрождаться из пепла» (с. 2), — вполне можно было ожидать, что в этом сочинении в очередной раз состоится обличение русских как «естественных» империалистов, генетически предрасположенных к безудержному поглощению иных земель и народов. Мои страхи, однако, не оправдались. Профессор Лонгворт, еще в 1960-е годы прославившийся своей очень обстоятельной и объективной книгой о нашем казачестве*, в очередной раз оказался на высоте. Русские, по его вполне справедливому утверждению, занимались имперским строительством как бы невзначай, ненароком, не ведая, что творят. «Россия создала огромную колониальную империю на территории Сибири и южной степи, — пишет он о временах Ивана Грозного. — Но они делали это невинно, не отдавая себе отчета в политическом значении факта и в долгосрочных стратегических последствиях принятия колоссальных пространств под контроль Москвы» (с. 110). Иными словами, мы были колонизаторами поневоле: именно эта четко выраженная автором и очень понятная предпосылка заставила меня прочесть эту книгу от корки до корки.

«Большинство империй возникают, расширяются, а потом рушатся — и, рухнув, никогда не возрождаются заново. Но в отношении России все по-другому. Русским удалось построить не одну, а четыре империи», — пишет автор (с. 1). В этом ряду он упоминает торго-

вую империю Киевской Руси, империю Ивана Грозного, империю Романовых, империю большевиков. Каждая из них, пройдя свой жизненный цикл, распадалась в силу специфических обстоятельств места и времени. Эти причины подробно анализируются, причем Лонгворт убедительно доказывает, что крах имперского проекта каждый раз был столь же неизбежен, как и его последующее возрождение. Главным вопросом, однако, остается вопрос о видах на будущее, ибо «империи ушли, но Россия и русские остались» (с. 322). Размышляя на эту тему, автор, разумеется, не дает готовых ответов, хотя убедительно показывает: в начале XXI века наша страна может лишь грезить об империи, ибо ресурсов, необходимых для реализации этого проекта, у нее пока нет.

Интересны авторские замечания по поводу того, как имперские притязания русских интерпретировались на Западе. Читая книгу, можно сделать вывод о том, что западные наблюдатели приписывали нам гораздо больше грехов, нежели мы заслуживали, причем завеса подозрительности становилась наиболее густой именно в те периоды, когда Россия укреплялась в своем статусе конкурента западных держав. Так, «немцы, напуганные натиском Ивана Грозного в Прибалтике, использовали только что изобретенный печатный станок для того, чтобы очернить царя, приписывая ему неслыханные преступления. Злодеяния действительно совершались, хотя они и не были монополией одной из сторон, но преувеличенные и вымышленные истории о русских целенаправленно распространялись для того, чтобы вызвать сочувствие в немецком мире и поддержку со стороны Габсбургов» (с. 88). Подобные вещи повторялись неоднократно и со временем обличение зловещих замыслов русских вылилось на Западе в особый литературный жанр, обслуживавший вполне конкретные политические интересы. Именно из этого разряда, в частности, упоминаемое Лонгвортом подложное внешнеполитическое завещание Петра I, широко использовавшееся французской дипломатией на протяжении XVIII века. «Подобно тому, как польские дипломаты и немецкие публицисты раздували страхи перед Иваном Грозным, Франция (с помощью этого документа. — А.З.) поддерживала опасения по поводу ненасытной России, стремящейся проглотить Европу. Это внесло свой вклад в навязчивые фобии будущих эпох. Подъем империи означает рост могущества; он может принести богатство, а это обязательно возбудит врагов» (с. 167). Сказанное, конечно, не означает, что имперское государство в России создавалось и руководилось непорочными ангелами. Автор отнюдь не утверждает ничего подобного. На чем он настаивает, так это на необходимости взвешенного соотнесения того, чем Россия являлась в действительности, с тем, что хотели видеть в ней предвзятые наблюдатели. Мрачные особенности русской жизни не отрицаются автором; он, к примеру, твердо

убежден в том, что русский тип власти напрямую связан с разрушительным влиянием природных условий России на институт частной собственности. «Какой смысл во владении землей, если семейство каждые несколько лет переезжает с места на место, а дефицита земли нет вовсе?» — замечает автор, анализируя докрепостнический период нашей истории (с. 14). Если же представления о собственности не сложились, то не могло быть и той индивидуалистической трудовой этики, которая отличала Запад, — со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями, включая огромную роль насилия в русской жизни и саму самодержавную природу русской власти (с. 17). Таков вывод Лонгворта, с которым согласились бы, по-видимому, такие разные авторы, как Ричард Пайпс и Юрий Пивоваров.

Но это лишь одна сторона проблемы; другая же заключается в том, что в России и русских гораздо меньше необычного, чем принято думать. В целом наш исторический путь повторял закономерности исторического пути западных стран, сколько бы русофилы на Востоке и русофобы на Западе ни настаивали на обратном. Иван Грозный как политический деятель и как личность, без сомнения, ужасен, но и его современник Генрих VIII был, судя по всему, малопривлекательным человеком. «Эта чистка, — говорит Лонгворт об опричнине, — не была прихотью безумного параноика, на чем настаивает солидный пласт литературы об Иване. Его намерение заключалось в том, чтобы уничтожить оппозицию самодержавному правлению, что он полагал существенным для выполнения Россией ее имперского предназначения. То, что защищал Иван, было весьма похоже на феномен, утвердившийся на Западе под названием абсолютизма» (с. 101). Таких параллелей великое множество. И это крайне важно, ибо именно их наличие содержит в себе надежду — надежду на окончательное преодоление имперского проекта, принесшего России немалые блага в прошлом, но столь же бесперспективного в качестве плана на будущее.

* Longworth P. *The Cossacks*. — London: Constable, 1969.

Региональное книжное обозрение

Киричек П.Н., Потапов П.Ф. Печать и этнос. — Саранск: «Красный Октябрь», 2005. — 104 с.

Перефразировав известное выражение, ставшее классическим, можно сказать, что национальный вопрос в свое время изрядно «испортил» советских людей. Последствия «порчи» до сих пор сказываются на правопреемниках — российских гражданах. Некогда самые счастливые от ощущения братства — отчасти навязанного, отчасти в самом деле испытываемого от сопричастности к общей беде и общей радости, поскольку в исторической памяти еще были свежи фрагменты боевого товарищества, когда в «чести» было — сам погибай, а товарища выручай, и не менее забытые страницы послевоенной солидарности, когда ощущение верного плеча на стройках пятилетки независимо от национальной принадлежности стоило не менее дорого — сегодня эти люди, их потомки испытывают явный дискомфорт от происходящего. Национальная идентификация, совершенно естественно выбранная этническими сообществами как одно из средств достижения цели в процессе национального возрождения народов России, пробуждения национального самосознания, неожиданно создала очень зыбкую и необычайно подвижную «критическую массу» социальных отношений и социального взаимодействия, способную в любой исторический момент перейти в различные формы национального развития — подъем, стагнацию, кризис, депрессию.

Если широко пропагандируемый принцип социалистического интернационализма был неким подарком судьбы, впрочем, не выдержавшим испытания временем, то теперь, в новые времена, состояние приязни, толерантного отношения друг к другу стало необходимо приобретать как социаль-

ный капитал для будущего продуктивного сосуществования.

Этот амбивалентный процесс — давайте будем откровенны — конфликтного взаимодействия имеет несколько значимых акторов, среди которых одно из доминантных положений, как доказывают медиаисследователи из Саранска профессора П.Н. Киричек и П.Ф. Потапов, занимает современная журналистика, встроенная в этнокультурные процессы Поволжского региона. Территориально эти процессы рассматриваются на примере трех поволжских республик — Мордовии, Татарстана и Чувашии. В чем-то очень разных, поскольку этнический регион Поволжья представляет собой целый мир исторически сложившихся субцивилизаций — укладов жизни, традиций, духовно-нравственных ценностей финно-угорского и тюркского происхождения. И в то же время близких — в силу исторических судеб и наличия в традиционной культуре этих народов многочисленных этнокультурных параллелей, а также аутентичных элементов и явлений социокультурного свойства.

«Печать и этнос» П.Н. Киричек и П.Ф. Потапова при всей, казалось бы, непритязательности названия на оригинальность претендует на весьма значимую оценку с позиций этносоциологии и этножурналистики.

Авторы справедливо отмечают, что «работающий в местной прессе журналист вынужден всегда держать в уме то обстоятельство, что Поволжский регион, наряду с Кавказским, является в России наиболее представительным — по числу проживающих на его территории народов». И можно без преувеличения добавить, что этот полиэтничный регион своего рода индикатор национально-культурного самочувствия в целом России.

«Этнический ренессанс», понятие, впервые вводимое авторами в научный оборот и

обозначающее динамическую характеристику регионального социума в переходном его состоянии, нередко задается линией поведения СМИ. Во всяком случае, импульсы этнического развития, а часто и его алгоритм исходят именно от массмедиа.

Проанализировав этническую ситуацию в регионе, авторы приходят к убеждению, что у нее может быть три различных вектора возможной ориентации: а) межэтническое сотрудничество; б) этническое доминирование; в) стагнация существующих этнокультурных конструктов. Все три стратегии находили свое место в публицистических подходах местной прессы к освещению национального вопроса. В прессе даже появился специальный термин, обозначающий целый феномен в общественном сознании мордвы, татар, чувашей, названный «позитивным национализмом», что стало возможным из-за «ущемления интересов различных народов», приведшего к запуску защитного механизма биологического и культурного выживания этносов.

Осознавая, что в период «этнического ренессанса», когда периодическая печать начинает обладать большими проникающими свойствами, нельзя довольствоваться прежними единицами измерения деятельности газет, авторы предлагают принципиально новый критерий оценки — медиаиндекс региона. Этот показатель рассчитывается для печати делением общей численности населения региона на суммарный тираж газет. При этом абсолютное положительное значение медиаиндекса (аудитории/тиража) обратно пропорционально его числовому выражению — чем меньше последнее, тем больше проникающее свойство периодической печати, поскольку увеличивается «плотность тиража издания» и возрастает его способность концентрировать на определенных социальных группах свое массово-информационное этнокультурное воздействие.

Использование качественно нового критерия позволило авторам сделать заключение о том, что в Татарстане и Чувашии законы информационного рынка действуют в соответствии с духовно-практическими потребностями граждан, что позволяет энергично

«продвигать» поставленную на будущее прагматическую задачу — создание в регионе информационного общества. В Мордовии же отмечается дисгармоничность действия упомянутых законов информационного рынка в силу оторванности прессы (за исключением районной печати) от духовно-практических потребностей граждан, что отдаляет регион от преимуществ информационного общества.

Авторам, безусловно, больше импонирует — и это вполне справедливо — центристская позиция в поликультурном пространстве этнического ренессанса, поскольку она более рациональна и продуктивна из всех возможных линий поведения СМИ. Для журналистов рассматриваемого региона создание «нового общего дома» не пустой звук. Это реальное участие в гармонизации этнокультурного пространства и формировании национально-культурной политики.

Евгений Сулов,
г. Йошкар-Ола

Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. — 200 с.

Вопрос об участии СМИ в различных социальных процессах вызывает сегодня все больший отклик и интерес, как у исследователей, так и в среде журналистского сообщества.

Представляемая работа имеет свою историю. В 2000 году увидела свет составленная при непосредственном участии И.Г. Ясавеева хрестоматия переводных статей и отрывков из книг зарубежных авторов «Средства массовой коммуникации и социальные проблемы». Следующей важной вехой можно считать выпуск издательством Казанского университета учебного пособия по социологии (2001 г.) под редакцией С.А. Ерофеева и Л.Р. Назимовой, куда также вошла глава по социологии социальных проблем и материалы, посвященные анализу процессов массовой коммуникации, написанные Ясавеевым. И наконец, можно вспомнить

одноименный специальный курс для студентов и слушателей Центра социологии культуры Казанского государственного университета, читаемый автором на протяжении уже нескольких лет.

Монография включает разбитые на семь глав две части: первая — «Социологические подходы к социальным проблемам» — знакомит читателя с историей возникновения понятия «социальные проблемы», вторая — «Средства массовой коммуникации и социальные проблемы» — посвящена анализу деятельности средств массовой коммуникации в контексте конструирования социальных проблем.

Главы, составляющие первую часть, фиксируют классификационную схему концепта «социальная проблема»:

- традиционные социологические подходы, к которым автор относит теории социальной патологии и дезорганизации, а также функционалистскую и критическую (марксистскую) традиции;
- интеракционистский подход, репрезентируемый идеей «определения ситуации» и теорией «наклеивания ярлыков»;
- конструкционистский подход в двух его вариациях — феноменологической и контекстуальной.

Все теоретические модели, отнесенные к первой группе, объединяет понимание социальных проблем как «объективно существующих патологических или дезорганизованных состояний, дисфункций и противоречий». Здесь внимание современного читателя, воспитанного на криминальных хрониках и детективных сюжетах, несомненно, привлечет теория «врожденной преступности» Ч. Ломброзо. А интерес социального теоретика вызовет четкость разведения подходов социальной патологии и концепции нормальных и патологических социальных фактов Э. Дюркгейма, указавшего в свое время на относительность определения норм и патологии.

Функционалистский подход и созданные в его рамках работы Р. Мертона и Р. Нисбета также рассматриваются автором в качестве заметной вехи развития идей о природе социальных проблем. Здесь выделяются положения Р. Мертона о явных и латентных

социальных проблемах, теория девиантного поведения и типология моделей приспособительного поведения индивидов, занимающих различные позиции в социальной структуре.

Критическую традицию иллюстрируют в основном сюжеты из области криминологии. Это выводы Р. Куинни о неизбежности преступности в буржуазном обществе, а также положения, выдвинутые У. Чемблисом, о структурном факторе безнаказанности преступлений, служащих интересам господствующего класса. В этой связи представляет интерес одно из его наблюдений о том, что главной целью существования правоохранительных органов в капиталистических странах является не сокращение преступности, а управление ею через взаимодействие с преступными группировками. Вторая глава посвящена интеракционистскому подходу к изучению социальных проблем. Иллюстрацией работы данного теоретического направления служит детальный разбор российской ситуации с заключенными и «борьба» с наркотиками. Обращение к статистике, официальным документам и материалам электронных СМИ еще раз доказывает вывод названных ученых о том, что «жестокое и силовое решение этих проблем ведет к усугублению ситуации» (с. 47).

И наконец, третья глава раскрывает суть конструкционистского подхода, являющегося стержнем всего последующего анализа. В отличие от так называемого феноменологического конструкционизма, здесь допускается включение в сферу внимания исследователя помимо риторики утверждений-требований также характеристика социальных условий и ситуаций, относительно которых они выдвигаются. Более четко представить различие традиционного и конструкционистского подхода позволяет таблица сравнительного анализа исследовательских вопросов относительно массового употребления алкоголя (с. 56).

Вторая часть монографии включает четыре главы и посвящена взаимоотношениям СМИ и социальных проблем.

В четвертой главе дан вариант возможного ответа на вопрос, почему те или иные ситу-

ации определяются (или не определяются) общественностью как социальные проблемы. Четкое и внятное описание концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска и пяти условий успешного представления проблем, для того чтобы они были приняты в медийное производство, подготавливает читателя к обсуждению конкуренции социальных проблем в современном российском обществе.

Две следующие главы посвящены анализу роли средств массовой коммуникации в освещении таких проблем, как преступность, побеги из частей российской армии и распространение ВИЧ. На материале исследований региональных СМИ республики Татарстан автор демонстрирует значительные искажения представления журналистами информации и факт формирования у читателей и зрителей репрессивных взглядов в отношении людей, непосредственно вовлеченных в эти проблемы (с. 93). Приведенные в этой связи данные оригинальных эмпирических исследований могут быть полезны ученым, работающим со схожей проблематикой.

Помимо этого, пятая глава содержит раздел, посвященный обзору исследовательских проектов американских, британских и ирландских криминологов, подтвердивших значимое влияние материалов СМИ на формирование общественного мнения в отношении преступности в разные периоды. Об искажениях восприятия преступностью общественностью, вносимых деятельностью журналистов, свидетельствуют работы Д. Грэбера, Дж. Шелли и К. Эшкинза, Дж. Диттона и Дж. Даффи и других аналитиков.

Опираясь на подробный анализ данных о распространении ВИЧ в России и исследование отношения российских СМИ к их освещению, ученый приходит к выводу о существовании порочного круга: массмедиа не создают у общественности серьезного отношения к возможности инфицирования, в результате чего у людей не формируется готовность принимать меры индивидуальной безопасности.

Заключительная седьмая глава знакомит читателя с некоторыми непреднамеренны-

ми эффектами представления проблем в СМИ — концепцией «усталости сострадать» и феноменом наркотизирующего влияния средств массовой информации. Это тем более важно, что, как убедительно показано автором, подобные эмоциональные состояния достаточно широко распространены в российском обществе (с. 153). Весьма красноречивыми кажутся в этой связи выдержки из интервью с журналистами, всерьез полагающими, что где больше крови — там «самое интересное», хотя порой и замечаящими несоответствие данного убеждения реальной ситуации.

Завершает книгу один из самых примечательных сюжетов — анализ возможности привлечь внимание к положению людей с ограниченными возможностями, тем самым сконструировать социальную проблему, заставить общество признать ее и принять меры для ее решения. Автор несколько пессимистичен в оценке перспектив участия СМИ в организации такой кампании, однако можно обратить внимание на ряд стратегий, приведенных в начале книги (с. 65). Например, такие как «конструирование отличного в рамках “знакомого”», «персонализация проблемы», «конструирование проблемы в надлежащее время» и некоторые другие.

Иначе получается, что сконструировать можно лишь те социальные проблемы, которые и без того имеют высокие шансы быть признанными за таковые (преступность, последствия техногенных катастроф и т.д.), поскольку они отвечают требованиям новостного формата и соответствуют интересам правящих элит.

Дополняя впечатления от знакомства с монографией, представляется полезным обозначить еще один аспект методологического характера, связанный с выбором новостных программ в качестве основного объекта внимания. Не вызывает сомнения, что в индустриальном обществе именно новостям присвоен статус общезначимости и, видимо, поэтому они гораздо чаще других жанров подвергаются анализу. Кроме того, новостям, особенно телевизионным, больше доверяют, поскольку они воспринимаются аудиторией не как выду-

маные, а как зеркальное отражение реальности. Однако некоторые исследователи убедительно показали, что, во-первых, новости точно так же конструируются, а во-вторых, являются исключительно «мужским» жанром, представляющим интересы доминирующих групп (государства, разного рода элит), в то время как ток-шоу, мыльные оперы и прочие развлекательные передачи относятся к сфере «женских» жанров и наделяются более низким статусом. Принимая во внимание данные наблюдения, можно заключить, что жизненные трудности маргинальных групп — людей с ограниченными возможностями, ВИЧ-инфицированных, бездомных — попадут в сферу внимания производителей новостей лишь в том случае, если будут отвечать интересам власти. Представленные же в формате «женских» жанров, они не будут восприняты аудиторией как серьезные социальные проблемы.

Разумеется, это только пример того, как одни и те же явления могут быть теоретизированы с разных методологических позиций и интерпретированы многими способами, но их желательно принимать во внимание для полноты предлагаемых рекомендаций. В целом монография с ее продуманным изложением аргументов и богато снабженная материалами эмпирических исследований, безусловно, полезна для развития отечественной традиции исследований на стыке социологии социальных проблем и массовой коммуникации.

Лида Рыгина,
г. Саратов

«Псковская губерния». Избранные страницы. 2000–2005 гг. Сб. статей. — Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2005. — 720 с.

В качестве эпиграфа к моим субъективным заметкам об этой книге я взял бы слова Светланы Прокопьевой — одного из ее авторов: «Я хочу мира на земле. Я безнадежно верю, что это возможно... Я поздравляю с Днем Защитника отечества не тех, кто за-

нят войной, а тех, кто заботится о мире. Тех, кто лечит и спасает жизни. Тех, кто добр и учит добру. Тех, кто любит».

В книгу вошли около 200 избранных статей, опубликованных в региональной общественной газете «Псковская губерния» в 2000–2005 годах по различным проблемам общественного, гражданского, экономического, культурного и социального развития, а также проблемам молодежи и международного сотрудничества на региональном и национальном уровне. Взяв эту книгу в руки и собираясь написать на нее рецензию, я, откровенно говоря, вначале приуныл. Мелькнула мысль: Господи, еще один сборник, да еще статей на общественно-политическую тематику. Однако, начав читать, понял, что дни, которые я проведу с книгой, могут стать для меня крайне полезными.

Что притягивает в этой книге? Наверное, возможность еще раз погрузиться в атмосферу недавних событий, вспомнить о них.

Все статьи проникнуты желанием их авторов ухватить суть тех событий и процессов, о которых они пишут, стараясь за единичными фактами разглядеть тренды. Тренды развития страны и региона, изменения в отношениях между обществом, государством и бизнесом. Несомненно, это профессиональная пресса с ярко выраженной гражданской позицией, если учесть, что подавляющая часть статей написана людьми, умеющими искренне ценить дар других. В моем литературном багаже эта книга стала первым изданием подобного рода. Ее авторы, предлагая читателю свой взгляд на происходящее, безусловно, стремятся к тому, чтобы публичное обсуждение актуальных проблем развития их региона и страны в целом было плодотворным, поскольку именно от этого зависит наше будущее.

Хочется сказать огромное спасибо всем соавторам этой книги за то удовольствие, которое доставило мне ее чтение. Псковская область стала мне ближе и понятней.

Борис Подольный,
г. Вологда

Контрапункт

СЛОВО КАК СТРАТЕГИЯ ДВИЖЕНИЯ

Борис Дубин. На полях письма: Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке. М.: *Emergency Exit*, 2005. 528 с.

Одна из главных (и печальных) особенностей советской культурной жизни заключалась в следующем. И сторонники, и противники Запада, либерализма, философии прав человека, юридической цивилизации, открытого общества предпочитали говорить о Западе вообще, либерализме в целом, философии в общем виде, юриспруденции как таковой, социуме и культуре в принципе. Убежденные патриоты и столь же убежденные космополиты стал-

кивались в непримиримых спорах о русском крестьянском космосе, о земском начале отечественной истории и соборном характере нации, не пытаясь детализовать предмет спора, вникнуть в подробности, изучить предмет полемики. Славная получалась дискуссия. Потому что сталкиваться по предмету, которого не знаешь досконально, очень просто и приятно; взмах правой руки: поглядите на Запад! взмах левой: обратите внимание на Восток! кивок головой: а вот еще Север! и Юг тоже имеется... Простор, раздолье, великолепие; мысль несется над серьезным знанием и не замечает, как оказывается в безвоздушном пространстве... Эту привычку говорить о Западе в целом, о России в общем мы благополучно пронесли через эпоху перестройки и 90-е годы, сохранили ее в неприкосновенности в 2000-е. Разумеется, слово «мы» относится к тому же лексикону вольных споров ни о чем; при ближайшем рассмотрении оно расслаивается, распадается на множество индивидуальных и типичных случаев,

Александр Архангельский, «Известия» — специально для «Общей тетради».

личных и групповых стратегий, которые несводимы к единому коллективному образу. Были (и будут) твердые сторонники частичной специализации, презрительно отзывающиеся о верхоглядах, которые претендуют на какой-то интеллектуальный синтез. Но эти специалисты, как правило, сами не в состоянии подняться над уровнем эмпирических наблюдений, решиться на обобщение, без которого дальнейший путь общества, науки, культуры невозможен; свой страх перед вольным размышлением, умственную импотенцию регистраторов они прячут за тотальной насмешкой. Между тем всегда были (и, надеюсь, всегда будут) люди, для которых пустые абстракции не существуют, но и равнодушное коллекционирование фактов неприемлемо. Один из них — переводчик Антонио Мачадо и Федерико Гарсиа Лорки, Аполлинера и Борхеса, Милоша и Бланшо, историк литературы, социолог чтения Борис Дубин. Книга «На полях письма» составлена из его предисловий, эссе, заметок, отчасти и переводов разных лет; как правило, такой разбросанный материал несводим в нечто целостное и концептуальное; если — сводим,

значит, все эти тексты были написаны под единым углом зрения, изнутри давно сложившейся концепции. Наверное, это биографическая случайность, что в центре его интересов оказались латиноамериканцы, восточноевропейцы и французский модернизм; на самом деле случайность обернулась закономерностью. Трагический опыт преодоления европейского надлома в XX веке и мучительный путь преобразования традиции в испаноязычных культурах новейшего времени сами собой накладываются на те проблемы, с которыми столкнулась отечественная цивилизация на излете 1980-х и которые по причине не полного невежества политического класса и медийного сословия казались исключительными, ни на что не похожими. Разумеется, я не хочу сказать, что если бы политики и журналисты читали изысканные, утонченные рассуждения Бориса Дубина о литературной стратегии великого слепца Борхеса или о прозе Бруно Шульца или о социальных видениях Сэмюэла Беккета, то наша история пошла бы по-другому. Забавно представить себе Виктора Степановича Черномырдина, увлеченно читающего такие вот строки:

«Модель творчества, понимаемого как «расширение жизни», как «представление новых способов жить», для Зонтага уже не столько литература, тем более не роман... сколько изобразительные искусства и балетная пластика, кино и архитектура, театральные эксперимент и философская, социологическая, антропологическая эссеистика». Боюсь, такого даже Гайдар не осилил бы...

Но ведь я о другом. Не о том, что практикующие политики должны (или хотя бы в состоянии) читать подобные книги, — хотя в развитых странах они чаще всего их и читают, как Помпиду, начинавший карьеру в качестве специалиста по французской поэзии XVII века, или Миттеран, любивший демонстрировать свой интеллектуализм, или Ширак, переводивший «Евгения Онегина». Нет, наша задача на данном этапе цивилизационного развития куда скромнее: создать в стране такую интеллектуальную атмосферу, которая раз навсегда исключает как беспочвенные споры неграмотных образованцев на темы, в которых они равным счетом ничего не смыслят, так и презрительное фактонакопительство. Осмысленные дискуссии о разных

стратегиях культурной, исторической, политической работы, расширение кругозора рано или поздно сформируют набор *иных* общепринятых представлений о стране и мире, которые, дойдя до стадии банальности, повлияют на образ мысли наших политиков. И отрезут им путь к отступлению в привычную, родную, затхлую советскую атмосферу, к чему они еще долго будут иметь неодолимую склонность.

ЧТЕНИЕ КАК ВЕКТОР ПУТИ

Владислав Иноземцев. Книгочей: библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: НИИЦ «Ладомир», 2005. 436 с.

Сказанное о книге Бориса Дубина можно, с известными поправками, повторить применительно к книге известного российского экономиста и мыслителя Владислава Иноземцева. С той лишь разницей, что ее-то как раз политику полезно прочитать непосредственно, а не узнать в отголосках интеллектуальных дискуссий по ее поводу. Во-первых, потому что она сама организована как мощный отголосок — американских,

европейских, российских исследований в области философии, экономики, социологии, политологии; это сборник текстов, которые на протяжении ряда лет публиковались в полутора десятках журналов. Во-вторых, потому что в центре внимания автора не общекультурные, а именно политические проблемы, пускай и взятые в теоретическом аспекте, но имеющие самое непосредственное отношение к политической практике.

Так вот. Легко схлестнуться с оппонентом, который знает о предмете даже меньше, чем ты. Еще легче обличать врага, который про тебя никогда не слышал и которого ты не изучал. Трудно иметь дело с реальным противником. И с реальным союзником — тоже нелегко. Потому что реальный противник

сложнее, чем хотелось бы: в чем-то он жестче, чем можно себе вообразить, а в чем-то мягче, чем хотелось бы для нанесения шквального удара. И реальный союзник — в чем-то полноценный друг, а в чем-то, может стать, и неподдельный недруг. Плоские решения приходится заменять объемными, одноходовки — многоходовыми комбинациями, отказывая себе в праве на хлесткость и безответственность.

Взять хотя бы любимого врага патриотически настроенных (вне зависимости от того, либералы они, или коммунисты, или «родинцы») российских политиков, Збигнева Бжезинского. Так приятно лишиться раз обличить его в русофобии, в проповеди американского гегемонизма, обозвать ястребом и сторонником имперской политики нынешних США... Тем более что особой любви к России этот старый политический мыслитель и практик и впрямь не испытывает; толика злорадства в его жестких оценках нынешней российской реальности присутствует; американское доминирование он считает условием успешного развития современного мира. Но! Есть существенное отличие между обозначенной схемой и дей-

ствительным содержанием последних книг Бжезинского. Он как раз чем дальше, тем раздраженной отзывается о военно-имперском гегемонизме США и говорит о роковых опасностях пути, по которому идет нынешняя Америка; гегемонизму постмодернистской империи он противопоставляет идею мирового ненасильственного лидерства, основанного на успехах экономики, привлекательности культуры, универсализме ценностей. Может стать, приятней от этого холодно-вато-высокомерная мысль Бжезинского не становится, но совершенно точно, что спорить с ним, понимая истинный ход его рассуждений, куда сложнее, нежели обличать, ориентируясь на общие карикатурные представления о нем.

Пример Бжезинского — лишь один из множества. Один из признаков нарастающего провинциализма российской элиты, интеллектуальной и политической, заключается в том, что современные историко-философские, экономические, политические теории им в большинстве просто неизвестны. Иноземцев констатирует, что всего лишь 10 процентов ключевых интеллектуальных бестселлеров Европы и Америки до-

ходят до нынешнего отечественного «потребителя». И пытается, насколько это в его силах, поправить положение, трудолюбиво рецензируя главные новинки. От Фукуямы до Хантингтона, от Фариды Закария до Наташа Царанского.

Он недаром отсылает читателя к примеру Андерсена, который был не только великим сказочником, но и великим путешественником, причем смыслом и целью андерсеновских путешествий всегда были встречи с великими современниками. В этом смысле Владислав Иноземцев — путешественник по своим великим современникам, о которых соотечественники слышали, но которых по существу не знают. Его рецензии в теперешнем контексте российской политики играют примерно ту же роль, какую при поздней советской власти играли передачи Юрия Сенкевича «Клуб кинопутешествий»: не имея возможности попасть за границу, зрители смотрели на мир глазами Сенкевича и постепенно приучались к мысли, что помимо американской женщины есть еще и красивая страна Америка, что помимо ужасного НАТО есть и средневековая европейская архитектура; картина

мира постепенно смягчалась. Вот и адресат «Книгочая», узнавая в пересказе, который одобрен качественным анализом, о происходящем в верхнем слое интеллектуальной атмосферы, постепенно отучается говорить о глобализме вообще и демократии в целом, об экономике в общем и о постиндустриализме приблизительно. Он, адресат книги, начинает понимать, как, в каких категориях размышляют о невыдуманных проблемах реального глобализма самые серьезные теоретики и практики; как разрешается внутренний конфликт между либеральной идеологией и демократической практикой; как переживают в Америке события 11 сентября, скептики и оптимисты... Словом, становясь книгочеем, он лишается права быть невежей.

Между прочим, в политике невежей быть куда проще. За примерами далеко ходить не надо. Только последствия для страны и общества могут оказаться катастрофическими.

Как устроено время в медиа? (введение в историю проблемы)

Попробуем ответить на довольно простой вопрос: что является главным временным элементом радиовещания? Ответ будет столь же прост — радиочас. Каждый час, каково бы ни было его эфирное наполнение, начинается с выпуска новостей и завершается паузой перед следующими новостями. Внутри него, конечно, существуют всевозможные сегменты; вещательный час может делиться на половины или даже на четверти сводками новостей и так далее, но полноценным кирпичиком является именно час. Более того, на радио, как и на телевидении, существует понятие информационного часа, тщательно выстроенного, имеющего свою внутреннюю логику, претендующего на полноценное, если не исчерпывающее, освещение событий одного дня. Все это так. Но тогда возникает следующий вопрос, уже посложнее: почему и когда таким элементом стал час?

Чтобы ответить на него, придется совершить экскурс в историю. Но сначала скажем первое, что приходит нам в голову: именно час есть важнейшая хронологическая единица отсчета времени современного человека. Так, по крайней мере, установилось с самого начала Нового времени. Связано это с формированием жизненного уклада Нового времени; хотя, если быть точным, именно этот самый уклад сформировался вокруг изменившегося со Средних веков отношения к времени. Позволим себе еще более глубокое отступление. В Средние века «монополией на время» обладала церковь; церковные колокола не только оповещали о начале служб, но и сообщали мирянам о том, сколько сейчас времени. Календарь крестьянина, горожанина, аристократа, распорядок их жизни зависел от контролируемого церковью времени. И, конечно, базовым хронологическим элементом этого порядка был день, который практически не делился на часы. Первая трещина в этой системе появилась после изобретения часов, особенно после появления часов на городских башнях. С этого момента начался процесс, который некоторые историки называют «секуляризацией времени», причем эта секуляризация сопровождалась интенсификацией жизни, так сказать, ее убыстрением. Это особенно хорошо видно по тому, как работу перестали исчислять днями, от «рассвета до заката», и начали мерить часами. Кстати говоря, именно в результате этого в XIX веке появляется проблема продолжительности рабочего времени — того самого, которое теперь измеряется часами. Количество часов в рабо-

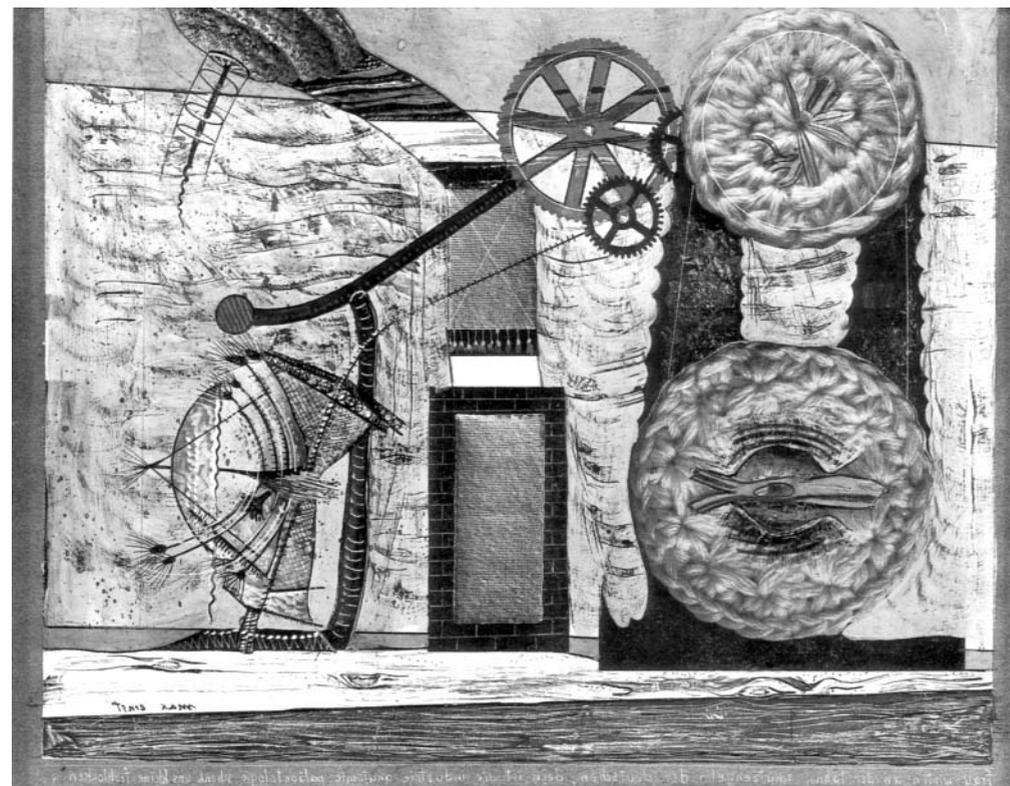

Кирилл Кобрин,
историк, писатель,
журналист «Радио Свобода»,
редактор и ведущий
информационной программы
«Время Свободы»

чем дне, наряду с зарплатой, стали ключевыми вопросами, из-за которых вспыхивали конфликты между работодателями и наемными работниками. Марксистская теория прибавочной стоимости оперирует уже часами и минутами. Сильно преувеличивая, можно сказать, что карманные часы с минутной стрелкой породили профсоюзное и социалистическое движение.

Одним из важнейших последствий «секуляризации времени» (как и секуляризации частной и общественной жизни) стало появление печатной прессы в XVII веке. Основным хронологическим элементом прессы стали сутки (день). Французское слово *journal* переводится как «ежедневник». Посмотрим на названия самых старых и известных европейских и российских газет — они либо напрямую связаны со временем и с приборами, отсчитывающими время (*The Times*, *Куранты*), либо с позицией, которую занимает журналист или читатель в отношении событий (*Наблюдатель*, *Observer*), либо с самой идеей новостей, известий, уведомления о событиях (*Ведомости*, *Известия*, любые англоязычные газеты, имеющие в названии слово *News*), либо со способом доставки этих новостей и уведомлений о событиях (*Курьер*, любые англоязычные газеты, имеющие в названии слово *Post*). Газета XVIII—XX веков рассчитана как раз на то, чтобы быть *журналом* — в изначальном, французском смысле этого слова, информационной реконструкцией одного дня. День человека Нового времени начинался с «работы», с «серьезного» — буржуазная газета начинается с серьезных политических и экономических тем. Рабочий день заканчивается — начинается время отдыха, удовольствий, домашней жизни. В газете этому соответствуют разделы культуры, спорта, домашних советов, объявлений, игр и прочего. Сфера публичного заменяется сферой частного, частного. Не следует также забывать, что с газеты (утренней) начинался (и отчасти сейчас начинается) день «современного человека»: читая ее за завтраком, он как бы проигрывал в сознании основные темы предыдущего дня; прежде всего для того, чтобы оказаться в контексте дня нынешнего. Несколько позже появляется жанр вечерней газеты. Она преимущественно ориентирована на совершенно иной тип восприятия: ее читает человек, завершивший рабочую, публичную часть дня и входящий в частную. Отсюда и иная структура вечерних газет, их ориентация на сенсационность, происшествия, уголовную хронику, то есть на сферу частного. Именно вечерние газеты, судя по всему, стали прообразом таблоидов, по крайней мере на родине последних — в Великобритании.

В том же XVIII веке появляются, после газет, журналы (в современном смысле этого слова). Само название противоречит периодичности этих изданий: они выходят раз в неделю, или раз в месяц, или даже раз в квартал. Тем не менее они, даже самые специальные, в той или иной степени копируют способ организации материала в газете. Возьмем, к примеру, два современных издания, имеющих, впрочем, мощные исторические корни, еженедельник и ежемесячник. К примеру, *Newsweek* и российский «толстый» журнал (жанр, замечу в скобках, уникальный), скажем, *Новый мир*. Материал здесь строится совершенно тем же образом, что и в газете. Вначале — «серьезные» (относительно тематики журнала) публикации, имеющие отношение к публичной (в данном контексте) сфере. В еженедельнике это статьи о политике и экономике, в «толстом» журнале — художественная проза (фикшн) и стихи, то есть Литература (с большой буквы; в той, естественно, иерархии жанров, которая сохранилась в современной русской словесности). Дальше следует переход от публичного к частному, от более значительного к менее значительному. В еженедельнике это статьи на социальные темы, в «толстом» журнале — критика и эссеистика (кстати говоря, последний жанр вообще считается знаком некоей приватности). Наконец, в конце и того и другого уже безраздельно господствует сфера частного: культура, спорт и всякие

Макс Эрст. Хозяйка-хранительница. 1920

мелочи в еженедельнике, в «толстом» журнале — рецензии, письма в редакцию, библиографические обзоры. В некоторых случаях эта старая система вполне работает, например в *Newsweek* и иных изданиях этого типа, в других — абсолютно не соответствует ни современному культурному контексту, ни современному состоянию журнальных жанров (как в случае российских «толстых» журналов, но это особый разговор). Параллельно существует совершенно иной тип периодических изданий (еженедельных прежде всего), построенный на иных основаниях и с учетом совершенно иных жанровых иерархий, достаточно вспомнить, к примеру, такое литературно-художественное издание, как *New Yorker*. Таким образом, можно сказать, что газета, журнал, в том виде, в котором они сложились за последние столетия, воплощают в себе и линейную, и циклическую концепцию времени. Каждое из этих изданий представляет собой замкнутый цикл материалов, подражающий замкнутой структуре суток, начинающихся в 00.00 и кончающихся в 00.00. Иными словами, газету или журнал можно читать как своего рода метаповествование о жизни, и это метаповествование вполне можно соотносить с другим изобретением Нового времени — с романом. Однако внутри такого цикла время движется уже линейно: от сферы рабочей, серьезной, публичной к сфере приватной, частной, сфере отдыха. В этом и газета, и журнал расходятся с романом, который решает задачу реконструкции человеческой жизни (хотя модернистский роман, по крайней мере один из самых знаменитых модернистских романов прошлого века — «Улисс» Джеймса Джойса, и пытался подробнейшим образом реконструировать один день, явив в нем, как в капле воды, весь мир, по крайней мере мир европейца), а пресса пытается реконструировать не всю «жизнь», а всего лишь один «день».

В прошлом столетии возникает другой вид прессы – электронный*. Здесь прямым аналогом газеты и журнала стал как раз информационный час; телевизионный или радио – не важно. Достаточно вспомнить, что само слово «журнал» достаточно часто использовалось и используется на телевидении и радио (например, в русской службе Би-би-си информационно-аналитическую программу называли радиожурналом, на «Радио Свобода» существует аналитический радиожурнал «Время и мир», воспроизводящий в основном структуру, характерную для изданий типа Newsweek, информационные тележурналы существуют на немецких каналах и т.д.). В том или ином виде информационный час в электронных СМИ воспроизводит структуру газеты и журнала, начинаясь с политики, за которой следуют экономика, социальные темы, культура, спорт, погода. Однако сам характер носителя электронных СМИ диктует и серьезные изменения. Газету или журнал можно быстро просмотреть, прочитать наиболее интересное и отложить, информационный теле- или радиочас не прокрутишь в режиме «поиск». Главным врагом жанра информационного часа на телевидении или радио является линейный характер повествования в течение 60 минут: заскучавший зритель (слушатель) может просто переключиться на другую станцию или выключить приемник. И вот здесь возникают две совершенно разные задачи: во-первых, удерживать внимание слушателя (зрителя) как можно дольше, во-вторых, постараться в меньшие, нежели час, сегменты программы уложить самую важную информацию – на случай, если он все-таки выключит телевизор (или радио). В результате несколько меняется концепция времени, заложенная в информационный теле- или радиочас. Целиком, как бумажные газета и журнал, он представляет собой замкнутый цикл. Внутри него время также разворачивается линейно – от сферы публичного к сфере частного, но – и это очень важно! – внутри этого линейного, на первый взгляд, разворачивания времени образуются меньшие циклы. Именно эти циклы становятся минимальной единицей программы; именно они должны содержать тот минимум важнейшей информации, который следует предоставить зрителю (слушателю), у которого нет времени (или желания) дослушивать информационный час до конца. Обычно границами между этими циклами становятся сводки новостей.

В завершение следует обратить внимание еще на один элемент построения информационного теле- или радиочаса. Это так называемые *promo*, короткие рекламы других программ, которые выйдут в эфир позже. С помощью этих *promo* в эфире устанавливается связь между информационными часами и аналитическими программами, ток-шоу и прочими. Попадая в линейное разворачивание информации внутри информационных часов, эти *promo* включаются в ряд реальных событий; сама сетка вещания теле- или радиостанции, таким образом, становится частью того, что происходит в мире; события и их интерпретация выглядят равноценными, мир – умпостижимым и оттого не столь страшным, враждебным, непостижимым. В конце концов, ведущий такого информационного часа не только сообщает информацию аудитории, он создает визуальную и звуковую модель мира, которую зритель (слушатель) может понять и даже сам себе объяснить. Может быть, это и есть главная гуманитарная, а бы даже сказал, культурная задача медиа.

* Оставим в стороне Интернет, где пресса не нашла еще своей особой жанровой сферы и во многом подражает пока приемам прессы бумажной – достаточно посмотреть на организацию и самостоятельных информационных сайтов, например *Lenta.Ru*, и сайтов теле- и радиокорпораций *Си-эм-эн* или *Би-би-си*.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
On Political Ideas of the Beginning of the XXI Century	
<i>Christopher Coker</i>	7
Discussion	14
Theme of the Issue	
Ethnos, Nation and Nationalism	
<i>Evgueni Barabanov</i>	18
Apology of the Russian Idea or How Are We To Preserve Russia	
<i>Serguei Markedonov</i>	27
Principles and Advantages of Decentralization	
<i>Jose-Cruz Perez Lapazarán</i>	33
Cultural Heritage Is the Soul of Humankind	
<i>Denis de Kergorlet</i>	39
XXI century: Challenges and Threats	
Europe and Russia:	
Common Values Which We Have to Defend Together	
<i>Alvaro Jil-Robles</i>	43
Lessons of French	
<i>Serguei Moshkin</i>	48
Discussion	
Animators Needed! On Civil Society and Democracy in Russia	
<i>Vyacheslav Bakhmin</i>	52
Is It Easy for a Journalist To Say the Truth?	
On the Issue of Journalist Ethics	
<i>John Lloyd</i>	55
Money and People	
<i>Aleksander Volkov</i>	59
A New Season in the Political Theatre	
<i>Yuri Girenko</i>	63
Freedom and Culture	
Freedom and Justice: From the Age of Enlightenment to the XXI Century	
<i>Aleksander Sogomonov</i>	66
An Individual Experience	
Yuri Strakhov: "One Shouldn't Be Afraid of Lofty Words"	
<i>Ol'ga Petrova</i>	73
Ideas and Notions	
Politosophy as Life-creation	
<i>Guennadi Burbulis</i>	78
Horizons of Understanding	
Introduction to Power	
<i>Maksim Sergueev</i>	84
From Inside Into Outside	
<i>Aleksander Mordovin</i>	94
Russia and the West	
<i>Vladislav Inozemtsev</i>	98
Books	
Russia: from Empire to Empire	
<i>Andrei Zakharov</i>	110
Regional Book Review	
<i>Evgueni Suslov, Lika Rygina, Boris Podol'ni</i>	112
Counter-Point	
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	117
Nota bene	
What is the Structure of Time in Media?	
<i>Kirill Kobrin</i>	121

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
ПАТРИОТИЗМ И СВОБОДА

СЕМИНАР
(Ленинградская область, февраль 2006)

Наши авторы:

Александр Архангельский
Ирина Бусыгина
Даниэль Дэтлинг
Сергей Егоров
Андрей Захаров
Николай Злобин
Бобо Лу
Ольга Малинова
Михаэль Мертес
Джефф Малгэн
Александр Мордовин
Георгий Сатаров
Александр Согомонов
Александр Сунгуров
Джефффри Хоскинг

квитанция кассир	АНО «Московская школа политических исследований» (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278	
	(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей	
	Дата	Подпись плательщика
квитанция кассир	АНО «Московская школа политических исследований» (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278	
	(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2006 г. (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей	
	Дата	Подпись плательщика

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

1. **Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
  2. **Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)937-76-10 или по эл. почте kira@co.ru
- В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
3. **Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте kira@co.ru или по тел. (495)937-76-10.

Подписано в печать 12.04.2006.
Формат 70×108/16.
Бумага мелованная.
Гарнитура NewBaskerville.
Усл.печ. л. 8.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.
e-mail: mpps@co.ru
<http://www.mpps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.
Отпечатано с готовых диапозитивов

